

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
№ 2/2014

Московский городской психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в Перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор
Михаил Кондратьев

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.И. Донцов, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина, Т.Г. Стефаненко,
Н.Н. Толстых, О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), Л.А. Пергаменщик (Белоруссия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Галина Андреева

Заместитель председателя
Михаил Кондратьев

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

А.И. Донцов, Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко,
Т.И. Шульга (Россия), Е.И. Головаха (Украина), В. Дуаз (Швейцария),
Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), А.А. Файзуллаев (Узбекистан),
К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

Московский городской психолого-педагогический университет

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.
Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теория толпы Л.Н. Войтоловского: ключевые идеи
Д.С. Горбатов

5

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Униженность и оскорбленность» как черта личности:
феноменологический анализ позиции жертвы

С.К. Нартова-Бочавер, Н.Б. Астанина

13

Язык в структуре этнической и религиозной идентичности чеченцев
и ингушей

О.С. Павлова

27

Выгорание и стресс в контексте профессионального
здоровья военнослужащих

М.Е. Зеленова, А.В. Захаров

50

Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста
(по материалам кросскультурного исследования)

В.С. Собкин, М.М. Смылова

71

Кросскультурное исследование взаимосвязи сложности социальной
идентичности и отношения к неопределенности в России и Италии

М.А. Хайт

87

Личностные особенности людей с разным профилем субъективного
качества жизни

А.А. Заиченко, Т.В. Эксакусто

100

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

Риски межнациональной конфликтности в образовательных
учреждениях Москвы

И.М. Кузнецов, О.Е. Хухлаев

115

Метафоры в самоописании организаций

П.К. Власов, А.А. Киселева

127

Особенности профессионального отношения сотрудников к деятельности
и организации (на материале специалистов в банковской сфере)

А.А. Алдашева, Н.Г. Мельникова

138

Влияние художественной литературы на формирование идеалов
современной российской молодежи

А.В. Пушкина

152

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ГАЛИНЫ МИХАЙЛОВНЫ АНДРЕЕВОЙ

158

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

К 90-летию А.В. Петровского

162

Наши авторы

164

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

Voitolovsky's theory of crowd: key ideas

D.S. Gorbatov

5

EXPERIMENTAL RESEARCH

'Degradedness and Insultedness' as Personality Trait:

A Phenomenological Analysis of Victim Position

S.K. Nartova-Bochaver, N.B. Astanina

13

Language in the Structure of Ethnic and Religious Identity
of Chechen and Ingush People

O.S. Pavlova

27

Burnout and Stress in the Context of Professional Health
in Military Personnel

M.E. Zelenova, A.V. Zakharov

50

Bullying at school: the impact of socio-cultural context
(based on cross-cultural research)

V.S. Sobkin, M.M. Smyslova

71

Cross-cultural Research on Correlation between Social Identity Complexity
and Attitude to Ambiguity in Russia and Italy

M.A. Khayt

87

Personality Traits in Individuals with Different Profiles of Subjective
Life Quality

A.A. Zaichenko, T.V. Eksakusto

100

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Risks of Interethnic Conflicts in Educational Institutions of Moscow

I. M. Kuznetsov, O.Ye. Khukhlaev

115

Metaphors in Self-Descriptions of Organizations

P.K. Vlasov, A.A. Kiseleva

127

Features of Bank Employees' Professional Attitude to Activity
and Organization

A.A. Aldasheva, N. G. Melnikova

138

Impact of Fiction on the Development of Ideals in Modern Russian Youth

A.V. Pushkina

152

IN MEMORY OF GALINA M. ANDREEVA

158

MEMORABLE DATES

On the 90th Anniversary of A.V. Petrovsky's Birth

162

Our authors

166

Теория толпы Л.Н. Войтоловского: ключевые идеи

Д.С. ГОРБАТОВ

*доктор психологических наук, профессор кафедры менеджмента
массовых коммуникаций факультета прикладных коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета*

В статье излагается основное содержание теории толпы, разработанной Л.Н. Войтоловским в 20-е годы XX века, уточняются ее принципиальные отличия от других теорий того времени. Специфика толпы как социального объединения, ее склонность к экстремальному поведению, изменения личности в толпе, эмоциональные аспекты взаимодействия — таков перечень вопросов, интересовавших автора последней теории толпы советского периода.

Ключевые слова: толпа, социальная психология толпы, теория Л.Н. Войтоловского, свойства толпы, влияние на личность в толпе, эмоции толпы.

Среди основоположников научного изучения толпы конца XIX — начала XX века не существовало единства мнений относительно такой ее характеристики, как склонность к жестокости, насилию и разрушению. Так, например, Г. Тард писал, что в своем скопище люди «тотчас становятся совершенно чуждыми остальному человечеству, не входящему в их группу, делают неспособными сочувствовать страданиям других людей, еще недавно бывших их братьями и согражданами, а теперь ставших для них совершенно чуждыми или даже врагами, годными лишь к тому, чтобы их жечь, убивать или грабить» [10, с. 7–8]. Точно так же С. Сигеле указывал, что «толпа — это субстрат, в котором микроб зла развивается очень легко, тогда как микроб добра умирает почти всегда, не найдя подходящих условий жизни» [9, с. 42]. Весьма показательно уже то, что работы этих авторов получили названия «Преступления толпы» и «Преступная толпа». Г. Лебон, в свою очередь, применил последнюю формули-

ровку для наименования одной из глав своей книги [7], однако в самом ее начале высказал утверждение, что понятие «преступление» не более применимо к толпе, чем к тигру, пожирающему свою добычу. В отличие от обычных преступников, люди, попавшие под действие непреодолимой силы внушения, уверены в том, что исполняют свой долг. Таким образом, по Г. Лебону, их поступки могут быть преступными с точки зрения закона, но не с позиций психологии. Н.К. Михайловский [8] отмечал, что толпа становится преступной не в силу неких имманентных свойств, но лишь при определенных экономических, политических, нравственных и иных условиях. В других обстоятельствах она не менее способна к подвигу и самопожертвованию, чем к убийству и разрушению.

Так или иначе, все исследователи толпы видели в ней потенциальный источник общественной опасности, слепую стихийную силу, подчиняющую мысли и чувства каждого и грозящую бедствиями тому, кто окажется на ее пути. Единст-

венным исключением в этом ряду стала теория Льва Наумовича Войтоловского (1875—1941), основные положения которой были опубликованы в 1904 и сформулированы в завершённом виде в 1925 году. Ее автор, выступая с позиций «по другую сторону баррикад», считал, что феномен толпы оказался неправильно понят и, более того, нарочито искажен одиозными представителями буржуазной науки.

Студент, исключенный из университета за участие в массовых беспорядках, мобилизованный врач, прошедший обе империалистические войны, председатель совета армейских выборных особой (гвардейской) армии в дни Февральской революции, делегат второго Всероссийского съезда Советов, доброволец Красной Армии, демобилизованный после контузии на польском фронте, позже публицист, писатель и литературный критик, Л.Н. Войтоловский воспринимал себя в роли одного из строителей того мира, для которого толпа не являлась чужеродной стихией. Уже в первой его работе [2] содержатся слова о классовой солидарности, творческом энтузиазме масс, социальных идеалах в сознании большинства, о предчувствии борьбы за материальное и моральное могущество. Через двадцать лет на правах полноправного представителя победителей он с большей уверенностью пишет о «неотразимых» законах истории, грядущих завоеваниях социализма, партии как вожде пролетариата, вождах партии — уникальных людях будущего, непрерывном нарастании духа «коллективного восторга» и особенной «прибавочной энергии» человеческих собраний [3; 4].

Особую неприязнь вызывала у него «вульгарная теория» Г. Лебона, пытаю-

щегося приставить «старую дворянскую голову к демократическим массам» [4, с. 36], описать, «как все устроено самым предусмотрительным образом догадливым буржуазным провидением» [4, с. 37]. Если, рассуждал Л.Н. Войтоловский, вожаки действительно обладают неким качеством обаяния, способным посеять «заразу», а толпа наделена непомерной жаждой им повиноваться, то как объяснить тот факт, что верховодят в ней как раз «зловредные» агитаторы, а «власть имущие предпочитают почему-то вступать в состязание с вожаками не с помощью таинственной силы обаяния, а при содействии хотя и менее пленительной, но более надежной силы — жандармов и полицейских»? [4, с. 38]. Немногим лучше оказались, по его мнению, научные труды Н.К. Михайловского и Г. Тарда, чрезмерно увлекшихся анализом патологии, а не психологии масс.

Согласно воззрениям Л.Н. Войтоловского, авторы классических теорий, настойчиво приписывая толпе преступные наклонности, черты порока, стадного легкомыслия, интеллектуального убожества, угнетения личности, руководствовались представлениями о мелкобуржуазных скопищах как единственно им известных, проявили пристрастие к субъективному социологизму, в основе которого лишь игра словами, «бесплотная фикция, алхимия коллективной души», наконец, в полной мере обнаружили «аристократическое полупрезрение-полунедоверие к черни» [3, с. 21, 27].

Надо заметить, что идея о том, как пробуждение классового сознания кардинально изменяет сущность толпы, долгое время пользовалась популярностью в российских революционных кругах. Еще в 1904 году Л. Троцкий на стра-

ницах «Искры» писал, что полупьяные скопища псевдопатриотических погромщиков разительно отличаются от подлинно одухотворенной пролетарской массы, электризованной «огненными лозунгами революции и свободы» [12, с. 103–104]. При этом пролетарская масса наделялась способностью дисциплинировать каждого из своих членов, не только удерживать от преступления, но и поднимать от повседневных забот и частных интересов до высот истинного благородства и великодушия.

Однако в процессе перехода от уничтожения старого порядка к построению нового общества идеализированное представление о нравственном потенциале толпы, пусть даже состоящей из представителей «передового класса», уходило в прошлое. Уже с конца 20-х годов толпа перестала восприниматься в качестве союзника, вновь приняла характер враждебной стихии, противопоставленной иерархически структурированным и, следовательно, более предсказуемым и управляемым социальным объединениям. Ее научное изучение стало означать политическую ошибку, если не преступление. Как следствие, теория Л.Н. Войтоловского «устарела» почти сразу же после своего опубликования, а заранее анонсированная «Психология коллективного творчества» (третья часть его труда) так и не вышла в свет.

В том что касается обвинений авторов классических теорий в заведомом субъективизме их трактовок, Л.Н. Войтоловский не был одинок. Ту же позицию занял создатель другой теории толпы советского периода — академик В.М. Бехтерев [1], пытавшийся разработать новую науку о социальных общностях на строго объективной основе. Если

для В.М. Бехтерева естественнонаучным фундаментом разрабатываемых идей стало учение о коллективных рефlekсах, то для Л.Н. Войтоловского в этой роли выступила теория эмоций Джемса-Ланге. Согласно ее положениям, наше сознание воспринимает как определенную эмоцию изменения, происходящие в мышцах, сосудах и внутренних органах в связи с совершением поведенческого акта [5; 6]. Иначе говоря, сами переживания являются вторичными, выполняют функцию своеобразных «ярлыков» по отношению к явлениям собственно физиологической природы. Таким образом, появление внешнего стимула вызывает не эмоциональную, а сугубо телесную реакцию, которая несколько позже осознается в качестве определенной эмоции: «мы опечалены, потому что плачем, приведены в ярость, потому что бьем другого, боимся, потому что дрожим...» [5, с. 288].

С точки зрения Л.Н. Войтоловского, пребывание в толпе напрямую влияет на физиологию людей, способствует повышению жизненного тонуса организма, приливу энергии, что приводит к усилению эмоциональной экспансивности и импульсивности действий на фоне временного ослабления интеллектуальных возможностей и волевого начала. Поэтому неприемлемо говорить об угнетении личности толпой, не обращая внимания на взрывы человеческой силы и страсти, кипучесть эмоциональных порывов и своеобразное одухотворение. Скорее, наоборот: «Толпа, приобщая отдельную личность, концентрирует силы последней..., наделяет ее особой прибавочной энергией масс» [4, с. 96]. И тогда в могуществе коллективных порывов личность приобретает подлинную веру в себя, рас-

крывает дремлющие душевные силы, переживает радостное ощущение жизни, смелый задор и физическую мощь.

Основоположники классических теорий и их многочисленные последователи не разобрались, по мнению Л.Н. Войтоловского, в сущности толпы и потому отнесли к ней подчеркнута свысока. Всецело сосредоточившись на гипнотической природе процессов внушения и подражания, на взаимоотношениях вожжаков и ведомых, они не уделили должного внимания закону «конденсирующего действия масс», по которому человек становится ареной усиленных токов телесной и эмоциональной энергии, начинает испытывать чувственную возбужденность от общности с другими. Таким образом, не рабская покорность, патологическая внушаемость или слепое подражание, а взаимное воодушевление, подчас поднимающееся до степеней экстаза при ощущении общей цели, общности действий, физического могущества и внутреннего единения, создают толпу. «Когда две слободские улицы, — писал Л.Н. Войтоловский, — устраивают кулачные бои и стеной идут друг на друга, то не жажда расквасить нос противнику гонит в круг стариков и малолетних, а тот пьянящий и волнующий хмель, который растет во взбудораженной толпе. Так точно и полумиллионные «ходьинки» возникают не потому, что... обывателю посулили задаром пятикопеечную булку. Главная притягательная тайна таких скопищ — не пятак и не кружка, а жажда братской общности и коллективных восторгов» [4, с. 27–28].

Не отрицая известной роли подражания в общественной жизни и, в частности, в толпе, автор убеждал своих читателей, что нельзя сводить все, происходя-

щее в ней, к копированию демонстрируемого кем-то поведения. Страсти — вот подлинный двигатель каждого человека и всего общества. Соответственно, в толпе людей объединяет не временная суженность, ограниченность и подавленность сознания, не порожденная этим готовность подчиняться, а общность переживаний и стремление довести их до крайней точки кипения. Толпа жаждет повиноваться, по выражению Л.Н. Войтоловского, не более того, чем мужик «любит сечься». И вовсе не вожаки и зачинщики являются пружиной массовых действий, но, напротив, толпа выделяет временных «героев» из своих рядов, чтобы те исполняли ее актуальные желания, формулировали чувства и направляли силы. Именно она, способная повиноваться одному только голосу собственных эмоций, выступает в качестве подлинного «героя», а вожак — лишь запева-ла песни, которая сочиняется всей совокупностью собравшихся: «он полон гнева, когда она негодует, он проливает слезы, когда ей хочется плакать» [3, с. 82]. Каждый такой «герой» — не более чем этап в развитии чувств и мыслей толпы, которая его запросто создает и легко низвергает.

Так, ссылаясь на воспоминания петербургских рабочих о «кровоавом воскресеньи» 9-го января 1905 года, Л.Н. Войтоловский писал, что не Г. Гапон оказал фанатическое влияние на массы в силу ораторского пафоса или природного обаяния личности, а массы фанатизировали этого слабого и недалекого человека, подчинили своей воле, окружили обаянием и авторитетом, так как нашли в нем наилучшее выражение собственных стремлений. Но если бы тот вздумал вместо организации мирного

шествия с иконами, царскими портретами и хоругвями агитировать в революционном духе или предложить мирно разойтись по домам, его никто не стал бы слушать.

Другое дело — вожди, имена которых «занесены в революционные святцы». Выступив живым воплощением классово-воли, возглавив передовой отряд пролетариата, они смогли полностью овладеть доверием масс. Сами имена таких вождей становятся символом конкретных действий и целей, гарантируют общий энтузиазм, причем сохраняют такую функцию и после смерти. Обоснование этой мысли Л.Н. Войтоловский нашёл в словах «многих коммунистов», которые не раз заявляли ему, что «после смерти Ленина не только не чувствуется уныния в наших рядах, а скорее все даже как-то приободрились...» [4, с. 105]. С его точки зрения, такое вполне объяснимо: сама величавость траурных процессий, атмосфера взволнованной скорби многотысячных толп способствовали единению трудящихся и торжеству ленинских идей, стали источником массовой энергии, энтузиазма и силы.

Трудно сказать, какая судьба ждала обсуждаемую теорию, если бы приведенный Л.Н. Войтоловским перечень вождей, во-первых, оказался несколько короче, а во-вторых, не содержал пропуска имени того человека, чей политический взлет пришелся на конец 20-х годов. Впрочем, нет оснований полагать, что научное изучение феномена толпы в советский период продолжилось бы в том случае, если бы в книгах одного из ведущих авторов по данной проблематике цитаты Л. Троцкого оказались заменены ссылками на труды И. Сталина. Опыт столкновений с толпой, полученный по-

сле прихода к власти, убедил большевиков, что народные массы не всегда реагируют на магию имени того или иного вождя или формулировку идеи желаемым образом. Социальные теории необходимы там, где предполагается вступление в непосредственное взаимодействие, в данном же случае власть стала ориентироваться на средства массовой пропаганды и повседневную практику карательных органов по недопущению несанкционированных собраний.

Почему же толпа подчас оказывается способна на ужасающие преступления? Согласно Л.Н. Войтоловскому, преступные действия характерны для нее не более, чем любая иная форма экстремального поведения. Он полагал, что одно только пребывание в тесном скопище способствует непрерывному возбуждению физиологических реакций людей и усилению выраженности сопутствующих эмоций до самых крайних форм. Так, радость превращается в ликование и экстаз, ожидание, конденсируясь, переходит в опасение и испуг, испуг — в страх и панику, раздражение — в неистовый гнев и предельную жестокость.

В этом процессе им выделялось четыре этапа: «эмоционального брожения», «эмоциональной податливости», «концентрации чувства» и «коллективного действия». На первом из них среди собравшихся почти одновременно распространяются неустойчивые, совершенно различные, иногда неопределенные или противоречивые побуждения и переживания. Той толпы, которая должна обладать «коллективной душой», единством чувств, еще нет, но почва к ее образованию вполне подготовлена. На втором этапе толпа обычно обнаруживает готовность к заражению каким угодно пережи-

ванием. В этот момент она может поддаться общей жалости, проникнуться чужим горем или рассмеяться чьей-то шутке. Но смех или жалость толпы — еще не спасение для жертвы: дальнейшее нарастание энергетических процессов, вызвав соответствующие физиологические изменения, легко приведет ее к вспышке внезапной ярости. На третьем этапе поступки, жесты, слова, звуки голоса вожака или потенциальной жертвы становятся искрой, вызывающей заранее подготовленный взрыв. Теперь толпа, охваченная той или иной страстью, стремится поскорее дойти до крайних ее проявлений. И в том случае если речь идет об удовлетворении страсти к насилию и разрушению, жертве нет спасения. Ее мольбы вызовут смех, просьбы окажутся проигнорированы, а крики и слезы лишь ускорят концентрацию коллективного чувства. Наконец, на последнем этапе совместные действия послужат выполнению задачи разрядки общего напряжения.

Последовательно критикуя теоретические положения представителей так называемой психологической социологии толпы конца XIX — начала XX века, Л.Н. Войтоловский сам охотно последовал стратегии Г. Тарда [11] и С. Сигеле [9], заключающейся в чрезмерно широкой трактовке основного понятия. В его понимании, там, где людей объединяет переживание общего чувства — на митинге или парламентском собрании, театральном представлении, сектантском радении, в рабочей артели или иной организации, — везде проявляется власть толпы. Более того, ее существование не всегда предполагает одновременное присутствие множества индивидов в одном месте. Так, «чуткой и отзывчивой толпой» могут быть члены партии или даже

представители класса, «разбросанные на многие версты по самым различным углам», ибо толпа представляет собой «одну из форм совокупной работы, эмоционально согретой и спаянной общим усилием достижения» или, иначе, «ряд коллективно-согласованных действий, продиктованных единством настроений и целей» [3, с. 64].

При анализе приведенных выше формулировок следует обратить внимание на серьезный методологический просчет, состоящий в том, что одна из существенных черт феномена заслонила другие важнейшие характеристики, такие как слабая организованность толпы, отсутствие у ее членов чувства личного контроля над ситуацией, кратковременность существования в качестве социального объединения. Впрочем, в контексте обсуждаемой теории это выглядит если не вполне приемлемым, то достаточно последовательным. Труднее согласиться с двумя другими моментами. Неоправданным, в частности, представляется отнесение к обычной толпе того, что Г. Тард [11] именовал «публикой» или «толпами на дому» — условно выделяемыми большими общностями людей, получающими информацию из одних и тех же источников (газет) и благодаря этому отличающимися сходством суждений, ожиданий и интересов. Очевидно, что закономерности когнитивного и поведенческого порядка, характерные для таких, напрямую никак не взаимодействующих между собой носителей общественных настроений, имеют принципиальные отличия. Далее, некорректным с точки зрения общественных наук выглядит попытка определения феномена не по свойствам, кардинально отличающим его от других, а по неким процес-

суальным или функциональным проявлениям. Если толпа не специфичная группа, а «совокупная работа» или «коллективное действие», как это постулировалось Л.Н. Войтоловским, то предметное поле данного понятия увеличивается до невероятных размеров: «все современное устройство — со всей своей ложью, несправедливостью, со всей красотой и поэзией, фанатизмом и лирикой, мятежами, безумцами, героями и святыми духа — течет по законам скоротечной жизни толпы» [3, с. 86—87]. Вряд ли даже в те времена подобное обобщение можно было считать допустимым и целесообразным. Ведь по этой логике получается так, что к толпе нельзя отнести только случайно образовавшиеся множества людей, каждый из которых занимается своим делом, и некоторые группы, где умственная или физическая работа выполняется без «одухотворяющего порыва», но, разумеется, лишь до того времени, пока этот самый порыв не объединит их в очередную «толпу».

В оправдание автора заметим, что Л.Н. Войтоловский был лишен возможности внести какие бы то ни было коррективы, не успел он приобрести и последователей, способных усовершенствовать исходные тезисы. Стоит ли жалеть, что его идеи так и не стали в то время предметом широкого обсуждения, если учесть, что дискуссия по рефлексологической школе В.М. Бехтерева, создателя другой теории толпы, приобрела более идеологический, чем научный характер?

Слепота и развившаяся душевная болезнь дважды спасали Л.Н. Войтоловского от ареста. Но его теория, оставшаяся последней в ряду интерпретаций социально-психологической природы толпы советского периода, фактически оказалась осуждена на забвение. Остается лишь догадываться, какое влияние она могла бы оказать на развитие тех направлений общественных наук, которые связаны с изучением закономерностей массового поведения и функционирования стихийных социальных объединений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921.
2. *Войтоловский Л.Н.* Роль чувства в коллективной психологии (опыт психо-физиологического исследования толпы). Киев, 1904.
3. *Войтоловский Л.* Очерки коллективной психологии. Ч. 1. Психология масс. М.-Л., 1925.
4. *Войтоловский Л.* Очерки коллективной психологии. Ч. 2. Психология общественных движений. М.-Л., 1925.
5. *Джемс У.* Эмоция // Психология. Пг., 1922.
6. *Ланге Г.* Душевные движения. Психофизиологический этюд. СПб., 1896.
7. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1896.
8. *Михайловский Н.К.* Сочинения: В 6 т. Т. 2. СПб., 1896.
9. *Сигеле С.* Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1893.
10. *Тард Г.* Преступления толпы. Казань, 1893.
11. *Тард Г.* Общественное мнение и толпа. М., 1902.
12. *Троцкий Л.* Политические письма (две толпы) // Сочинения. Т. 4. М.-Л., 1926.

Voitlovsky's theory of crowd: key ideas

D.S. GORBATOV

*Doctor in Psychology, professor at the Department of Management
in Mass Communications, Faculty of Applied Communications,
Saint Petersburg State University*

The article describes the theory of crowd proposed by L.N. Voitlovsky in 1920s and highlights its major differences from other theories of that time. The specifics of the crowd as a social association, its disposition towards aggressive behaviour, the changes that the individual undergoes within the crowd, emotional aspects of interactions - these are the issues that were of particular interest to the author of the last crowd theory of the Soviet era.

Keyword: *crowd, social psychology of crowd, Voitlovsky's theory, quality of crowd, influence on personality, emotions of crowd.*

REFERENCES

1. *Bekhterev V.M. Kollektivnaia refleksiologiya. Pg., 1921.*
2. *Voitlovskii L.N. Rol' chuvstva v kollektivnoi psikhologii (opyt psikho-fiziologicheskogo issledovaniia tolpy). Kiev, 1904.*
3. *Voitlovskii L. Ocherki kollektivnoi psikhologii. Ch. 1. Psikhologiya mass. M.-L., 1925.*
4. *Voitlovskii L. Ocherki kollektivnoi psikhologii. Ch. 2. Psikhologiya obshchestvennykh dvizhenii. M.-L., 1925.*
5. *James U. Emotsiya // Psikhologiya. Pg., 1922.*
6. *Lange G. Dushevnye dvizheniya. Psikhofiziologicheskii etiud. SPb., 1896.*
7. *Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. SPb., 1896.*
8. *Mikhailovskii N.K. Sochineniya: V 6 t. T. 2. SPb., 1896.*
9. *Sigele S. Prestupnaia tolpa. Opyt kollektivnoi psikhologii. SPb., 1893.*
10. *Tard G. Prestupleniya tolpy. Kazan, 1893.*
11. *Tard G. Obshchestvennoe mnenie i tolpa. M., 1902.*
12. *Trotskii L. Politicheskie pis'ma (dve tolpy) // Sochineniya. T. 4. M.-L., 1926.*

**«Униженность и оскорбленность» как черта личности:
феноменологический анализ позиции жертвы¹**

С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР

*доктор психологических наук, профессор
Московского городского психолого-педагогического университета*

Н.Б. АСТАНИНА

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Воронежского
филиала Московского гуманитарно-экономического института*

Исследование посвящено изучению феноменологии и определению коррелятов чувствительности к справедливости с позиции жертвы Ч_{жертв} у мужчин и женщин молодого возраста. Гипотезой выступило предположение, что позиция жертвы как черта личности сопровождается неблагоприятными эмоциональными состояниями и мировоззренческими убеждениями, которые делают субъекта менее жизнестойким. Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что позиция жертвы — черта личности, представляет собой фактор риска для многих аспектов жизнестойкости, особенно у женщин.

Ключевые слова: чувствительность к справедливости, позиция жертвы, виктимизация, гендерная психология, психологическое благополучие, жизнестойкость, суверенность.

С теми, кто воспринимает несчастный случай как личное оскорбление, несчастные случаи не происходят.
М. Пьюзо

Введение

Поскольку наш мир не создан для комфорта, все люди с неизбежностью время от времени проходят через трудные жизненные ситуации, преодолевая их с различной эффективностью и различными личностными изменениями. Роль жертвы (человека, пострадавшего от каких-либо неблагоприятных обстоятельств) неизбежно достается каждому

по ходу его жизненного пути не один раз, что часто сопровождается травматичными переживаниями и чувством самоотчуждения. Последствия этого опыта могут иметь как краткосрочный, так и долговременный характер.

В одних случаях, пройдя через фазы стресса, травмы или «горевания», человек освобождается от негативных переживаний с психологическими приобретениями, полученными в результате

¹ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 13-06-00031.

посттравматического личностного роста — ибо все, что не убивает нас, может сделать нас сильнее. Однако в других случаях опыт пребывания в позиции жертвы может закрепляться, кристаллизуясь в отдельную самостоятельную субличность часто мазохистического типа с выраженной личностной беспомощностью [4; 12]. Тогда поведение, общение и мировоззрение человека могут сильно деформироваться¹.

В настоящее время интерес к феномену жертвы в мировой психологии очень высок. Рассматриваются различные аспекты этого явления: скрытые выгоды позиции жертвы («silver lining»), появление манипулятивных рентных установок (ожидание сатисфакции от окружающих с апелляцией к их чувству вины), вторичная виктимизация (провокация неблагоприятного отношения к себе в силу личностных изменений вследствие «первичной» виктимизации) [11; 18; 26; 30].

Если обобщить исследования в этой области, можно прийти к следующему выводу: когда человек «задерживается» в своих травматичных переживаниях, он рискует потерять социальную поддержку, так как окружающие начинают дистанцироваться от него, и спустя некоторое время он начинает давать окружающим обратную связь, смысл которой состоит в том, что с ним и следует обращаться как с жертвой. Ситуативная позиция, роль «прирастают» к личности человека, становясь ее существенной подструктурой. Очень важно своевременно и эффективно расстаться с позицией жертвы, чтобы избежать вторичной

виктимизации, поскольку, согласно взглядам Г. Олпорта, черта представляет движущий компонент поведения и побуждает субъекта осознанно или неосознанно выбирать такие ситуации, в которых она может себя подтвердить [9].

Концепция чувствительности к справедливости Манфреда Шмитта

Центральная составляющая позиции жертвы как личностной черты — переживание, прогнозирование или программирование несправедливости по отношению к себе. Поэтому в качестве методологической основы нашего исследования мы выбрали давно известную в западной персонологии концепцию чувствительности к справедливости М. Шмитта, согласно которой люди испытывают различную индивидуальную готовность к тому, чтобы ожидать несправедливость по отношению к себе, сильно ее эмоционально переживать и отвечать на нее действием [24; 25]. Иначе говоря, человек с высокой чувствительностью к справедливости обладает подобием встроенного счетчика, который непрерывно сравнивает собственные привилегии и потери с таковыми у окружающих и который глубоко убежден, что в мире должен существовать баланс между затратами и бонусами.

Концепция чувствительности к справедливости относительно нова, однако результаты исследований в этой области впечатляют и кажутся высокоэвристичными для объяснения многочисленных феноменов межличностного взаимодействия [7].

¹ Необходимо отметить, что, как и другие личностные диспозиции, склонность занимать позицию жертвы может быть обусловлена индивидуальными характеристиками, а не только личным биографическим опытом. В данном исследовании мы оставляем это обстоятельство за рамками обсуждения.

Большинство исследований чувствительности к справедливости рассматривали этот конструкт с точки зрения жертвы неблагоприятных обстоятельств, однако очевидно, что эпизоды несправедливости вовлекают большое число людей, в разных ролях причастных к происходящему. Потому М. Шмитт предлагает рассматривать четыре вида чувствительности к справедливости: с позиции жертвы, наблюдателя, бенефициара (человека, который случайно, без умысла, получил нечто за счет других) и нарушителя (намеренно нарушившего справедливость в свою пользу). Исследования показывают, что между этими измерениями существуют высокие корреляции, подтверждающие обоснованность конструкта «чувствительность к справедливости». При этом переживания, вызванные эпизодами несправедливости, с разных позиций могут не совпадать, и позиция жертвы значительно отличается от других: ведь если бенефициар и нарушитель в силу несправедливости нечто приобретают, то свидетель находится в отстраненной позиции, а жертва всегда что-то теряет.

Тем не менее, согласно М. Шмитту, все виды чувствительности к справедливости сопровождаются негативными переживаниями (похоже, что это наблюдение может модулироваться культурой, потому что открытое исследование на российской выборке привело к отличным от германских результатов, но этот вопрос требует дополнительных исследований). При этом три последних позиции — наблюдателя, бенефициара и нарушителя — могут быть предикторами компенсаторного просоциального поведения: человек, причастный к несправедливому поступку или совершивший его, будучи чувствительным к происходяще-

му, стремится исправить ситуацию, уравновесить бонусы и потери всех взаимодействующих лиц. Иначе с позицией жертвы, которая не имеет никакой социальной ценности и никак не стимулирует позитивные мысли, побуждения или поступки субъекта.

Чувствительность жертвы проявляется в случае нарушения прав, ущемления интересов человека и в типичных случаях сопровождается чувством гнева. Опыт переживания несправедливости или его ожидание делает человека исполненным негативных эмоций, склонным к депрессиям, лишает его веры в собственные силы. При этом, по-видимому, не важно, была ли несправедливость реальной и насколько серьезной, значимо наличие обобщенной, возможно, даже латентной готовности быть ее жертвой.

Исследования на зарубежных выборках показали, что $Ч_{жертв}$ значимо положительно связана с макиавеллизмом, мстительностью, завистью, недоверием к людям, паранойей, враждебностью, отрицательно — с согласием и готовностью прощать [15; 24; 25]. Доминирующие чувства у носителей этого качества в ситуации конфликта — страх быть использованными другими людьми и превентивная агрессия. Мироззрение отличается эгоцентризмом, отказом от личной ответственности, неустойчивостью перед моральными искушениями, несогласованностью суждений и реального поведения, склонностью к негативным атрибуциям в условиях дефицита информации [16; 17; 20]. Исследователи полагают, что социально-адаптивный смысл этой черты состоит в катализировании способности распознавать опасности, и в этом смысле она может быть

адаптивной в условиях жизнедеятельности в абсолютно недружественной движущей среде — на войне, в условиях вынужденной эмиграции и т. п. [6; 7]. Однако $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ — очевидная избыточность и помеха в среде стабильной и дружелюбной.

В России подобное исследование проводится впервые и есть основания предполагать, что в силу специфики российской ментальности результаты могут отличаться от полученных на выборках иных культур [6; 8; 21; 30].

По своему феноменологическому статусу позиция жертвы — это черта низшего уровня, она достаточно пластична и ее развитие осуществляется как под влиянием темперамента, так и под воздействием опыта и биографических событий. Поэтому ее можно модулировать при помощи психоразвивающих техник. Для того чтобы специфицировать мишени психотерапевтического воздействия и предотвратить эффекты вторичной виктимизации, необходимо изучить систему коррелятов чувствительности к справедливости с позиции жертвы ($\text{Ч}_{\text{жертв}}$).

Процедура эмпирического исследования коррелятов чувствительности к справедливости

Гипотеза исследования: позиция жертвы как черта личности сопровождается неблагоприятными эмоциональными состояниями и мировоззренческими убеждениями, которые делают субъекта менее жизнестойким.

Выборка. Респондентами были 339 человек — 248 женщин (средний возраст 25 лет) и 91 мужчина (средний воз-

раст — 21 год), добровольцы, жители Москвы и Воронежа.

Использовались батарея методик, диагностирующих эмоциональные, социальные и личностные характеристики субъекта: краткая форма отчета о позитивных и негативных чувствах [28], шкала депрессии [1], шкала устойчивости Коннора-Дэвидсона [14], шкала самоуважения [10, 23], шкала самоусиления [22], шкала «чувствительность жертвы» опросника чувствительности к справедливости [24], опросник для изучения уровня суверенности личности СПП-2010 [5], шкала психологического благополучия Варвик-Эдинбург [27], шкала аутентичности [29]. Для обработки данных использовались корреляционный и регрессионный анализ.

На предварительном этапе часть методик, использовавшихся на российской выборке впервые, была переведена и проверена относительно дискриминативности и самосогласованности. Были подсчитаны меры центральной тенденции; альфа Кронбаха для используемых шкал находится в интервале от 0,49 до 0,89, что можно считать удовлетворительным; некоторые методики находятся в процессе психометрической подготовки. Обработка данных осуществлялась отдельно для мужчин и женщин.

Результаты и их обсуждение

Сравнение средних значений не обнаружило разницы среди мужчин и женщин в присутствии черты $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ (средние составили соответственно 2,79 и 2,78), как, впрочем, и по большинству других изучаемых показателей (рис. 1). Однако оказалось, что система коррелятов этой черты в

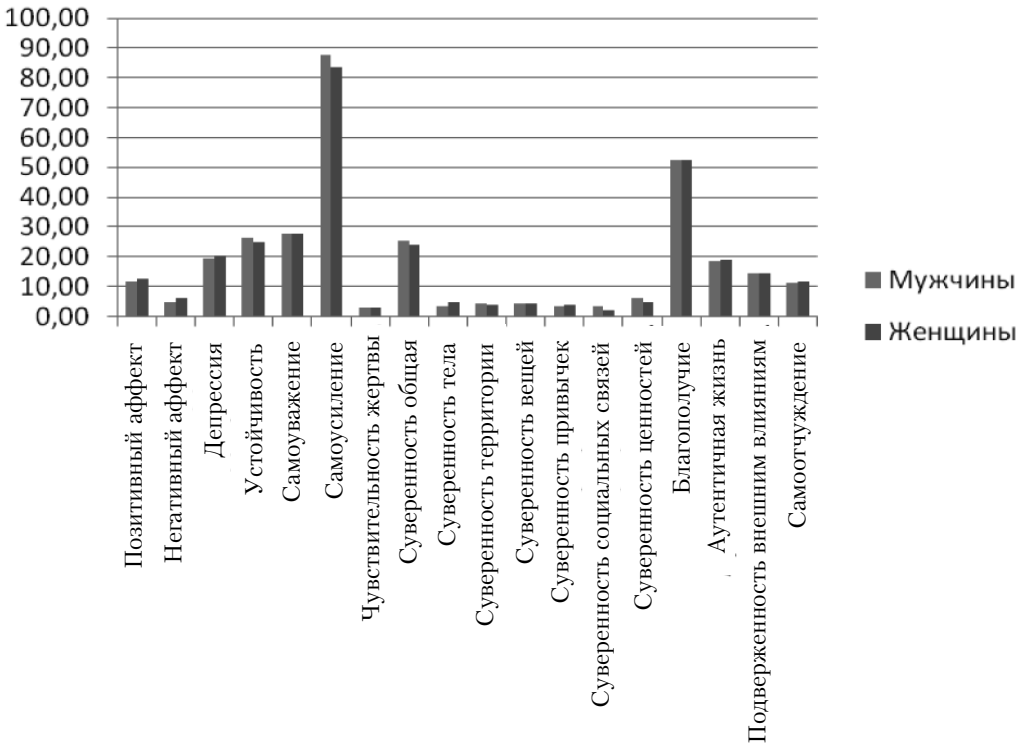

Рис. 1. Значения измеряемых переменных у мужчин и женщин

пространстве личности существенно различается в зависимости от пола.

Как показывают полученные данные, у мужчин $Ч_{\text{жертв}}$ положительно связана с негативным аффектом ($r_s = 0,41, p = 0,00$), выраженностью депрессии ($r_s = 0,33, p = 0,00$), а отрицательно — с суверенностью личных вещей ($r_s = -0,34, p = 0,04$) (см. табл.). Эти результаты вполне отвечают ожиданиям и повседневным наблюдениям: действительно, если мужчина чувствует себя жертвой несправедливых обстоятельств, это сопровождается общим снижением настроения и жизненного тонуса, повышенной нервозностью, грустью, чувствами страха, враждебности и стыда. Корреляции $Ч_{\text{жертв}}$ с большей частью других измерений пси-

хологического пространства — тела ($r_s = -0,03, p = 0,85$), территории ($r_s = -0,14, p = 0,40$), ценностей ($r_s = -0,26, p = 0,12$) и общей суверенности ($r_s = -0,13, p = 0,44$) — у мужчин слабоотрицательны. Вполне возможно, что некоторые из этих тенденций могут усилиться при расширении объема выборки. Обобщая, можно отметить, что позиция жертвы у мужчин сопровождается чувством слабости собственных личностных границ, пониженной суверенностью, при этом наиболее острая реакция на несправедливость связана с переживанием общей материальной несостоятельности или, иначе говоря, вполне можно предположить, что для мужчин собственность и финансовое благополучие представляют собой

Корреляции $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ с изученными переменными у мужчин/женщин

Переменная	r_s	p
Позитивный аффект	0,10 / 0,09	0,35 / 0,14
Негативный аффект	0,41*** / 0,29***	0,00 / 0,00
Депрессия	0,33** / 0,34***	0,00 / 0,00
Устойчивость	-0,08 / -0,14**	0,46 / 0,02
Самоуважение	-0,11 / -0,22***	0,30 / 0,00
Самоусиление	-0,12 / -0,24***	0,26 / 0,00
Суверенность общая	-0,13 / -0,37***	0,44 / 0,00
Суверенность тела	-0,03 / -0,39***	0,85 / 0,00
Суверенность территории	-0,14 / -0,37***	0,40 / 0,00
Суверенность вещей	-0,34* / -0,30**	0,04 / 0,00
Суверенность привычек	0,13 / -0,19	0,43 / 0,08
Суверенность социальных связей	0,08 / -0,27*	0,63 / 0,01
Суверенность ценностей	-0,26 / -0,15	0,12 / 0,18
Благополучие	0,06 / -0,28**	0,75 / 0,01
Аутентичная жизнь	-0,25 / -0,24*	0,19 / 0,03
Подверженность внешним влияниям	0,13 / 0,16	0,52 / 0,14
Самоотчуждение	0,02 / 0,08	0,90 / 0,45

Условные обозначения: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,00$.

ресурс противостояния жизненным несправедливостям.

Для женщин система коррелятов оказалась намного более обширной и дифференцированной. Помимо тех же двух связей, что и у мужчин, $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ у женщин значимо отрицательно связана с личностной устойчивостью ($r_s = -0,14$, $p = 0,02$), самоуважением ($r_s = -0,22$, $p = 0,00$), самоусилением ($r_s = -0,24$, $p = 0,00$), суверенностью психологического пространства ($r_s = -0,37$, $p = 0,00$), с психологическим благополучием ($r_s = -0,03$, $p = 0,00$) и переживанием аутентичности жизни ($r_s = -0,24$, $p = 0,03$).

Таким образом, позиция жертвы у женщин не имеет ни одного позитивного коррелята, сопровождаясь отрицательными эмоциями, общим падением жизнестойкости, уверенности в себе и в ценности своей жизни. $\text{Ч}_{\text{жертв}}$ как черта личности предполагает также отсутствие

психологического благополучия и чувства аутентичности жизни. Иначе говоря, как только молодая особа (а мы изучали представительниц именно молодого возраста) назначает себя на роль «бедной несчастной женщины», она подписывает себе экзистенциальный приговор; отныне она будет ощущать себя марионеткой в руках злой судьбы, заложницей воли дурных людей, будет чувствовать себя ненастоящей, а свою жизнь — бездарной репетицией чего-то, что могло состояться, однако уже не произойдет. Негативные эмоции, депрессия, уныние — все это становится привычным фоном жизни молодой женщины, которая слишком сильно идентифицировалась с ролью несправедливо обманутой. «Каждому лучше, чем мне» — если подобное переживание становится хроническим, определяющим мировоззрение человека, нетрудно представить,

как мир будет реагировать на подобное к нему отношение.

Особый интерес вызывают выявленные значимые отрицательные связи позиции жертвы у женщин с измерениями суверенности психологического пространства. В отличие от мужчин, $Ч_{жертв}$ у женщин отрицательно связана с суверенностью во всех ее доменах, при этом связи с суверенностью тела ($r_s = -0,39, p = 0,00$), территории ($r_s = -0,37, p = 0,00$), вещей ($r_s = -0,3, p = 0,005$), социальных связей ($r_s = -0,27, p = 0,012$) и общей суверенностью ($r_s = -0,37, p = 0,00$) оказались высокозначимыми. Таким образом, позиция жертвы у женщин сопровождается общим снижением суверенности, переживанием уязвимости психологических границ практически по всем параметрам.

По-видимому, в контексте темы связи $Ч_{жертв}$ и психологической суверенности женщины оказываются менее адаптивными, по сравнению с мужчинами. Мужчины, переживая несправедливость по отношению к себе, оказываются в состоянии защитить хотя бы свои привычки и отстоять социальные связи, о чем свидетельствуют положительные коэффициенты корреляции между $Ч_{жертв}$, с одной стороны, с уверенностью привычек ($r_s = 0,13, p = 0,43$) и социальных связей ($r_s = 0,08, p = 0,63$) – с другой. Женщины же в позиции жертвы теря-

ют себя целиком и полностью, чувствуя, что в этом мире они не имеют (и не заслуживают) вообще ничего своего.

Итак, корреляционный анализ данных показывает, что позиция жертвы является малоадаптивной для всех, однако у женщин имеет гораздо более длинный ряд негативных следствий. Отметим еще раз, что мы сейчас говорим о случаях, когда опыт переживания отдельного эпизода или серия событий, нарушающих законы справедливости, генерализуются в позицию жертвы как черту личности.

Следующей важной задачей нашего исследования являлось изучение того, не может ли позиция жертвы оказаться предиктором какой-то из выбранных переменных. Для ее реализации был принят регрессионный анализ.

В мужской подвыборке оказалось, что ситуация жертвы может способствовать негативным переживаниям и депрессии, что неудивительно (рис. 2). У женщин наряду с этими же влияниями позиция жертвы оказалась отрицательным предиктором устойчивости, самоуважения, самоусиления, пяти показателей суверенности и переживания аутентичности жизни (рис. 3).

Согласно полученным результатам, женщины более мужчин лично травмируются, занимая позицию жертвы. Если

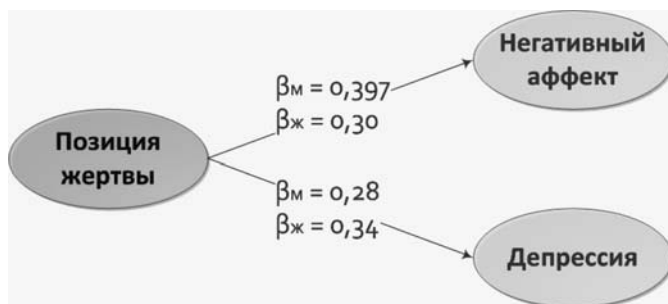

Рис. 2. Результаты применения регрессионного анализа в группе мужчин

у мужчин снижается жизненный тонус и усиливаются негативные аффекты, при этом не влияя на ценность своего «Я», то у женщин позиция жертвы влечет за собой появление устойчивого и стабильного комплекса нарушений, в совокупности называемых «чувством собственной плохости».

На основе полученных результатов можно сделать вывод, что психологически, будучи «слабым» полом, женщины хуже подготовлены к роли жертвы, возможно, в силу того, что для мужчин состязательность и неизбежные с ней проигрыши являются более привычным опытом. Однако можно прокомментировать обнаруженные связи и с другой точки зрения. Так, в не новых, но классических исследованиях морального сознания, проведенных Л. Кольбергом и К. Гиллиган, отмечалось, что категория справедливости представляет собой маскулинную ценность, что мужчинам проще коммуницировать исходя из правила равенства (моральную систему, характерную для мужчин, Л. Кольберг назвал

«моралью справедливости») [2; 19]. Поэтому, возможно, роль жертвы воспринимается ими как неизбежность в жизни всех, кто играет по правилам. Что же касается женщин, они склонны к взаимодействию смещенному, контекстуальному, свободному от правил. К. Гиллиган называла это мировоззрение «моралью заботы», потому что женщины распределяют свое время и ресурсы, ориентируясь на тех, кто в них больше нуждается, а не на тех, кто это заслужил [2]. Поэтому роль жертвы никак не принимается ими в качестве нормативной издержки справедливых отношений и сопровождается сильными эмоциональными переживаниями, которые, впрочем, и вообще сильнее у женщин. При этом если негативный контекст позиции жертвы среди мужчин остается локальным и не слишком нарушает их адаптацию, то у женщин он имеет поистине разрушительный масштаб, лишая их веры в себя, самоуважения, способности сопротивляться неблагоприятным событиям и жизнестойкости в целом.

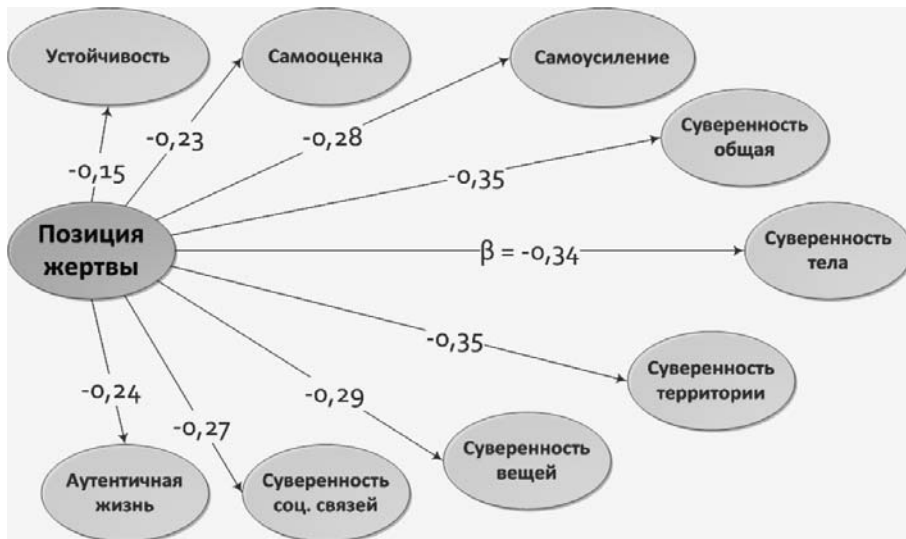

Рис. 3. Результаты применения регрессионного анализа в группе женщин

Полученные результаты показывают, что хотя справедливость представляет собой важнейшую социальную ценность, в масштабе жизни отдельной личности она оказывается скорее фактором риска нарушения психологического благополучия человека.

Значит ли это, что стремление человека к справедливости — вредно и разрушительно?

Прежде чем перейти к выводам, мы должны сделать еще одно отступление, чтобы уточнить нашу мысль в перспективе возможной коррекции обсуждаемой особенности личности. Позитивистски мыслящий критик может возразить, что мир действительно несовершенен и несправедлив и надо бороться за правду, пока есть надежда, что каждый получит по заслугам или, по крайней мере, по способностям.

Но мы сейчас — не о мире, мы об отдельно взятом субъекте как части этого мира. Еще А. Швейцер отмечал, что общество намерено обманывать нас относительно вопросов морали [13]. Поэтому борьба за справедливость как социально выгодный феномен самоорганизации может привести субъекта к очень плачевным последствиям: человек сильного темперамента сосредоточится на протестном поведении, пренебрегая продуктивным смыслом своей жизни и призванием, а человек слабого темперамента имеет шанс стать пассивным манипулятором. И то и другое уводит от самого интересного, от интриги и пафоса собственной персональной жизни. Вопросы гармонизации мира никогда не решались прямым противостоянием, а могли быть решены только косвенным воздействием. Именно поэтому, на наш взгляд, делают мир совершеннее более эффективно люди, которые не считают себя обиженными, угне-

тенными или обойденными и следуют иным, отличным от модели справедливостного мира, идеалам, например, идеалам творчества, служения или любви. Отметим, что ни один из этих идеалов с категорией справедливости не сочетается.

На практике все вышесказанное означает, что, с одной стороны, локальное обострение чувствительности, так же как участие в отдельном акте ее восстановления, для личности могут быть благотворными, а с другой — что эффективно восстанавливать справедливость, видимо, могут люди, у которых Ч_{жертв} (со всеми сцепленными характеристиками) не имеет выраженного характера.

Заключение

Итак, проведенное на достаточно репрезентативной выборке с помощью большой батареи методик исследование продемонстрировало, что позиция жертвы — черта личности, обладающая высокой гендерной вариативностью и мощным разрушительным влиянием на личность человека независимо от его пола. Она сопровождается негативными переживаниями и наносит удар многим параметрам жизнестойкости человека. Более насыщенной система связей оказалась в женской подвыборке: если для мужчин позиция жертвы бесполезна, то для женщин — резко деструктивна.

Как бы то ни было, очевидно, что необходимо укреплять арсенал психоразвивающих практик, направленных, с одной стороны, на профилактику развития позиции жертвы или разотождествление с ней, а с другой — на способность противостоять социальным практикам и манипуляциям, основанным на попытках имплантировать эту роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрющенко А.В., Дробижев М.Д., Добровольский А.В. Сравнительная оценка шкал CES-D, BDI и HADS в диагностике депрессий общемедицинской практики // Журнал неврологии и психиатрии им. Корсакова. 2003. № 5.
2. Гиллиган К. Иным голосом: психологическая теория и развитие женщин // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М., 1992.
3. Гулевич О.А. Справедливость экзамена: оценка действий преподавателей и мотивация обучения // Социальная психология и общество. 2013. № 3.
4. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М., 2001.
5. Нартова-Бочавер С.К. Новая версия опросника «суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. № 4 (в печати).
6. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Позиция жертвы: феноменология и следствия // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III международной научно-практической конференции. Т. 1. Кострома, 2013.
7. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. № 1.
8. Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б. Чувствительность к справедливости как свойство субъекта: личностный ресурс или бремя // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Т. 3. М., 2013.
9. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М., 2002.
10. Прихожан А.М. Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. М., 2002.
11. Фоминых Е.С. Виктимизация и девиктимизация студентов с ограниченными возможностями здоровья в современных образовательных условиях // Клиническая и специальная психология. 2012. № 4. <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57313.shtml>
12. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. Челябинск, 2010.
13. Швейцер А. Культура и этика. М., 1973.
14. Campbell-Sills L., Stein M. Psychometric analysis and refinement of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC): Validation of a 10-item measure of resilience // Journ. of Traumatic Stress. 2007. № 6.
15. Gerlach T.M., Allemand M., Agroskin D., Denissen J.J. Justice Sensitivity and Forgiveness in Close Interpersonal Relationships: The Mediating Role of Mistrustful, Legitimizing, and Pro-Relationship Cognitions // Journ. of Personality. 2012. Jan 6. doi: 10.1111/j.1467-6494.2011.00762.x.
16. Gollwitzer M., Rothmund T. What Exactly Are Victim-Sensitive Persons Sensitive To? // Journ. of Research in Personality. 2011. № 5.
17. Gollwitzer M., Rothmund T., Alt B., Jekel M. Victim Sensitivity and the Accuracy of Social Judgment // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. № 8.

18. *Herbert T.B., Dunkel-Schetter C.* Negative social reactions to victims: An overview of responses and their determinants // *Life crises and experiences of loss in adulthood / L. Montada, S.-H. Filipp, M.J. Lerner (Eds.). NY., 1992.*
19. *Kohlberg L.* Stage and Sequence: The Cognitive Developmental Approach to Socialization // (Ed.) *Goslin D.A. Handbook of Socialization Theory and Research. Chicago, 1969.*
20. *Lotz S.* The stability and fragility of fairness: How individual concerns for justice affect human perception, emotion, and behavior: PHD dissertation. Koln, 2010.
21. *Nartova-Bochaver S., Astanina N.* Individual Differences in Russian Adults' Justice Sensitivity // 16th European Conference on Personality Psychology, July 10–14 2012, Trieste Italy. Book of abstracts. IS2-5.
22. *Paulhus D.* Assessing self-deception and impression management in self-reports: The Balanced Inventory of Desirable Responding, Version 6. Unpublished manual. University of British Columbia. Vancouver, 1991.
23. *Rosenberg M.* *Conceiving the self*: Basic Books. NY, 1979.
24. *Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J.* The Justice Sensitivity Inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data // *Social Justice Research. 2010. T. 23.*
25. *Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D.* Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // *European Journal of Psychological Assessment. 2005. T. 21.*
26. *Sodergren S.C., Hyland M.E.* Qualitative phase in the development of the Silver Lining Questionnaire // *Quality of Life Research. 1997. № 7–8.*
27. *Tennant R. Hiller L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J. and Stewart-Brown S.* The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): development and UK validation // *Health and Quality of Life Outcomes. 2007. № 9.*
28. *Thompson E.R.* Development and validation of an internationally reliable short-form of the positive and negative affect schedule (PANAS). *Journ. of Cross-Cultural Psychology. 2007. № 2.*
29. *Wood A.M., Linley P. A., Maltby J., Baliousis M., Joseph S.* The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale. *Journ. of Counseling Psychology, 2008. № 3.*
30. *Wu M. S., Schmitt M., Nartova-Bochaver S., Astanina N., Khachatryan N., Zhou C., Ha B.* Does It Bother Me to Profit from Others? Cross-Cultural Surveys on Beneficiary Oversensitivity and Individualism // *Social Justice Research (SORE). 2014.*

'Degradedness and Insultedness' as Personality Trait: A Phenomenological Analysis of Victim Position

S.K. NARTOVA-BOCHAYER

*Doctor in Psychology, professor at the Moscow State University of Psychology
and Education*

N.B. ASTANINA

*PhD in Psychology, associate professor at the Department of Psychology,
Voronezh branch of the Moscow Humanitarian-Economic Institute*

The aim of our study was to explore phenomenology and identify correlates of justice sensitivity from a victim's perspective (JSvictim) among young men and women. The hypothesis was that the victim position as a personality trait is accompanied by adverse emotional states and certain worldviews which make the subject less resilient. The findings of our study show that the victim position as a personality trait becomes a risk factor for resilience, especially in women.

Keywords: justice sensitivity, victim sensitivity, victimization, gender psychology, psychological well-being, resilience.

REFERENCES

1. *Andryushenko A.V., Drobizhev M.D., Dobrovol'skii A.V.* Sravnitel'naya ocenka shkal CES-D, BDI i HADS v diagnostike depressii obshemedicinskoj praktiki // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. Korsakova. 2003. № 5.
2. *Gilligan K.* Inym golosom: psihologicheskaya teoriya i razvitie zhenshin // Eticheskaya mysl': Nauchno-publicisticheskie chteniya. M., 1992.
3. *Gulevich O.A.* Spravedlivost' ekzamina: ocenka deistvii prepodavatelei i motivaciya obucheniya // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2013. № 3.
4. *Mak-Vil'yams N.* Psihoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom processe. M., 2001.
5. *Nartova-Bochaver S.K.* Novaya versiya oprosnika "suverennost' psihologicheskogo prostranstva – 2010" // Psihologicheskii zhurnal. 2014. № 4 (v pechati).
6. *Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B.* Poziciya zhertvy: fenomenologiya i sledstviya // Psihologiya stressa i sovladayushhego povedeniya: materialy III mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii. T. 1. Kostroma, 2013.
7. *Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B.* Psihologicheskie problemy spravedlivosti v zarubezhnoi personologii: teorii i empiricheskie issledovaniya // Psihologicheskii zhurnal. 2014. № 1.
8. *Nartova-Bochaver S.K., Astanina N.B.* Chuvstvitel'nost' k spravedlivosti kak svoistvo sub'ekta: lichnostnyi resurs ili bremya // Chelovek, sub'ekt, lichnost' v sovremennoi psihologii. Materialy mezhdunarodnoi konferencii, posvyashennoi 80-letiyu A.V. Brushlinskogo. T. 3. M., 2013.

9. *Olport G.* Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy. M., 2002.
10. *Prihozhan A.M.* Diagnostika lichnostnogo razvitiya detei podrostkovogo vozrasta. M., 2002.
11. *Fominyh E.S.* Viktimizaciya i deviktimizaciya studentov s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya v sovremennyh obrazovatel'nyh usloviyah // Klinicheskaya i special'naya psihologiya. 2012. № 4. <http://psyjournals.ru/psyclin/2012/n4/57313.shtml>
12. *Ciring D.A.* Psihologiya lichnostnoi bespomoshnosti: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk. Chelyabinsk, 2010.
13. *Shveicer A.* Kul'tura i etika. M., 1973.
14. *Campbell-Sills L., Stein M.* Psychometric analysis and refinement of the Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC): Validation of a 10-item measure of resilience // Journ. of Traumatic Stress. 2007. № 6.
15. *Gerlach T.M., Allemand M., Agroskin D., Denissen J.J.* Justice Sensitivity and Forgiveness in Close Interpersonal Relationships: The Mediating Role of Mistrustful, Legitimizing, and Pro-Relationship Cognitions // Journ. of Personality. 2012. Jan 6. doi: 10.1111/j.1467-6494.2011.00762.x.
16. *Gollwitzer M., Rothmund T.* What Exactly Are Victim-Sensitive Persons Sensitive To? // Journ. of Research in Personality. 2011. № 5.
17. *Gollwitzer M., Rothmund T., Alt B., Jekel M.* Victim Sensitivity and the Accuracy of Social Judgment // Personality and Social Psychology Bulletin. 2012. № 8.
18. *Herbert T.B., Dunkel-Schetter C.* Negative social reactions to victims: An overview of responses and their determinants // Life crises and experiences of loss in adulthood / L. Montada, S.-H. Filipp, M.J. Lerner (Eds.). NY., 1992.
19. *Kohlberg L.* Stage and Sequence: The Cognitive Developmental Approach to Socialization // (Ed.) Goslin D.A. Handbook of Socialization Theory and Research. Chicago, 1969.
20. *Lotz S.* The stability and fragility of fairness: How individual concerns for justice affect human perception, emotion, and behavior: PHD dissertation. Koln, 2010.
21. *Nartova-Bochaver S., Astanina N.* Individual Differences in Russian Adults' Justice Sensitivity // 16th European Conference on Personality Psychology, July 10–14 2012, Trieste Italy. Book of abstracts. IS2-5.
22. *Paulhus D.* Assessing self-deception and impression management in self-reports: The Balanced Inventory of Desirable Responding, Version 6. Unpublished manual. University of British Columbia. Vancouver, 1991.
23. *Rosenberg M.* Conceiving the self: Basic Books. NY. 1979.
24. *Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J.* The Justice Sensitivity Inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data // Social Justice Research. 2010. T. 23.
25. *Schmitt M., Gollwitzer M., Maes J., Arbach D.* Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space // European Journal of Psychological Assessment. 2005. T. 21.
26. *Sodergren S.C., Hyland M.E.* Qualitative phase in the development of the Silver Lining Questionnaire // Quality of Life Research. 1997. № 7–8.

27. *Tennant R., Hiller L., Fishwick R., Platt S., Joseph S., Weich S., Parkinson J., Secker J. and Stewart-Brown S.* The Warwick-Edinburgh Mental Well-being Scale (WEMWBS): development and UK validation // *Health and Quality of Life Outcomes*. 2007. № 9.
28. *Thompson E.R.* Development and validation of an internationally reliable short-form of the positive and negative affect schedule (PANAS). *Journ. of Cross-Cultural Psychology*. 2007. № 2.
29. *Wood A.M., Linley P. A., Maltby J., Bahousis M., Joseph S.* The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale. *Journ. of Counseling Psychology*. 2008. № 3.
30. *Wu M. S., Schmitt M., Nartova-Bochaver S., Astanina N., Khachatryan N., Zhou C., Ha B.* Does It Bother Me to Profit from Others? Cross-Cultural Surveys on Beneficiary Oversensitivity and Individualism // *Social Justice Research (SORE)*. 2014.

Язык в структуре этнической и религиозной идентичности чеченцев и ингушей

О.С. ПАВЛОВА

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета

В статье представлены результаты анализа роли языка в структуре этнической и религиозной (конфессиональной) идентичности чеченцев и ингушей. На основании проведенного исследования делается вывод, что для подавляющего большинства из них родным является чеченский язык и ингушский язык. Родной язык назван респондентами основным этнодифференцирующим и этноинтегрирующим факторами и представляет собой важнейшую культурную ценность. Степень овладения родным языком респондентами различна: часть респондентов говорят на смешанном ингушско-русском и чеченско-русском языке, не все владеют письменным родным языком. Арабский язык является маркером религиозной (конфессиональной) идентичности и средством религиозной коммуникации этносов, исповедующих ислам. Употребление арабизмов чеченцами и ингушами характерно для речи как на родном, так и на русском языке, и имеет продолжительную историю. Для лингвистической картины чеченского и ингушского социумов характерно явление взаимопроникновения и смешения языков.

Ключевые слова: *чеченцы, ингуши, вайнахи, этническая идентичность, религиозная (конфессиональная) идентичность, лингвистическая (языковая) картина мира, билингвизм, полилингвоментальная личность.*

К постановке проблемы

Исследования в области различных наук однозначны в выводе, что «язык — это важнейший механизм формирования и функционирования культурной отличительности, это важный элемент индивидуальной и культурной идентичности» [36, с. 75]. Являясь не только основным средством коммуникации, но так же и главным способом приобщения к культуре, язык создает образ мира, обладающий этнокультурным своеобразием [11].

В структуре этничности язык является наиболее мощным этнодифференцирующим признаком [14], а в структуре этнической идентичности — одним из важнейших факторов ее формирования. Являясь этнической ценностью народа, язык часто фокусирует на себе этническую идеологию и национальные чувства [7]. Язык, имплицитно отражая ментальность этноса, выступает как консолидирующий психологический фактор, как элемент этнического самосознания, как национальный символ.

Изучению связи языка и культуры посвящено множество работ. Классикой

в этом плане стали работы В. Гумбольдта, К.К. Леви-Стросса, Э. Сепира, Ф. де Соссюра, Б.Л. Уорфа, Г. Хойджера и многих других. Как пишет Э. Сепир, «Содержание языка неразрывно связано с культурой» [35, с. 194]; «Культуру можно определить как **то, что** данное общество делает и думает. Язык же есть то, *как* думают» [там же, с. 193]. В этой связи использование, изучение и передача родного языка новым поколениям является важнейшей задачей каждой культуры.

Старинная ингушская пословица гласит: «Цхьа мотт ховр цхьа саг ва, кхоь мотт ховр кхоь саг ва» («Знающий один язык — один человек, знающий три языка — три человека»). Представители многих народов, проживающих на территории России, являются билингвами, а чаще полилингвами, т. е. носителями двух, а иногда и более языков. Психологический и лингвистический анализ структуры многоязычия как в индивидуальном плане, так и в контексте этнической общности может дать содержательную информацию о языковой картине мира этноса.

Взаимоотношению языка с этничностью, этнической идентичностью посвящено множество исследований. Вместе с тем связь языка и религиозной идентичности, на наш взгляд, изучена недостаточно. В частности, интересным представляется вопрос изучения роли арабского языка в структуре религиозной идентичности современных российских мусульман. Необходимость изучения этого вопроса назрела, так как в общественном российском дискурсе некоторыми специалистами выражается беспло-

дойство по поводу перегруженности «речи российских мусульман арабскими заимствованиями, относящимися преимущественно к религиозной сфере. Эти заимствования можно с уверенностью называть избыточными, поскольку обозначаемые ими понятия в подавляющем большинстве случаев имеют адекватные и употребительные аналоги в русском языке» [37, с. 106]. С.Р. Усеинова, исследуя данную проблему, делает вывод, что использования арабизмов российскими мусульманами не только в молитве, но и в повседневном общении «не может не приводить к резкому культурному обособлению.... Арабский язык в виде готовых формул, которыми обильно уснащается речь говорящих в виде терминов и понятий, которыми они оперируют, становится инструментом отчуждения от культуры своей страны» [37, с. 108]. Конфликтный дискурс подобной постановки проблемы требует тщательного изучения. Данная статья является попыткой рассмотреть роль и значение языка как маркера этнической и религиозной идентичности на современном этапе развития этносов, исповедующих ислам.

Чеченцы и ингуши — родственные народы, проживающие на Северо-Восточном Кавказе, по вероисповеданию являются мусульманами-суннитами. Для вайнахов¹ приверженность к исламу является не просто культурной традицией, а образом жизни: подавляющее большинство чеченцев и ингушей являются религиозно-практикующими людьми. Значимость и неразрывную связь этнической и религиозной идентичности че-

¹ *Вайнахи* — «наши люди»; термин, введенный З.К. Мальсаговым в 20-х годах XX столетия и употребляемый для обозначения чеченцев и ингушей.

чеченцев и ингушей подтвердило проведенное исследование социально-психологических особенностей вайнахов, результаты которого были изложены автором в целом ряде публикаций [31–33]. Являясь стержневым компонентом в структуре социальной идентичности, этническая и религиозная (конфессиональная) идентичности образуют единое ценностное ядро идентификационных предпочтений [32].

Значимость этнической и религиозной идентичности наших респондентов определяет структуру их ценностных ориентаций, в которой доминируют этнические и исламские ценности, обуславливает нормы общественной и личной морали и нравственности и нормы социотипического поведения [31–33].

Обратимся к анализу языковой картины мира вайнахов. Чеченский и ингушский языки относятся к нахской подгруппе нахско-дагестанской группы иберийско-кавказской языковой семьи. Языки чеченцев и ингушей и по своему строению, и по происхождению совсем не похожи на русский язык. Русский язык, принадлежащий к восточно-славянской группе индоевропейских языков, относится к языкам флективного типа, для которых характерно флективное словоизменение. Чеченский и ингушский языки – языки агглютинативного типа, в которых каждый аффикс служит для выражения только одного грамматического значения.

В статье 14 Конституции Республики Ингушетия (1994) за ингушским и русским языками закреплен статус государственных. В статье 10 Конституции Чеченской Республики (2003) статус государственных закреплен за чеченским и русским языками. Важно понимать, что

признание языка государственным не только поднимает его престиж и значимость, но и диктует необходимость его знания и использования работниками государственных органов и учреждений, сферы обслуживания, образования и т. д.

Ингушский язык не имеет диалективной дифференциации, а в чеченском языке выделяется 7 диалектов: плоско-стной, аккинский, шароевский, чеберлоевский, итумкалинский, кистинский, галанчоужский. Обилие диалектов создает главную проблему чеченского литературного языка – проблему его нормированности – «строго регламентированной системы норм произношения и правописания нет до сих пор, а экспансия диалектов в отношении литературного языка привела к тому, что размываются и те нормы, которые были выработаны за непродолжительное время формирования литературного языка» [38, с. 36]. Процесс формирования литературного чеченского языка тормозится за счет неразвитости его терминологической базы. В наибольшей степени в нем развита лингвистическая терминология; в той или иной степени представлена физическая, астрономическая, химическая, медико-биологическая, философская. В настоящее время ведется активная работа по распространению чеченского языка на сферы науки и общественно-политической жизни, где он функционировал недостаточно [38, с. 36].

Более 90 % ингушей [9] и чеченцев считают себя билингвами, так как свободно владеют русским языком. Так же как и чеченский, ингушский язык в силу отсутствия соответствующей терминологии слабо используется в различных сферах науки, производства, культуры, политики, экономики. Во всех этих сфе-

рах активно применяется русский язык. Кроме того, ученые констатируют, что «в последние годы в Ингушетии язык перестал выполнять функции национального индикатора. Русско-ингушский билингвизм постепенно вытесняет ингушский язык» [2, с. 473].

Развитие ингушко-русского и чеченско-русского билингвизма, «когда первый его компонент — родной язык — не функционирует в важнейших сферах жизнедеятельности двуязычного народа, в первую очередь, в письменной форме, и не развивается структурно вследствие отсутствия функций в этих сферах, можно считать фазой перехода с первого языка на второй, являющийся функционально первым языком» [29]. Причины такой ситуации заложены в исторических аспектах языковой политики в СССР, когда изучению национальных языков уделялось крайне мало времени, а в период депортации народов (1944—1957) изучение национальных языков было вообще запрещено.

Чеченский и ингушский языки относятся к младописьменным языкам, так как до конца XX века вайнахи не имели своей письменности. Однако существуют научные предположения (Х.А. Акиев, И.Ю. Алироев, Ф.И. Горепекин, Н.Ф. Яковлев [8]), что «у предков ингушей была письменность, и потеряна она ими сравнительно недавно» [2, с. 475].

Попытки создать чеченскую письменность осуществлялись в конце XIX — начале XX века как на основе арабской графики, так и на кириллической основе. В разработку чеченской письменности и создания литературного чеченского языка большой вклад внес русский этнограф, лингвист П.К. Услар, который в начале 60-х годов XIX века

создает чеченский алфавит на кириллической основе [38].

Ингушская письменность до 20-х годов XX века также существовала на основе арабской графики. В 20-е годы создается несколько вариантов ингушского письменного языка: М. Джабагиевым — на основе арабского шрифта, М. Альтемировым — на основе русско-усларовского шрифта. В 1922 году был официально принят алфавит, составленный на основе латинского шрифта ингушским писателем, драматургом З.К. Мальсаговым. В то время многие национальные алфавиты СССР переходили на латинский шрифт.

До 1925 года в Чечне использовался алфавит на основе арабской графики (этот алфавит видоизменялся и дополнялся последовательно А. Тучаевым, Т. Эльдархановым, а в 1922 году — Ш. Сугаиповым). Вариант латинизированного чеченского алфавита создается в 1925 году Х.Д. Ошаевым. Но на этом унификация не закончилась, и в 1928 году был принят проект вайнахского алфавита, разработанный З.К. Мальсаговым и Н.Ф. Яковлевым, позволивший сблизить максимально чеченскую и ингушскую письменности.

В 1938 году чеченский и ингушский алфавиты при непосредственном участии профессора Н.Ф. Яковлева были переведены на кириллицу в связи с продолжившейся унификацией письменности народов России. Эти алфавиты действуют в настоящее время в чеченском и ингушском языках. В 1991 году была предпринята попытка перевести чеченский алфавит на латинскую графику, но в силу различных причин латинизация чеченского алфавита не состоялась.

**Программа исследования,
ее результаты и обсуждение**

На основании результатов социально-психологического исследования [31–33] нами был проведен анализ роли языка в структуре этнической и религиозной идентичности вайнахов. В исследовании приняли участие 508 чеченцев и 478 ингушей, проживающих в Чеченской Республике (380 респондентов) и Республике Ингушетия (366 респондентов), в Санкт-Петербурге и Москве (128 чеченцев и 112 ингушей). Возрастной состав выборки был представлен двумя группами: респонденты от 18 до 25 лет – 311 чеченцев, 296 ингушей; респонденты возрастной группы старше 25 лет – 197 чеченцев, 182 ингуша. Гендерный состав выборки: ингуши – 162 мужчины и 316 женщин, чеченцы – 158 мужчин и 350 женщин. Изучение роли языка производилось на основе анализа ответов, данных респондентами на неоконченные предложения (автор-

ский вариант), и авторского опросника [31]. Распределение ответов было получено с помощью статистического пакета SPSS for Windows 18.0.

Обратимся к анализу результатов. Ответы на вопросы анкеты показали, что язык для чеченцев и ингушей является важнейшим этнодифференцирующим и этноконсолидирующим признаком (табл. 1, 2).

Анализ табл. 1 показывает, что родной язык был отмечен в качестве главного этноконсолидирующего признака нашими респондентами, проживающими в Москве и Санкт-Петербурге. Из таблиц 1 и 2 видно, что значимость этноконсолидирующих и особенно этнодифференцирующих признаков изменяется в зависимости от места проживания респондентов.

Так, если в Чечне и Ингушетии главными этнодифференцирующими признаками названы язык, религия и внешний вид, то в столицах эта триада меняется: наряду с языком это черты характера, психология и особенности поведения

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос (%):
«что Вас сближает с людьми Вашей национальности?»**

Признак	Ингуши		Чеченцы	
	Республика Ингушетия	Москва, Санкт-Петербург	Чеченская Республика	Москва, Санкт-Петербург
Родной язык	73,2	77,5	70,3	85,7
Народные обычаи, обряды, культура	73,2	77,5	71,7	82,9
Религия	69,7	50,0	68,9	34,3
Общее историческое прошлое	23,7	35,0	21,9	31,4
Родственные связи	26,8	42,5	28,3	28,6
Черты характера, психология	10,1	17,5	13,7	31,4
Общее поведение	5,1	10,0	5,9	-
Черты внешнего облика	1,0	-	2,7	2,9
Ничто не сближает	1,0	-	-	-
Трудно сказать	2,0	-	1,4	2,9
Что еще	0,5	2,5	0,9	-

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос (%):
«что, по Вашему мнению, в первую очередь отличает людей
разных национальностей?»**

Признак	Ингуши		Чеченцы	
	Республика Ингушетия	Москва, Санкт-Петербург	Чеченская Республика	Москва, Санкт-Петербург
Язык	88,4	77,5	84,9	97,1
Религия	70,2	32,5	70,3	25,7
Черты характера, психология	29,8	72,5	32,0	65,7
Внешний вид	42,9	35,0	34,7	34,3
Особенности поведения	27,8	72,5	29,2	60,0
Затрудняюсь ответить	2,5	2,5	3,2	-
Различий нет	1,5	2,5	1,8	-

ния. И это вполне объяснимо: в гомогенной среде представителей своего этноса (а Чечня и Ингушетия в настоящее время фактически являются моноэтническими регионами) черты характера и поведения являются индивидуальными признаками; респонденты видят больше различий, нежели общности. Проживая в мультикультурном обществе мегаполиса, респонденты подмечают черты сходства в поведении и психологии с представителями своего народа в гораз-

до большей степени, чем дома. Религия (ислам) перестает быть важнейшим этнодифференцирующим фактором, так как в Москве и Санкт-Петербурге чеченцы и ингуши взаимодействуют с представителями множества других народов, религией которых является ислам.

Как видно из табл. 3, для подавляющего большинства ингушей родным языком является ингушский, соответственно для чеченцев – чеченский. Наряду с чеченским/ингушским языком на-

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос (%): какой язык (языки) Вы считаете родным (в зависимости от места проживания)?

Язык	Место проживания							
	Родина (РИ, ЧР)				Москва, Санкт-Петербург			
	первый родной язык		второй родной язык		первый родной язык		второй родной язык	
	Ингуши	Чеченцы	Ингуши	Чеченцы	Ингуши	Чеченцы	Ингуши	Чеченцы
Чеченский	0,5	94,5	1,5	1,4	-	88,6	2,5	-
Ингушский	90,9	0,9	2,5	0,9	97,5	-	2,5	-
Вайнахский	-	-	-	-	-	2,9	-	-
Мелхистинский	-	0,5	-	-	-	2,9	-	-
Мусульманский	-	0,5	-	-	-	2,9	-	-
Русский	2,5	1,8	7,6	9,1	2,5	-	22,5	2,9
Арабский	1,0	1,4	1,0	2,7	-	-	-	-
Грузинский	0,5	-	-	0,5	-	-	-	-

шими респондентами в качестве первого родного языка были названы также: вайнахский, мелхистинский, мусульманский, арабский и грузинский. Предлагая ответить на этот вопрос, мы не вносили в качестве варианта ответа категорию «второй родной язык», тем не менее, респонденты сами в некоторых случаях (как видно из табл. 3) указывали через запятую второй язык, которым чаще всего назывался русский. Частота его упоминания зависела от места проживания респондентов: у столичных ингушей он упоминался в три раза чаще в качестве второго родного языка. У столичных чеченцев, напротив, количество его упоминания снижается в три раза.

Чеченцы и ингуши — билингвы, так как в подавляющем большинстве хорошо владеют русским языком, иногда даже лучше, чем ингушским или чеченским, но при этом понятие «родной язык» для них — это язык их предков. Совершенно очевидно, что родной язык — это важнейшая этнокультурная ценность. Ингуши говорят: «Кто владеет ингушским языком, владеет всеми языками мира» [43, с. 105] и называют свой язык «*нана мотт*», т. е. «мать язык». Чеченцы называют свой язык «*ненан мотт*» — «язык матери». Подобное сакральное отношение к родному языку проявилось и в ответах на неоконченные предложения:

• **Быть представителем своего народа для меня значит:** *владеть языком, соблюдать обычаи, традиции (инг., жен.); знать язык, обычаи, традиции (чеч., муж.).*

• **Как большинство представителей своего народа я:** *придерживаюсь своих традиций и обычаев, знаю родной язык, верю в Аллаха (инг., жен.); говорю на родном языке, придерживаюсь образа жизни (инг., жен.).*

• **В отличие от большинства представителей моего народа я:** *плохо владею языком (инг., жен.); не учила ингушский язык в школе (инг., жен.); хорошо знаю свой родной язык (чеч., жен.); плохо знаю родной язык (к стыду) (чеч., жен.); не знаю свой язык. (чеч., жен.); не умею разговаривать на чеченском языке, к сожалению (чеч., жен.).*

• **Самое главное для представителей моего народа:** *сохранить самих себя, обычаи, традиции, язык и культуру (инг., жен.); знать родной язык (чеч., жен.); чтить свой язык (чеч., жен.).*

• **Быть настоящим ингушом/ чеченцем — значит:** *язык, этика, умереть за свой народ, гордиться своей принадлежностью к нему (инг., муж.); чтить свои обычаи и знать язык (чеч., жен.); быть мусульманином, знать свои традиции и язык (чеч., муж.).*

• **В чем Вы видите проблему межэтнических браков?** *незнание языка (инг., жен.), вырождается язык, обычаи, традиции (инг., жен.); они не знают язык, обычаи, традиции (инг., муж.); язык, дети, традиции, обычаи, культура, религия (чеч., жен.); другой язык, обычаи, культура и воспитание (чеч., жен.).*

• **В воспитании детей самое главное:** *чтобы они знали свою культуру, историю, свой язык, уважение своих родственников (инг., муж.); привить им любовь к своему языку, обычаям и традициям своего народа (инг., муж.).*

• **Каковы основные принципы ингушской этики?** *Знание ингушского языка, принцип родства (инг., муж.).*

Как видно из приведенных примеров, наши респонденты считают родной язык важнейшей этнокультурной ценностью наряду с традициями и обычаями, религией и этикой. Язык необходимо знать и «*чтить*».

Появление в ответе на вопрос как о родном языке — вайнахском, отсылает нас к этнической и языковой близости чеченцев и ингушей. При наличии общего вайнахского алфавита чеченский и ингушский языки отличаются и в плане лексики, и в плане фонетики. Сравнительный анализ лексики чеченского и ингушского языков, проводившийся О. Егоровым в преддверии создания единого письменного языка для чеченцев и ингушей в 30-е годы XX столетия, показал, что 40 % лексики совпадает полностью в чеченском и ингушском языках, 45 % слов различается звуковым оформлением корня, суффиксов и окончания, при этом слова схожи по значению. И 15 % слов в чеченском и ингушском языках различается [19]. Таким образом, близость этих языков настолько очевидна, что почти 3 % наших респондентов, проживающих в столицах, определили родным языком вайнахский.

Мелхистинский язык, названный частью наших респондентов в качестве родного, является одним из диалектов чеченского языка. Мелхистинский говор входит в состав галанчоожского диалекта; нередко его выделяют в качестве отдельного диалекта. Мелхистинский (мелхинский) диалект, равно как и галанчоожский, занимает промежуточное положение между чеченским и ингушским языками. Сами мелхистинцы говорят, что они лучше понимают ингушский язык, чем горные диалекты чеченского языка. По всей видимости, именно эта особенность заставила наших респондентов отметить в качестве родного языка мелхистинский язык.

Весьма примечательно появление в ответах наших респондентов в качестве родного языка арабского и мусульманского языков. При всей необычности са-

мого термина «мусульманский язык» анализ литературы показал, что бытование в языке народов, исповедующих ислам, большого количества религиозной лексики позволяет говорить о таком языковом феномене как «мусульманский язык». По мнению председателя президиума Духовного управления мусульман европейской части России, председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина, «в языках всех мусульманских народов, в том числе и арабов, существует некий базовый круг слов, играющих главенствующую роль в выражении исламского взгляда на реальность и истину, благодаря чему мусульманское мировоззрение предстает в истинном свете. При этом слова, образующие базовый круг, восходят к Корану, и, следовательно, имеют арабские корни и звучат одинаково на всех языках мусульманских народов» [12, с. 288]. Малайский философ, метафизик, писатель и языковед, мусульманский богослов и пропагандист суфийской науки Сейид Мухаммад Накыб аль-Аттаси утверждает, что «исламизация языка есть не что иное, как внедрение базового словаря мусульманской терминологии в языки народов, исповедующих эту религию, благодаря чему язык каждого мусульманского народа оказывается связанным с языками других мусульманских народов через базовый круг слов, ставших для всех родными. Вот почему языки всех мусульманских народов можно было бы отнести, по существу, к одной группе мусульманских языков» [34, с. 36].

Небольшая часть респондентов назвала в качестве родного языка арабский. Требуется особо тщательный анализ, чтобы разобраться, какую роль в жизни

чеченского и ингушского социума играет арабский язык. Использование арабизмов в языках народов Северного Кавказа, в частности, в чеченском и ингушском, имеет продолжительную историю, связанную с процессом принятия этими народами ислама, который продолжался, по разным оценкам, начиная с VIII—X веков в Чечне [1] и XIII—XIV веков в Ингушетии [3] и завершился в XIX веке. Некоторыми учеными делается предположение, что уже в XVI веке на территории современных Чечни и Ингушетии сложилась местная письменность на основе арабской графики [21, с. 445]. Проникновение арабского языка в Чечню и Ингушетию происходило в двух направлениях: с одной стороны, укрепление позиций ислама в жизни вайнахов привело к заимствованию большого числа религиозной (и не только) лексики в чеченский и ингушский языки. С другой стороны, арабская письменность легла в основу письменности на чеченском и ингушском языках и просуществовала до 20-х годов XX века. Факты использования арабской графики для передачи письменного ингушского языка встречались даже во времена Великой Отечественной войны: так, письмо с фронта, написанное Ю.И. Кодзоевым, учившимся до войны в медресе, написано с помощью арабской графики [18].

К XIX веку арабский язык и арабоязычная религиозная литература широко распространяется на всем Северо-Восточном Кавказе [38]. Во времена имамата Шамиля официальная и частная переписка шла на арабском языке [40]. Арабским языком владели духовные лица, шейхи и устазы.

В XIX веке арабский язык и исламская религиозная культура становятся

частью национальной чеченской и ингушской культуры. До начала 20-х годов XX века арабский язык изучался в весьма многочисленных арабских школах и медресе Чечни и Ингушетии. Так, в 1924 году в Чечне насчитывалось 2675 мечетей, 60 тысяч мюридов, членов различных религиозных организаций, 38 шейхов, 850 мулл и 140 духовных школ [22]. В Ингушетии к 1929 году существовали 32 арабские школы, в которых обучались около 1500 учеников, и такое же количество медресе с 825 учениками [2]. Известный российский ученый-арабист, переводчик Корана на русский язык, академик И.Ю. Крачковский в своих воспоминаниях писал: «В 20-х годах два ингуша, присланные в Ленинградский институт восточных языков, знали только два языка: родной ингушский и арабский. Совершенно свободно они беседовали по-арабски на разные темы мировой политики и современной жизни, а один из них с легкостью писал стихи по всем правилам старых арабских канонов» [25, с. 138]. Можно отметить еще и тот факт, что среди ингушей и чеченцев есть тейпы, имеющие арабское происхождение.

Изучение арабского языка и широкое его использование было практически прервано в годы советской власти и возобновилось в постперестроечный период. Сейчас арабский язык изучается в религиозных образовательных учреждениях всех ступеней (начальных, средних и высших). Приобщение детей и молодежи к культуре ислама, воспитание в исламе — важнейший аспект духовно-нравственного воспитания в Чеченской Республике и Республике Ингушетия. В республиках религиозное образование осуществляется в исламских институтах

и медресе. В настоящее время в Чеченской Республике действуют 20 медресе, два исламских вуза: Российский исламский университет имени Кунта-хаджи Кишиева в Грозном и Исламский институт имени Ахмата-хаджи Кадырова в районном центре Курчалой; три школы хафизов — чтецов и знатоков Корана, знающих его наизусть. В Республике Ингушетия можно получить начальное религиозное образование в медресе (их в Ингушетии 28), высшее образование в двух вузах — в Ингушском исламском университете в городе Малгобеке и Исламском институте, находящемся в станице Орджоникидзевская; открылась школа хафизов имени Кунта-Хаджи Кишиева в с. Барсуки. В чеченских школах и дошкольных учреждениях преподаются основы исламских знаний; в школах Республики Ингушетия преподается курс «Основы религии» для учеников 5–10 классов.

Таким образом, становится понятно, почему чеченская и ингушская лексика содержит большое число арабизмов. «Лексико-семантическое освоение арабских заимствований в ингушском языке происходит согласно лексическим требованиям языка-реципиента и демонстрирует достаточно высокую степень освоенности арабизмов. Арабские заимствования, попадая в ингушский язык, как правило, сужают свое лексическое значение, реже происходит утрата значения, расширение значения с одновременным его изменением. Кроме этого, арабизмы, вступая в синонимические и антонимические пары, способствуют обогащению лексики ингушского языка» [30, с. 35].

Анализу религиозной и, в частности, арабской лексики в ингушском и чечен-

ском языках посвящено достаточное количество исследований: И.Ю. Алироева [4; 5], Х.Т. Курбанова [26], Р.М. Оздоевой [30]. Классифицируя религиозную лексику в чеченском языке, Х.Т. Курбанов выделяет, в частности, следующие ее компоненты [26]:

1. Названия сверхъестественных существ: *АллахI* — Бог, Аллах; *малик* — ангел и др.

2. Обозначение мусульманских религиозных обрядов и действий, проводимых в соответствии с религиозными предписаниями: *доIа* — молитва дуа, *зубкаp* — зикр, *ламаз* — намаз, *шарI* — шариат, *весет* — васият (завещание), *тезет* — тазият (соболезнования, поминки).

3. Названия людей по их отношению к вере: *бусалба* — мусульманин, *хъажа* — паломник, посетивший Мекку, *эвлаь* — святой; *гаур* — немусульманин.

4. Названия строений культового и обрядового назначения: *зиярт* — зиярат, *хъажцIа* — могила пророка Мухаммада.

5. Названия предметов культового и обрядового значения: *хIайкал* — хайкал (амулет).

6. Антропонимы: мужские и женские имена Магомед, Хусейн, Абубакр, Фатима, Макка и т. п.

7. Названия религиозных текстов: *КъурIан* — Коран, *Еса* — сура Ясин.

8. Устойчивые выражения: *иншааллахI* (если будет угодно Аллаху), *алхъ-амдуллилахI* (слава Аллаху), *Амин* (да будет так), *валлахIи* (клянусь Аллахом), *АллахIу акбар* (Аллах велик) и т. д.

9. Абстрактные понятия: *беркат* — баракат (благодать, благополучие).

Аналогичные примеры можно встретить и в ингушском языке, а также в языках многих других народов, исповедующих ислам. Употребляя эти слова, дале-

ко не все чеченцы и ингуши осведомлены об их арабском происхождении, так как эти слова и выражения давно стали частью национальной культуры.

Анализ анкет респондентов, проведенный в ходе данного исследования, показал, что отвечая на вопросы анкеты на русском языке, чеченцы и ингуши употребляли некоторые слова и выражения на чеченском и ингушском языках, а также слова, имеющие арабское происхождение и религиозное значение. Ингушские и чеченские слова выражали культурно-специфические понятия, перевод которых на русский язык достаточно сложен. Например, *эздел* (инг.) — ингушская этика, моральный кодекс ингушей; *яхь* (инг.) — соревнование; самолюбие; стремление быть лучше других и достигать этого с помощью своих личных качеств; «*кьо́нах*» (чеч.) («*кьоунах*») — «молодец, достойный муж», «сын народа». В содержательное значение этого слова входит национальный нравственный идеал мужчины, который запечатлен в этическом кодексе чеченцев «*Кьо́нахалла*». *Пиллакх-оьздангалла* (чеч.) — «это комплекс этикетных (обычных) правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям: обхождения с окружающими, формы обращения, приветствий, поведения в общественных местах, манеры поведения, одежды и др.» [39, с. 267].

Арабские слова и выражения относились к понятиям, имеющим значимость для «соблюдающего мусульманина». Это такие слова как: Коран, шариат, харам, халял, хадж, Рамадан, умма. Смысл этих и многих других слов хорошо понятен любому мусульманину во всем мире; для немусульманина требует некоторого разъяснения, например:

Закят — один из пяти столпов ислама, обязательный налог на имущество и доходы, который идет на нужды религиозной общины и распределяется среди бедных и неимущих мусульман.

Иман — вера; неотъемлемая часть мусульманской религии. Включает в себя шесть столпов: *таухид* — вера в Единого Бога, Аллаха, вера в Его Писания, Его посланников и пророков, в Его ангелов, в Последний день, в предопределение.

Ихсан — добродетель, благородство: «совершение того, что является благом для других, причем когда делается с чувством милосердия и любви» [6, с. 463].

Таким образом, арабизмы являются частью лексики чеченского и ингушского языков, а также широко употребляются в речи на русском языке. Знание арабского языка помогает в осуществлении «религиозной коммуникации» [27, с. 3]. Кроме того, среди **обязанностей** мусульманина есть те, которые непосредственно связаны с необходимостью овладения арабским языком. Прежде всего, на арабском языке происходит вся молитвенная практика. Ежедневная обязательная пятикратная молитва-намаз состоит из повторения сур и аятов Корана, а также других молитвенных формул на арабском языке. Их точное воспроизведение и понимание связано со знанием арабского. Кроме того, мусульманин обязан «стремиться к чтению Корана на арабском языке в соответствии с правилами его чтения (*таджвид*), помня о том, что Коран — это Речь Аллаха» [42, с. 36]. Только на арабском языке Коран является священным текстом. Существует онтологическая связь между Кораном, исламскими ритуалами и арабским языком, что придало исламу «его специфический “арабский” облик» [13, с. 183].

В Коране арабский язык назван «ясным» [24], это язык Божественного откровения. «Несмотря на наличие множества переводов смыслов Корана на различные языки мира, во всем исламском мире каноническим признается только оригинальный текст арабского Корана» [42, с. 31]. Российские последователи ислама считают: «Любовь к Священному Писанию должна быть у каждого мусульманина. Если человек не умеет читать Коран по-арабски, он должен и обязан научиться этому» [15, с. 19].

Владение арабским языком для мусульманина арабского происхождения является **необходимым** компонентом религиозной идентичности. Исследуя религиозную жизнь выходцев из стран Магриба: алжирцев, тунисцев, марокканцев во Франции, Е. Деминцева приводит такую выдержку из интервью: *«Я не мусульманин. Я не знаю того, что должен знать настоящий мусульманин. Я не говорю по-арабски. Я не читал Коран»* [16, с. 122].

Арабский язык является официальным языком ООН, на нем говорят более 300 миллионов человек. В советское время последователи ислама в нашей стране были изолированы от коммуникации с мусульманской уммой. В последние десятилетия процесс взаимодействия налаживается. И он требует владения арабским языком. На международных конференциях, куда сегодня имеют возможность ездить российские мусульмане, арабский язык становится необходимым средством международной коммуникации.

В контексте использования арабского языка российскими мусульманами среди отечественных специалистов возникает дискуссия о том, «как в русском языке следует называть Единого Бога

применительно к мусульманской традиции и соответственно в переводах мусульманских текстов: Аллах или Бог» [28]. При этом существует точка зрения, что употребление слова «Бог» вместо слова «Аллах» было бы более привлекательным с точки зрения межконфессионального диалога [37]. Для каждого мусульманина слово «Аллах» отражает строгий монотеизм, веру в Единого и Единственного Бога. Контент-анализ неоконченных предложений, осуществленный в нашем исследовании, показал, что респондентами в большинстве случаев свойственно употребление слова «Аллах» – 73 % случаев, Всевышний – 21 %, Единый Творец – 3 %, Бог – 2 %, Единый Господь – 1 %. Ответить на возникающую дискуссию по поводу уместности или необходимости употребления слов «Бог», «Аллах» можно словами российского ученого-востоковеда В.В. Наумкина: «Исламооведам и переводчикам текстов необходимо предоставить свободу в использовании обоих слов. Что же касается религиозного мусульманского сообщества России, то оно, наверное, само определит для себя наиболее приемлемый вариант» [28].

Интересно, что в чеченском и ингушском языках существуют также собственные языковые обозначения некоторых религиозных понятий в тех случаях, когда это понятие существовало в жизни вайнахов еще до принятия ислама. Так, для обозначения Бога широко используется наряду с названными выше словами слово *Дела* (чеч.), *Дяла* (инг.). Раньше этим именем чеченцы и ингуши называли верховного бога, который возглавлял пантеон языческих богов вайнахов задолго до принятия ислама. В речи чеченцев бытуют устойчивые выражения-благопожелания:

Дала аьтто бойла! (Дай Бог удачи!); *Дала лардойла* (Да хранит вас Создатель); *Дала везийла (езийла)!* (Пусть тебя любит Аллах!). Аналогичные выражения есть и в ингушском языке: *Даьла раьза хилва хьона* (Пусть будет доволен тобой Аллах), *Даьла аьттув боаккхалба хьа* (Пусть Аллах ниспошлет тебе успех).

В качестве благодарности используется весьма интересная в лингвистическом плане конструкция: *Баркалла! Дела реза хийла* (чеч.) (Спасибо! Пусть будет доволен тобой Аллах!). Слово *баркал* (*баркала, баркалла*), означающее «спасибо» и распространенное в языках народов Северо-Восточного Кавказа, имеет арабское происхождение: араб. *barakallah* означает «да благословит Аллах».

Лингвистически не менее интересно также и поздравление с окончанием мусульманского поста в месяц Рамадан: *Марханаи Дала кьобал дойла шун!* (чеч.). Слово *марха*, которое используется в чеченском и ингушском языках для обозначения ежегодного мусульманского поста, имеет грузинское происхождение. *Мархий бутт* (инг.) – месяц поста – появился в жизни вайнахов еще до приня-

тия ислама. По мнению ученых-этнографов, раньше он выпадал на март, который по-ингушски назывался *гIалгIай мархий бутт*. Этимология слова *марха* имеет две версии: по одной из них *марха* восходит к древнему названию солнца и адресует нас к языческим символам. По другой версии в этот месяц ингуши в прошлом соблюдали христианский пост [31]. Это название закрепилось за месяцем Рамадан с распространением ислама. Таким образом, название месяца мусульманского поста имеет языческие и христианские корни.

Итак, употребление и широкое использование арабского языка имеет свою достаточно продолжительную историю в чеченском и ингушском обществе. Постсоветское возрождение религиозной жизни, постижение исламской религиозной культуры реанимировало арабский язык, сделав его одним из важных компонентов религиозной идентичности.

В ходе исследования мы предлагали нашим респондентам оценить степень своего владения родным языком.

Анализ табл. 4 показал, что достоверные различия по уровню владения язы-

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов на вопрос (%):
Как Вы оцениваете свое знание чеченского/ ингушского языка?**

Знание языка	Ингуши***		Чеченцы***	
	Республика Ингушетия	Москва, Санкт-Петербург	Чеченская Республика	Москва, Санкт-Петербург
Понимаю, говорю, читаю, пишу	73,7	47,5	76,3	74,3
Понимаю и говорю	21,2	35,0	20,1	25,7
Понимаю, но не говорю	2,5	15,0	2,3	-
Не понимаю и не говорю	0,5	2,5	0,5	-

*** различия достоверны на уровне 0,000 по критерию Манна-Уитни между ингушами и чеченцами; на уровне 0,007 между ингушами, проживающими на Кавказе и в Москве, Санкт-Петербурге.

ком обнаружили в зависимости от места проживания респондентов среди ингушей. Если в Ингушетии почти 74 % респондентов владеют как письменным, так и устным языком, то в Москве и Санкт-Петербурге таких респондентов становится менее половины опрошенных. И это вполне естественно: в школах Ингушетии ингушский язык изучается как предмет, а в мегаполисах молодежь оказывается оторванной от языковой среды, что отразилось и на всех остальных ответах респондентов: увеличилось число тех, кто совсем не говорит на родном языке или только понимает его. Интересно, что подобная картина не характерна для чеченцев: уровень овладения языком оценивался нашими респондентами одинаково как на Кавказе, так и за его пределами.

Из ответов, результаты которых приведены в табл. 4 и 5, видно, что не все респонденты владеют письменным и устным родным языком. Примечательно,

что различия на уровне высокой статистической значимости обнаружили в ответах респондентов молодого и старшего возрастов. Эти результаты объяснимы: обучение письменному ингушскому и чеченскому языку в последние годы значительно совершенствовалось. Действительно, в советской Чечено-Ингушетии представители всех проживающих там народов хорошо владели, прежде всего, письменным русским языком. Русский язык был языком официального документооборота. Во время депортации чеченцев родной язык не изучался в школах, а многие чеченцы и ингуши стали полилингвами, так как выучили наряду с русским еще и казахский и киргизский языки. Но даже когда в 1957 году Чечено-Ингушская АССР была восстановлена, языком обучения в республике стал русский. В городских школах чеченский и ингушский язык не преподавался даже как предмет. «В сельских школах родной язык и литература были

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов на вопрос (%):
Как вы оцениваете свое знание чеченского/ ингушского языка?**

Знание языка	Ингуши				Чеченцы			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	до 25 лет***	старше 25 лет***	до 25 лет***	старше 25 лет***	до 25 лет***	старше 25 лет***	до 25 лет***	старше 25 лет***
Понимаю, говорю, читаю, пишу	71,4	44,4	75,7	48,1	78,2	60,0	83,3	54,0
Понимаю и говорю	21,4	44,4	17,1	48,1	21,8	40,0	12,5	42,0
Понимаю, но не говорю	7,1	11,1	3,3	3,7	-	-	2,1	4,0
Не понимаю и не говорю	-	-	1,3	-	-	-	-	-

*** различия достоверны на уровне $p = 0,000$ в группе ингушей и в группе чеченцев.

предметом изучения, все остальные предметы велись на русском языке. Во всех учебных заведениях обучение и проведение всех мероприятий позволялось только на русском языке» [10]. В одном из своих выступлений крупный ученый, доктор филологии М. Овхадов отметил, что «в период советской идеологии более 50 % чеченцев не знали родного языка, т.к. главенствующим был русский. Из миллионных тиражей издаваемых газет и журналов, на родном языке выпускалось всего лишь несколько тысяч экземпляров. Это не могло спасти родной язык от вымирания. Поэтому сегодня в республике наблюдается деградация чеченского языка» [45].

Интересно, что в 1995 году, отвечая на вопрос «Как вы оцениваете свое знание ингушского языка?», 16,8 % респондентов-ингушей ответили, что знают его в совершенстве, 41,1 % владеют разговорной речью, 36 % говорят на смешанном ингушско-русском языке, 3 % знают плохо, а 7 % уклонились от ответа на поставленный вопрос [17]. Если сравнивать эти результаты с ответами, полученными в ходе нашего исследования, можно сделать вывод, что уровень знания языка повысился за счет изучения его в образовательных учреждениях. Вместе с тем, по мнению М.С.-Г. Албогачиевой, «растущее влияние русского языка приводит к постепенному отмиранию языка и культуры ингушского народа» [2, с. 491]. Многие современные ингуши говорят на смеси ингушского и русского языков. Ингушский язык используется в общении представителей старшего поколения, а молодежь «плохо знает родной язык и литературу» [2, с. 491].

В настоящее время в школах Чеченской Республики и Республики Ингуше-

тия на уроки чеченского и ингушского языка отводится в среднем по 2–3 часа в неделю. Преподавание других предметов ведется на русском языке. В Чеченской Республике планируется переход преподавания в начальной школе на чеченский язык.

В Чеченской Республике и Республике Ингушетия издается большое число газет и журналов на чеченском/ингушском языке, осуществляется теле- и радиовещание. В целях поддержания и сохранения родного языка в республиках проводятся различные общественные, научные и культурные мероприятия, например, День чеченского языка, Декада ингушского языка и литературы. 25 апреля 2007 года был подписан Закон ЧР «О языках в Чеченской Республике», целью которого «является забота о сохранении и развитии чеченского языка как важнейшего национального признака и основы всей духовной культуры народа Чеченской Республики. Сохранение и развитие чеченского языка выражается в законодательном закреплении его статуса, создании условий для активного его использования в государственной и общественной жизни, поддержании его высокого престижа, а также в принятии мер по его нормализации и научной разработке» [46]. Тем не менее, согласно исследованиям степени сохранности или уровня жизнеспособности языков специалистами ЮНЕСКО, результаты которых были опубликованы в 2009 году, ингушский и чеченский отнесены к уязвимым языкам [44], т. е. к таким, на которых говорят только дома, в быту, а в остальных сферах их применение ограничено.

Мы предложили респондентам оценить свое знание родного языка по пятибалльной шкале.

Распределение ответов респондентов на вопрос: Оцените свое знание чеченского / ингушского языка по 5-балльной шкале (%)

Балл	Ингуши		Чеченцы	
	Республика Ингушетия	Москва, Санкт-Петербург	Чеченская Республика	Москва, Санкт-Петербург
5	18,7	22,5	24,7	37,1
4	39,4	37,5	39,3	34,3
3	21,7	15,0	12,8	14,3
2	1,5	20,0	1,8	-
1	0,5	-	1,4	-

Статистически достоверных различий не обнаружено.

Как видно из табл. 6, около 40 % респондентов оценили свое знание родного языка баллом «хорошо». При этом среди ингушей, проживающих в мегаполисах, 20 % респондентов оценили свое знание языка на «неудовлетворительно», что является отражением существующей языковой ситуации. Если даже на территории собственного языкового пространства язык подвергается постепенной утрате, то проблема сохранения языковой идентичности вдали от родины становится еще более актуальной. При этом, как видно из табл. 7, около 80 % наших респондентов осознают важность овладения родным языком детьми, так как родной язык является не только средством общения, но и средством передачи этнокультурных ценностей, этики и этикета, традиций и обычаев. Вне зависимости от места проживания чеченцы и ингуши стремятся научить своих детей родному языку. Интересно, что среди наших респондентов практически не было тех, кто дома говорит по-русски. Только 3 % чеченцев, проживающих в столицах, так ответили на вопрос анкеты. Аналогичные данные были получены в исследовании чеченских мигрантов в Саратове и Саратовской области

С.Ш. Жемчураевой: 91 % опрошенных дома общаются на чеченском языке; 97 % собираются учить или уже учат родному языку детей [20].

Длительное проживание вдали от своей исторической родины формирует новую языковую идентичность, поэтому «осознание своего языка, этнической принадлежности, культуры требует дополнительных усилий и поддержки со стороны государства» [41, с. 36–37]. Вайнахские общины организуют занятия по изучению родного языка в местах своего проживания, например: в Москве, Санкт-Петербурге, Тюменской и Саратовской областях, в Казахстане. Перед представителями этносов стоит задача не потерять родной язык и культуру.

Таким образом, проведенное исследование показало, что языковая личность современного чеченца/ингуша характеризуется специфическим полилингвизмом, когда происходит овладение сразу несколькими языками:

- чеченским/ингушским языком как важнейшим компонентом этнической идентичности, который подавляющее большинство респондентов считают родным;
- русским языком как государственным средством общения с народами на-

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Вы хотите, чтобы ваши дети в совершенстве владели чеченским / ингушским языком?» (в %)

Ответы	Ингуши		Чеченцы	
	Республика Ингушетия	Москва, Санкт-Петербург	Чеченская Республика	Москва, Санкт-Петербург
Да, это очень важно	76,8	82,5	82,6	88,6
Было бы неплохо	17,7	15,0	13,2	8,6
Это не имеет для меня значения	1,5	-	1,8	-
Дома мы говорим по-русски	0,5	-	0,5	2,9
Пусть лучше учат английский	1,0	-	1,4	-

Статистически достоверных различий не обнаружено.

шей страны и народами постсоветского пространства, языком, на котором происходит обучение, языком делового общения;

- арабским языком как важнейшим компонентом религиозной идентичности; при этом арабизмы присутствуют в речи как на родном, так и на русском языке;
- иностранным языком, чаще английским, который изучается во всех образовательных учреждениях и является средством международной коммуникации.

Подобное своеобразное сочетание языков приводит к их смешению и взаи-

мопроникновению и таким специфическим языковым явлениям, как:

- интерференция — нарушение билингвами правил соотношения контактирующих языков, которое в их речи проявляется в отклонении от нормы; это ошибки в речи на одном языке, причиной которых является другой язык;
- интервенция — использование заимствований из других языков в речи;
- аттриция — искажение речи на одном языке под воздействием речи другого языка.

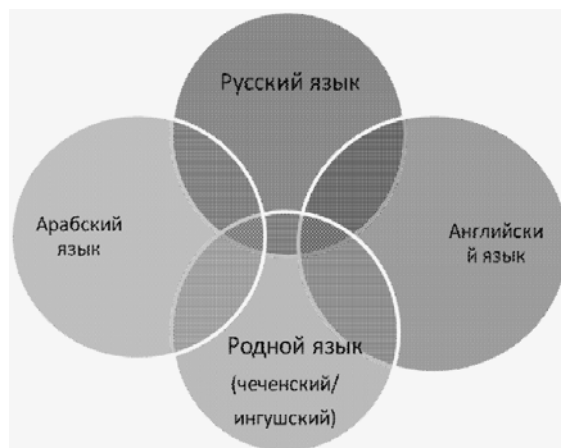

Рис. Взаимодействие языков в лингвистическом пространстве чеченцев и ингушей

Необходимо понимать, что зоны взаимодействия и смешения языков у каждого представителя чеченского и ингушского этносов носят индивидуальный характер, стихийно образуя в каждом конкретном случае новую полилингвментальную личность. Подобные явления описаны в языках других народов РФ, в частности, в ситуации с татарским языком [23]. Процессы формирования этого лингвопсихологического явления изучены недостаточно, в связи с чем возникают «теории» [37], пытающиеся обнаружить идеологическую подоплеку в ходе естественного лингвистического явления, возникающего в картине многоязычия народов России.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы.

1. Для подавляющего большинства чеченцев и ингушей родным языком является чеченский и ингушский язык соответственно.

2. Родной язык назван нашими респондентами основным этнодифференцирующим и этноинтегрирующим фактором, представляя собой важнейшую культурную ценность.

3. Степень овладения родным языком респондентами различна: часть респондентов говорят на смешанном ингушско-русском и чеченско-русском языке; не все вайнахи владеют письменным родным языком.

4. Арабский язык является маркером религиозной (конфессиональной) идентичности и средством религиозной коммуникации этносов, исповедующих ислам. Употребление арабизмов чеченцами и ингушами характерно для речи как на родном, так и на русском языке, и имеет продолжительную историю.

5. Для лингвистической картины чеченского и ингушского социумов характерно явление взаимопроникновения и смешения языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике. М., 2008.
2. Албогачиева М.С.-Г. Влияние образования на функциональное изменение ингушского языка // Традиции народов Кавказа в меняющемся мире: преемственность и разрывы в социокультурных практиках. СПб., 2010.
3. Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское общество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007.
4. Алироев И.Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990.
5. Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. Грозный, 1994.
6. Аляутдинов Ш. Перевод смыслов Священного Корана. СПб., 2012.
7. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Суколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М., 1998.
8. Архив Института истории РАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 156. Л. 3 об.
9. Барахоева Н.М. Ингушский язык // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. М., 2013.
10. Бекаева Д. «Вести республики». № 52 // URL: <http://checheninfo.ru/4042-%CD%E5%EA%EE%E2%EE%E0%FB%E5%20%E1%E2%E5%E4%E5%ED%E8%FF%20%EE%20%E7%E5%E7%E5%ED%E1%EA%EE%EC%20%FF%E7%FB%EA%E5.html>

11. *Белик А.А.* Культурная (социальная) антропология. Учебное пособие. М., 2009.
12. *Гайнутдин Р.* Уроки ислама. Пособие для преподавателей религиозных учебных заведений. М., 2009.
13. *Гайнутдинова А.Р.* Истории пророков в Коране. М., 2009.
14. *Губогло М.Н.* Современные этноязыковые процессы в СССР. М., 1984.
15. Делитесь любовью. Рецепты семейного счастья от Зили Аляутдиновой // Мусульманка. 2014. № 1 (18).
16. *Деминцева Е.* Быть «арабом» во Франции. М., 2008.
17. *Дзаурова М.С.* Этнологическое знание как фактор формирования культуры молодежи Ингушетии // Реальность этноса: Этнология в педагогическом образовании: проблемы и перспективы. СПб., 2001.
18. *Дударов А.-М.М.* Арабографическая письменность // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. М., 2013.
19. *Егоров О.* Чечено-ингушская лексика // Языки Северного Кавказа и Дагестана. Ч. 1. М.-Л., 1935.
20. *Жемчураева С.Ш.* Теоретико-методологические аспекты социологической диагностики идентичности чеченцев в полиэтнической среде: Дисс. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010.
21. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 2006.
22. Историко-экономический очерк Чеченской автономной области. Грозный, 1930.
23. *Карабулатова И.С., Поливара З.В.* Этнопсихолингвокоррекционный подход к процессу усвоения лексико-грамматических категорий русского языка у татар-билингвов старшего дошкольного возраста, имеющих речевые дисфункции // Специальное образование. 2011. № 4.
24. Коран, 16: 103.
25. *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. М.-Л., 1946.
26. *Курбанов Х.Т.* Религиозная лексика в чеченском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.
27. *Лебедев В.В.* Учись читать Коран по-арабски. Ч. 1. М., 2009.
28. *Наумкин В.В.* К вопросу о переводе некоторых сакральных мусульманских формул на русский язык. URL: <http://islamica.ru/faith/?uid=103>
29. *Овахадов М.Р.* Социально-лингвистический анализ развития чеченско-русского двуязычия: Дисс. ... д-ра филол. наук. Грозный, 2001. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialno-lingvisticheskii-analiz-razvitiya-chechensko-russkogo-dvuyazychiya>
30. *Оздоева Р.М.* Арабизмы в ингушской лексике: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
31. *Павлова О.С.* Ингушский этнос на современном этапе: черты социально-психологического портрета. М., 2012.
32. *Павлова О.С.* Об этнической, религиозной и государственно-гражданской идентичности чеченцев и ингушей // Социальная психология и общество. 2013. № 2.
33. *Павлова О.С.* Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М., 2013.

34. Сейид Мухаммад Накыб аль-Аттаси. Введение в метафизику ислама. Изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. М., 2001.
35. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
36. Тишков В.А. Язык и алфавит как политика // Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. Оренбург, 2011.
37. Усеинова С.Р. На каком языке говорят мусульмане в России? // Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. СПб., 2013.
38. Халидов А.И. Чеченский язык и диалекты // Чеченцы / Отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова. М., 2012.
39. Хасбулатова З.И. Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX вв.). М., 2007.
40. Чентиева М.Д. История чечено-ингушской письменности. Грозный, 1958.
41. Шаймерденова Н.Ж., Сампиев И.И. и др. Ингушская диаспора Казахстана (по материалам социологического исследования). Назрань, 2008.
42. Языджи С. Основы исламских знаний (вероучение, поклонение, нравственность). М., 2012.
43. Яндиев М.А. Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. М., 2008.
44. URL: <http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>
45. URL: <http://checheninfo.ru/4042-%CD%E5%EA%EE%F2%EE%F0%FB%E5%20%F1%E2%E5%E4%E5%ED%E8%FF%20%EE%20%F7%E5%F7%E5%ED%F1%EA%EE%EC%20%FF%E7%FB%EA%E5.html>
46. URL: <http://www.fpa.su/regzakon/chechnya/zakon-chechenskoj-respubliki-ot-25-aprelya-2007-g-n-16-rz-o-yazikach-v-chechenskoj-respublike/>

Language in the Structure of Ethnic and Religious Identity of Chechen and Ingush People

O.S. PAVLOVA

PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education

The paper presents results of an analysis aimed at revealing the role of language in the structure of ethnic and religious (confessional) identity of Chechens and Ingush. The research data indicates that for the vast majority of the respondents native language is Chechen and Ingush respectively. According to the respondents, native language is a fundamental ethno-differentiating and ethno-integrating factor and a key cultural value as well. The extent to which the respondents have acquired their native language varies across the sample: some speak a mixture of Chechen and Russian or Ingush and Russian languages, and some are not able to write in their native language. Arabic language acts as a marker of religious (confessional) identity and a means for religious communication in ethnic groups practising Islam. It is quite common for Chechens and Ingush to use arabisms when speaking both their native language and Russian – it is an established practice with a long history. All in all, the linguistic landscape of the Chechen and Ingush societies is marked by significant language diffusion and mixing.

Keywords: *Chechens, Ingush, Vainakh, ethnic identity, religious (confessional) identity, linguistic (language-based) world picture, bilingualism, polylinguomental personality.*

REFERENCES

1. *Akaev V.H.* Islam v Chechenskoj Respublike. M., 2008.
2. *Albogachieva M.S.-G.* Vliyanie obrazovaniya na funkcional'noe izmenenie ingushskogo yazyka // Tradicii narodov Kavkaza v menyayushemsya mire: preemstvennost' i razryvy v sociokul'turnyh praktikah. SPb., 2010.
3. *Albogachieva M.S.-G.* Ingushi v XX veke: etnograficheskie aspekty religioznyh praktik // Severnyi Kavkaz: Tradicionnoe sel'skoe obshestvo – social'nye roli, obshestvennoe mnenie, vlastnye otnosheniya. SPb., 2007.
4. *Aliroev I.Yu.* Yazyk, istoriya i kul'tura vainahov. Groznyi, 1990.
5. *Aliroev I.Yu.* Istoriya i kul'tura chehencev i ingushei. Groznyi, 1994.
6. *Alyautdinov Sh.* Perevod smyslov Svyashennogo Korana. SPb., 2012.
7. *Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A.* Etnosociologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov. M., 1998.
8. Arhiv Instituta istorii RAN. F. 800. Op. 6. D. 156. L. 3 ob.
9. *Barahoeva N.M.* Ingushskii yazyk // Ingushi / otv. red. M.S.-G. Albogachieva, A.M. Martazanov, L.T. Solov'eva. M., 2013.

10. *Bekaeva D.* "Vesti respubliki". № 52 // URL: <http://checheninfo.ru/4042-%CD%E5%EA%EE%F2%EE%F0%FB%E5%20%F1%E2%E5%E4%E5%ED%E8%FF%20%EE%20%F7%E5%F7%E5%ED%F1%EA%EE%EC%20%FF%E7%FB%EA%E5.html>
11. *Belik A.A.* Kul'turnaya (social'naya) antropologiya. Uchebnoe posobie. M., 2009.
12. *Gainutdin R.* Uroki islama. Posobie dlya prepodavatelei religioznykh uchebnykh zavedenii. M., 2009.
13. *Gainutdinova A.R.* Istorii prorokov v Korane. M., 2009.
14. *Guboglo M.N.* Sovremennye etnoyazykovye processy v SSSR. M., 1984.
15. Delites' lyubov'yu. Recepty semeinogo schast'ya ot Zili Alyautdinovoi // Musul'manka. 2014. № 1 (18).
16. *Deminceva E.* Byt' "arabom" vo Francii. M., 2008.
17. *Dzaurova M.S.* Etnologicheskoe znanie kak faktor formirovaniya kul'tury molodezhi Ingushetii // Real'nost' etnosa: Etnologiya v pedagogicheskom obrazovanii: problemy i perspektivy. SPb., 2001.
18. *Dudarov A.-M.M.* Arabograficheskaya pis'mennost' // Ingushi / otv. red. M.S-G. Al-bogachieva, A.M. Martazanov, L.T. Solov'eva. M., 2013.
19. *Egorov O.* Checheno-ingushskaya leksika // Yazyki Severnogo Kavkaza i Dagestana. Ch. 1. M.-L., 1935.
20. *Zhemchuraeva S.Sh.* Teoretiko-metodologicheskie aspekty sociologicheskoi diagnostiki identichnosti chechencev v politnicheskoi srede: Diss. ... kand. sociol. nauk. Saratov, 2010.
21. Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii : Enciklopedicheskii slovar'. M., 2006.
22. Istoriko-ekonomicheskii ocherk Chechenskoj avtonomnoj oblasti. Grozniy, 1930.
23. *Karabulatova I.S., Polivara Z.V.* Etnopsiholingvokorrekcionnyi podhod k processu usvoeniya leksiko-grammaticheskih kategorii russkogo yazyka u tatar-bilingvov starshogo doskol'nogo vozrasta, imeyushih rechevye disfunkcii // Special'noe obrazovanie. 2011. № 4.
24. Koran, 16: 103.
25. *Krachkovskii I.Yu.* Nad arabskimi rukopisyami. M.-L., 1946.
26. *Kurbanov H.T.* Religioznaya leksika v chechenskom yazyke: Diss. ... kand. filol. nauk. M., 2006.
27. *Lebedev V.V.* Uchis' chitat' Koran po-arabski. Ch. 1. M., 2009.
28. *Naumkin V.V.* K voprosu o perevode nekotorykh sakral'nykh musul'manskih formul na russkii yazyk. URL: <http://islamica.ru/faith/?uid=103>
29. *Ovhadov M.R.* Social'no-lingvisticheskii analiz razvitiya chechensko-russkogo dvuyazychiya: Diss. d-ra filol. nauk. Grozniy, 2001. URL: <http://www.dissercat.com/content/sotsialno-lingvisticheskii-analiz-razvitiya-chechensko-russkogo-dvuyazychiya>
30. *Ozdoeva R.M.* Arabizmy v ingushskoi leksike: Diss. kand. filol. nauk. M., 2007.
31. *Pavlova O.S.* Ingushskii etnos na sovremennom etape: cherty social'no-psihologicheskogo portreta. M., 2012.
32. *Pavlova O.S.* Ob etnicheskoi, religioznoi i gosudarstvenno-grazhdanskoj identichnosti chechencev i ingushei // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2013. № 2.
33. *Pavlova O.S.* Chechenskii etnos segodnya: cherty social'no-psihologicheskogo portreta. M., 2013.

34. Seiid Muhammad Nakyb al'-Attasi. Vvedenie v metafiziku islama. Izlozhenie osnovopolagayushih elementov musul'manskogo mirovozzreniya. – M., 2001.
35. *Sepir E.* Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii. M., 1993.
36. *Tishkov V.A.* Yazyk i alfavit kak politika // Edinstvo v mnogoobrazii: publikacii iz zhurnala "Etnopanorama" 1999–2011 gg. Orenburg, 2011.
37. *Useinova S.R.* Na kakom yazyke govoryat musul'mane v Rossii? // Islam v Rossii: kul'turnye tradicii i sovremennye vyzovy. SPb., 2013.
38. *Halidov A.I.* Chechenskii yazyk i dialekty // Chechency / Otv. red. L.T. Solov'eva, V.A. Tishkov, Z.I. Hasbulatova. M., 2012.
39. *Hasbulatova Z.I.* Vospitanie detei u chechencev: obychai i tradicii (XIX – nachalo XX vv.). M., 2007.
40. *Chentieva M.D.* Istoriya checheno-ingushskoi pis'mennosti. Groznyi, 1958.
41. *Shaimerdenova N.Zh., Sampiev I.I.* i dr. Ingushskaya diaspora Kazahstana (po materialam sociologicheskogo issledovaniya). Nazran', 2008.
42. *Yazydzhi S.* Osnovy islamskih znaniy (verouchenie, poklonenie, npravstvennost'). M., 2012.
43. *Yandiev M.A.* Drevnie obshestvenno-politicheskie instituty narodov Severnogo Kavkaza. M., 2008.
44. URL:<http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/index.php?hl=en&page=atlasmap>
45. URL:<http://checheninfo.ru/4042-%CD%E5%EA%EE%F2%EE%F0%FB%E5%20%F1%E2%E5%E4%E5%ED%E8%FF%20%EE%20%F7%E5%F7%E5%ED%F1%EA%EE%EC%20%FF%E7%FB%EA%E5.html>
46. URL: <http://www.fpa.su/regzakon/chechnya/zakon-chechenskoy-respubliki-ot-25-aprelya-2007-g-n-16-rz-o-yazikac>

Выгорание и стресс в контексте профессионального здоровья военнослужащих

М.Е. ЗЕЛЕНОВА

*кандидат психологических наук, научный сотрудник
Института психологии РАН*

А.В. ЗАХАРОВ

*начальник Центра психологической работы
Вооруженных Сил Российской Федерации*

В статье изложены и обсуждены результаты исследования, направленного на изучение социально-психологических коррелятов профессионального здоровья субъектов труда. Выявлены взаимосвязи между такими показателями уровня психической напряженности, как симптомы выгорания и стресса, с одной стороны, и характеристики личности и социально-демографического статуса, с другой. Описаны различные подходы к изучению профессионального здоровья, раскрывается понятие «профессиональное здоровье человека», показана связь выгорания и стресса с успешностью профессиональной деятельности. Для диагностики степени выгорания применялся «Опросник выявления профессионального выгорания» (МВИ). Уровень общего дистресса выявлялся с помощью «Шкалы определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» Т.Х. Холмса, Р.Х. Райх. Для выявления личностных особенностей были использованы психологические опросники.

Ключевые слова: *психология здоровья, профессиональное здоровье, психическая напряженность, выгорание, стресс, ресурсы психики, индивидуально-личностные особенности.*

Введение

Задача сохранения и поддержания здоровья человека относится к числу наиболее сложных социальных проблем, требующих комплексного междисциплинарного подхода. Как показывает практика, она может быть успешно решена только объединенными усилиями специалистов разного профиля. Науки гуманитарного направления рассматривают здоровье человека, прежде всего, в социальном контексте, выделяя экономические, социаль-

ные и культурные факторы, влияющие на психосоматическое благополучие людей. Постепенное понимание, что в вопросах здоровья большую роль играют не только внешние, относительно не зависимые по отношению к индивиду (средовые, генетические, физиологические и др.) факторы, но и внутренние, психологические переменные, привело к выделению отдельной отрасли научного знания — психологии здоровья.

Классификация факторов, определяющих психическое и соматическое бла-

гополучие человека, была предложена еще в работах В.М. Бехтерева. Среди наиболее значимых переменных, влияющих на самочувствие, он выделил следующие.

1. Факторы окружающей среды (природа);
2. Наследственность;
3. Врожденные факторы (условия зачатия и развития плода);
4. Физические факторы (питание, гармоничное развитие тела, соматическое заболевание);
5. Экономические факторы;
6. Алкоголизм и наркомания;
7. Воспитание;
8. Образование;
9. Общественная деятельность [5].

Современные исследователи в качестве детерминант здоровья человека наиболее часто рассматривают следующие группы переменных.

Внешние природные факторы (экология, условия жизни, урбанизация, оторванность от природы, гиподинамия и т. п.);

внутренние природные факторы (пол, возраст, раса, индивидуальная наследственность и т. п.);

внешние социально-психологические факторы (различные ситуации, создающие условия и эмоциональную атмосферу жизнедеятельности человека, например, конфликты, ссоры и т. д.);

внутренние социально-психологические факторы (чувства, мысли, представления, ценности, идеалы) [12].

Как показывает анализ тематики материалов научных международных конференций, посвященных различным аспектам здоровья человека, в центре внимания исследователей все чаще оказываются вопросы охраны и профилактики здоровья, а также необходимость форми-

рования поведения и системы ценностей, где «здоровый образ жизни» является одной из приоритетных установок [11]. Именно ограничение «вредных привычек» (курение, употребление алкоголя и др.), внимание к физической активности, здоровое питание, регулярные медицинские обследования и т. д., по мнению многих авторов, могут существенно повлиять на этиологию и патогенез современных заболеваний [30; 33; 40 и др.]. Согласно имеющимся оценкам, вероятность возникновения болезней (%) по вине отдельных групп факторов имеет следующую структуру.

49–53 – связано с образом жизни человека;

18–22 – определяются генетическими (биологическими) факторами;

17–20 зависят от средовых воздействий;

8–10 – от структур системы здравоохранения [28].

Кроме того, многие исследователи считают, что в вопросах сохранения и поддержания здоровья психологические факторы могут рассматриваться как более значимые по сравнению с природно-климатическими переменными, а негативные переживания и психический дистресс могут оказывать решающее влияние на возникновение болезни, определяя ее характер и эффективность лечебных процедур [4; 7; 14; 26 и др.]. То есть при изучении вопросов, связанных с проблемой сохранения здоровья человека, все чаще учитываются не только внешние факторы, но и индивидуально-личностные переменные, определяющие его поведение в социуме. Здоровье человека все чаще рассматривается как интегральное системное свойство, заключающееся в способности реализовывать

свои жизненно важные функции — физические, репродуктивные, психические, социальные, профессиональные, духовные и другие в различных областях жизнедеятельности [1; 17; 36 и др.].

Условия труда и профессиональная деятельность человека оказывает непосредственное влияние на его психосоматическое состояние. Нередко это воздействие оказывается деструктивным, разрушительным для здоровья и психики. Социально-экономическая необходимость нивелировать негативные последствия производственной среды привела к формированию в конце прошлого столетия нового раздела организационной психологии — *психологии профессионального здоровья*. Данный термин был предложен в 1990 году Дж. Раймондом и явился систематизирующим понятием, объединившим разделы психологии труда, непосредственно направленные на изучение характера производственных стрессоров и поиска способов борьбы с их негативным влиянием на самочувствие работников и их продуктивность [42].

В настоящее время можно выделить три наиболее разработанных подхода к изучению профессионального здоровья субъекта труда:

подход, центрированный на деятельности;

подход, центрированный на организме;

подход, центрированный на личности профессионала и ее характеристиках. В рамках первого подхода профессиональное здоровье понимается как совокупность показателей, отражающих определенный уровень здоровья специалистов, необходимый для успешного выполнения профессиональной деятельно-

сти [31]. Представителями второго подхода профессиональное здоровье рассматривается как способность организма сохранять и развивать регуляторные (и защитные) свойства, обеспечивающие его физическое, психическое и социальное благополучие и высокую надежность профессиональной деятельности, профессиональное долголетие и максимальную продолжительность жизни [22; 34; 35; 36]. За последние годы наметилась тенденция при изучении профессионального здоровья включать в качестве его индикаторов и экзистенциально-личностные характеристики субъекта труда, такие как удовлетворенность результатами профессионального самоопределения и деятельности, характеристики мировоззрения, переживание профессиональной востребованности, мотивация к личностному и профессиональному росту и т. д. [1].

Рассматривая позиции разных ученых при определении профессионального здоровья, мы вслед за многими авторами опираемся на понятие, содержащееся в Уставе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), согласно которому здоровье рассматривается как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней и физических дефектов [25]. При этом *профессиональное здоровье* можно рассматривать как состояние и как интегральное свойство человека. Профессиональное здоровье, понимаемое как состояние, можно определить как состояние мотивированности, продуктивности и креативности в специальных условиях конкретной профессиональной деятельности, тесно связанное с физическим, психологическим (субъективным) и соци-

альным благополучием человека. Если данное состояние приобретает устойчивость, становится характерным для человека, его можно рассматривать как свойство. В этом случае профессиональное здоровье выступает как интегральное свойство человека быть работоспособным, продуктивным и креативным в специальных условиях конкретной профессиональной деятельности, сохраняя физическое, психологическое (субъективное) и социальное благополучие [9; 18].

Программа эмпирического исследования

Целью представленной работы явилось изучение взаимосвязей между состоянием профессионального здоровья, личностными особенностями и уровнем профессионализма военнослужащих. Признаки выгорания и стресса рассматриваются как важные индикаторы психологического состояния обследованных военных специалистов, критерии их надежности и успешности. Индивидуально-личностные особенности (жизнестойкость, уравновешенность, коммуникативные характеристики и др.) рассматриваются в качестве психологических переменных, способных противостоять развитию неблагоприятных психосоматических состояний, как внутренние (психологические) ресурсы индивида, позволяющие сохранять работоспособность в ситуациях повышенной напряженности на работе и за ее пределами.

Участниками исследования выступили кадровые военные, находящиеся на службе в рядах Российской Армии. Все-

го обследованы 585 человек, средний возраст — 31 год.

Методы исследования. Применялся специально разработанный методический комплекс, позволяющий диагностировать уровень проявления признаков психической напряженности, индивидуально-личностные и социально-демографические характеристики обследованных. В него вошли психологические методики, широко применяемые на практике, а также опросники, специально разработанные в целях данного исследования.

Для выявления характеристик социально-демографического, профессионального и личностного статуса военнослужащих были использованы:

- структурированная биографическая анкета «Терпентин» В.А. Бодрова, А.В. Захарова;
- анкета руководителя (экспертная оценка уровня профессионализма и профессиональной надежности) В.А. Бодрова, М.Е. Зеленовой;
- анкета «Удовлетворенность работой» В.А. Бодрова;
- «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Расказовой;
- методика «Конфликтная личность» Е.П. Ильина;
- «Многофакторный личностный опросник» (FPI) в адаптации Т.И. Ронгинской, А.А. Крылова.

Для диагностики степени выгорания применялся «Опросник выявления эмоционального выгорания» (МВИ) Маслач, С. Джексон.

С целью выявления уровня психического дистресса применялись субшкала «стресс» опросника «Дифференцированная оценка состояний сниженной

работоспособности» (ДОРС)» А.Б. Леоновой, С.Б. Величковской и «Шкала стрессогенности событий» Т. Холмса, Р. Райх.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием стандартного пакета программ SPSS. В зависимости от типа измерительных шкал при оценке достоверности различий применялись Т-критерий Стьюдента, U-критерий Манна-Уитни. Для оценки взаимосвязей между переменными использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

1. Воздействие стресс-факторов и уровень стрессоустойчивости военнослужащих

Профессия военного характеризуется не только высокой социальной значимостью и ответственностью, но и повышенными требованиями к состоянию здоровья личного состава. Выполнение профессиональных задач очень часто проходит в условиях воздействия вредных факторов среды, информационных и физических перегрузок, требуя от специалиста быстрого принятия решения при возникновении нестандартных или внештатных ситуаций. Как показывают многочисленные исследования, успешность трудовой деятельности в экстремальных условиях зависит не только от уровня специальных знаний и навыков, но и требует от субъекта труда нервно-психической устойчивости, быстрой концентрации внимания, памяти, мышления и др., положительной мотивации и определен-

ных личностных качеств [8; 15; 18; 32 и др.]. Следствием перенапряжения является снижение работоспособности, рост признаков негативных психических состояний, нарушение психологического здоровья и внутреннего равновесия, что приводит к серьезным проблемам во всех сферах жизни человека. При социальном взаимодействии последствия стресса чаще всего проявляются в виде повышенной конфликтности, отсутствия творческих инициатив и общей неспособности индивида к активности. В сфере труда развитие негативных психических состояний влечет за собой снижение эффективности и надежности профессиональной деятельности, рост числа ошибочных действий, которые часто приводят к тяжелым и даже трагическим последствиям [16; 21; 45 и др.]. По данным статистики, в общем количестве аварий и несчастных случаев, связанных с травматизацией и людскими потерями, «человеческий фактор» составляет от 60 до 80 %. Данная тенденция прослеживается во многих областях производственной деятельности, включая военно-профессиональную сферу [2; 6; 23; 43].

В проведенном эмпирическом исследовании воздействие внешних стресс-факторов на военнослужащих выявлялось с помощью шкалы Холмса-Райх [14]. Данная методика позволяет оценить степень социальной адаптированности и стрессоустойчивости индивида, а также определить риск развития соматических и невротических болезней. В таблице 1 представлены результаты распределения обследованных по степени выраженности суммарного индекса шкалы Холмса-Райх.

Таблица 1

Распределение военнослужащих по степени стрессоустойчивости и социальной адаптированности

Степень сопротивляемости стрессу (%)		
высокая	пороговая	низкая
80,30	13,00	6,70

Как видно из табл. 1, высокая степень стрессоустойчивости наблюдается у 80,3 % военнослужащих из числа обследованных. Пороговая и низкая степени стрессоустойчивости, когда, согласно данным авторов методики, вероятность развития психосоматических заболеваний достигает 50 % случаев, отмечается у 19,7 % личного состава. То есть одна пятая часть обследованного контингента военнослужащих имеет высокие показатели стресса и, соответственно, сниженный уровень социальной адаптации. Индивиды из данной группы, как правило, испытывают состояние внутренней дисгармонии, у них имеются проблемы в области психологического и физического здоровья.

Результаты обработки теста «Дифференцированная оценка состояний сниженной работоспособности» (ДОРС) А.Б. Леоновой, С.Б. Величковской также свидетельствуют о высокой стрессогенности профессии военнослужащего и напряженности труда обследованных офицеров.

Таблица 2

Распределение обследованных военных специалистов по степени выраженности признаков стресса

Степень снижения состояния работоспособности (%)			
низкая	умеренная	выраженная	высокая
23,7	57,7	18,6	0

Анализ частотного распределения индекса напряженности (стресса) шкалы ДОРС, отражающей состояние повышенной мобилизации психологических и энергетических ресурсов, показал, что основная масса обследованных попадает в группу с умеренной степенью проявлений признаков психического дистресса – 57,7 %. Соответственно, низкая степень стресса наблюдается у 23,7 % военнослужащих, выраженная степень – у 18,6 % обследованных (см. табл. 2). То есть примерно каждый пятый профессионал при выполнении рабочих заданий отмечает у себя состояние повышенной нервозности и раздражительности, чувствует себя разбитым, вялым, испытывает замешательство даже при незначительных сбоях или помехах в работе.

Распределение военнослужащих в зависимости от самооценки состояния здоровья позволило получить следующие результаты. Свое здоровье как хорошее или скорее хорошее оценили 83,12 % военнослужащих, 15,44 % отмечают средний уровень своего здоровья и 1,44 % респондентов оценивают свое здоровье как скорее слабое или слабое. При этом только каждый десятый респондент (12 %) заявил, что за последний год его общее самочувствие улучшилось в той или иной степени, у каждого пятого (21 %) оно ухудшилось, а у остальных (67 %) – не изменилось. То есть общее восприятие состояния здоровья, согласно полученным данным, напрямую соотносится с переживанием стресса (см. рис.), что не только подтверждает значимость выбранного показателя для оценки профессионального (и психологического) здоровья обследованных специалистов, но и свидетельствует о внутренней согласованности и надежности полученных результатов.

Распределение военнослужащих в зависимости от уровня стресса и состояния здоровья (%)

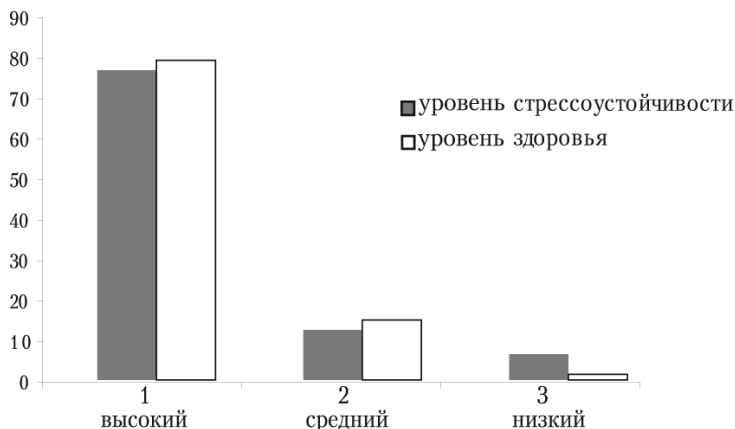

Рис. Распределение военнослужащих в зависимости от самооценки состояния здоровья и уровня стресса по шкале Холмса-Райха

Влияние особенностей самочувствия опрошенных на их профессиональную деятельность (работоспособность, выносливость, управление подразделением, воинской частью и т. п.) существенно. Об этом в ходе опроса заявили не менее 31% респондентов. Большинство опрошенных следят за своим здоровьем и предпринимают определенные меры для его улучшения. Как правило, это занятия физкультурой и спортом (56%), следование рекомендациям врачей (26%), соблюдение режима дня (22%) или режима питания (19%). Каждый десятый

респондент (10%) не делает ничего, хотя необходимость в улучшении здоровья есть. Около 7% полагают, что здоровье и так хорошее, никаких усилий по его укреплению предпринимать не нужно.

Дальнейший анализ данных предполагал определение уровня стрессоустойчивости в зависимости от социально-демографических и личностных характеристик военнослужащих. Сравнивались группы с низкими и высокими баллами, полученными по шкале Холмса-Райха. Результаты статистической обработки представлены в табл. 3.

Таблица 3

Сравнение групп военнослужащих с низким и высоким уровнем стрессоустойчивости

Переменные	t	Значимость	Разность средних	Стд. ошибка разности	Нижняя граница	Верхняя граница
Показатели профессионального и социально-демографического статуса:						
возраст	-3,14	0,002	-1,97	0,63	-3,21	-0,74
выслуга лет	-3,47	0,001	-2,29	0,66	-3,58	-0,99
общий стаж работы	-3,47	0,001	-2,29	0,66	-3,58	-0,99

классность	-2,24	0,026	-0,30	0,13	-0,55	-0,04
воинское звание	3,79	0,001	0,54	0,14	0,26	0,82
образование	-0,10	0,918	-0,01	0,10	-0,20	0,18
семейное положение	2,26	0,024	0,14	0,06	0,02	0,26
число детей	-1,80	0,073	-0,15	0,08	-0,31	0,01
Особенности мотивации и удовлетворенность работой:						
общая удовлетворенность профессией	-2,22	0,027	-0,17	0,08	-0,33	-0,02
Уровень жизнестойкости по тесту Мадди (субшкалы):						
контроль	-3,99	0,000	-2,90	0,73	-4,32	-1,47
вовлеченность	-3,96	0,000	-3,43	0,87	-5,13	-1,73
риск	-4,30	0,000	-1,98	0,46	-2,89	-1,08
суммарный индекс	-3,65	0,000	-7,38	2,02	-11,35	-3,40
Шкалы методики FPI (субшкалы):						
невротичность	2,45	0,010	0,76	0,31	0,15	1,36
спонтанная агрессивность	0,65	0,516	0,19	0,30	-0,39	0,78
депрессивность	2,80	0,005	0,74	0,26	0,22	1,26
раздражительность	3,69	0,000	1,04	0,28	0,49	1,60
общительность	-0,69	0,490	-0,18	0,25	-0,67	0,32
уравновешенность	-0,68	0,499	-0,20	0,30	-0,79	0,39
реактивная агрессивность	2,47	0,014	0,65	0,26	0,13	1,17
застенчивость	1,29	0,197	0,40	0,31	-0,21	1,01
открытость	2,66	0,008	0,83	0,31	0,22	1,45
экстраверсия-интраверсия	1,10	0,272	0,26	0,24	-0,21	0,74
эмоциональная лабильность	1,97	0,050	0,46	0,23	0,00	0,92
Самооценка профессиональных качеств и состояния здоровья:						
СО подготовленности	2,99	0,003	0,29	0,10	0,10	0,48
СО здоровья	3,69	0,001	0,32	0,09	0,15	0,49
СО здоровья и успешность	-3,33	0,001	-0,49	0,15	-0,78	-0,20
Особенности взаимоотношений с сослуживцами:						
СО взаимоотношений	0,34	0,736	0,03	0,09	-0,15	0,21
поведение в конфликте	-1,02	0,307	-0,09	0,08	-0,25	0,08
гибкость в конфликте	0,11	0,916	0,01	0,12	-0,23	0,26
взаимоотношения и успешность деятельности	-1,94	0,053	-0,31	0,16	-0,63	0
личностная конфликтность	-0,47	0,640	-0,26	0,55	-1,34	0,83
Экспертная оценка профессиональной деятельности:						
уровень профессионализма	1,49	0,136	0,14	0,09	-0,04	0,32
удовлетворенность работой специалиста	2,10	0,036	0,13	0,06	0,01	0,26
нарушения дисциплины	2,64	0,009	0,06	0,02	0,01	0,10

Как следует из табл. 3, уровень стресса ниже у военнослужащих старшего возраста, имеющих опыт работы, большую выслугу лет и высокий уровень

профессионализма. При этом обнаружено, что риск развития психосоматических заболеваний у офицеров взаимосвязан с воинским званием — чем выше слу-

жебное положение, тем больше суммарный индекс стресса у обследованных военных специалистов. Кроме того, семейные военнослужащие более стрессоустойчивы, однако уровень стрессоустойчивости имеет тенденцию к снижению с увеличением числа детей в семье.

Представленные в табл. 3 результаты позволяют сделать вывод, что военнослужащие с высоким уровнем стрессоустойчивости субъективно воспринимают себя и как более здоровых, у них выше самооценка своей профессиональной подготовки и уверенность, что они справятся с решением любых профессиональных задач. Важно отметить, что и руководители также чаще удовлетворены работой подчиненных, вошедших в группу с высоким уровнем стрессоустойчивости. Детальный анализ составляющих экспертных оценок показывает, что группы с разным уровнем стресса статистически значимо различаются, прежде всего, по числу случаев нарушения трудовой дисциплины — «нарушителей» больше в группе офицеров с низкой степенью стрессоустойчивости и подверженных воздействию большого числа жизненных стресс-факторов.

Сравнение выделенных групп по критериям общей удовлетворенности трудом, включая отдельные характеристики рабочей обстановки, показало, что чем выше суммарный индекс стресса по шкале Холмса-Райх, тем ниже общий и частные индексы удовлетворенности офицеров своей работой и профессией в целом.

Что касается личностных характеристик военнослужащих из групп с разным уровнем стрессоустойчивости, были получены следующие результаты (см. табл. 3). Суммарный показатель и значения всех субшкал теста жизнестойкости

С. Мадди достоверно выше в группе с низкими значениями общего индекса Холмса-Райх. Жизнестойкость (*hardiness*) является важным личностным свойством, характеризующим готовность человека активно и гибко действовать в трудных ситуациях, сохраняя при этом внутреннюю сбалансированность и резистентность к развитию соматических и психических заболеваний в результате воздействия различных стрессоров. По нашим данным, военнослужащие, занимающие активную жизненную позицию (субшкала «вовлеченность»), считающие себя ответственными за события своей жизни (субшкала «контроль») и имеющие установку на активное преодоление трудностей (субшкала «принятие риска»), в меньшей степени отмечают у себя признаки стресса. То есть жизнестойкость как базисная характеристика личности помогает индивиду сохранять субъективное благополучие и препятствует развитию негативной симптоматики. Полученные результаты соответствуют основным выводам, сделанным С. Мадди и его последователями и еще раз подтверждают диагностическую значимость показателей жизнестойкости в определении стрессоустойчивости субъектов трудовой деятельности [27; 29].

Применение многофакторного личностного опросника (FPI) [3] для выявления характеристик личности, имеющих важное значение в процессе регуляции поведения человека и его социальной адаптации, позволило получить следующие результаты (см. табл. 3). Группы с разным уровнем стресса статистически достоверно различаются по таким шкалам FPI, как «невротичность», «депрессивность», «раздражительность», «реактивная агрессивность», «открытость» и

«эмоциональная лабильность». Данные характеристики больше выражены у военнослужащих из группы с высоким уровнем стресса. То есть для стресса наиболее уязвимы тревожные, возбудимые, эмоционально-лабильные, вспыльчивые и склонные к аффективному реагированию индивиды с недостаточно развитым самоконтролем поведения, стремящиеся занимать доминирующую позицию в межличностном взаимодействии. Кроме того, уровень стресса и вероятность развития психосоматических нарушений больше у военнослужащих открытых, склонных к доверительному общению с окружающими, а также чувствительных, ранимых, с художественным восприятием окружающей действительности. Напротив, стресс ниже у лиц эмоционально зрелых, уравновешенных, мыслящих реалистично, свободных от внутренних конфликтов, уверенных в своих силах и удовлетворенных своими достижениями, гибких, решительных, готовых следовать заданным нормам и требованиям. Важно также отметить, что основные оценки по шкалам методики FPI у обследованных военнослужащих обеих групп не выходят за рамки среднего диапазона за исключением баллов по шкалам «реактивная агрессивность» и «открытость» в группе обследованных с высоким уровнем стресса, где они значительно выше среднестатистической нормы, характерной для выборки стандартизации. Высокие оценки по шкале «реактивная агрессивность» свидетельствуют об отсутствии социальной конфликтности, о тяге к сильным ощущениям чувственного характера, импульсивности и враждебности при любых попытках ограничения свободы. Шкала FPI «открытость» характеризует стрем-

ление к доверительно-откровенному взаимодействию с окружающими людьми при наличии высокого уровня самокритичности.

Таким образом, применение шкалы Холмса-Райх для диагностики уровня стресса позволило обнаружить значимые взаимосвязи между наличием негативной симптоматики и индивидуально-личностными особенностями военных специалистов. Показано, что личностные свойства наряду с характеристиками профессионального и социально-демографического статуса связаны с интенсивностью переживания стресса и интегральной адаптированностью работников. При оценке профессионального здоровья военнослужащих в ходе мониторинга уровня психической напряженности индивидуально-личностные характеристики, диагностируемые с помощью использованных опросников, могут рассматриваться в качестве значимых предикторов развития негативных психических состояний.

2. Особенности профессионального выгорания у военнослужащих

Синдром выгорания («burnout») является одной из форм нарушения психологического благополучия человека. Чаще всего он определяется как совокупность стойких негативных симптомов в эмоциональной, физиологической и ценностно-мотивационной сфере личности, возникающих под влиянием профессиональных перегрузок и стрессоров и проявляющихся в ситуациях межличностного взаимодействия [37; 45; 47; 48 и др.]. Некоторые авторы синдром выгорания относят к числу про-

фессиональных деструкций, изучая его в контексте вариантов дезадаптивно-деформирующего профессионального развития [41].

Эмпирические исследования последних лет указывают на наличие признаков выгорания не только у специалистов «социономических» профессий, но и представителей «несоциальной сферы» — инженеров, летчиков, работников рекламы, телесервиса и т. д. [10; 38; 39 и др.]. То есть феномен выгорания все чаще рассматривается как «общепрофессиональный», имеющий свою специфику в различных видах труда [37].

Традиционно выделяют три группы факторов риска выгорания: личностные, ситуативные и особенности профессиональной среды. При этом установлено, что между уровнем выгорания, возрастом, стажем и профессиональными характеристиками существуют сложные взаимосвязности. Показано, что профессионализация уменьшает степень выгорания, однако в случае неудовлетворенности карьерным ростом трудовой стаж, напротив, способствует развитию негативной симптоматики. Влияние возраста на выгорание также неоднозначно — симптомы выгорания наблюдаются у лиц не только старшего, но и молодого возраста. Установлены многочисленные взаимосвязи выгорания с особенностями эмоциональной направленности индивида, его статусно-ролевыми установками, степенью увлеченности работой, организационными и процессуальными моментами деятельности и т. д. [47; 48 и др.]. Положительная корреляция обнаружена между уровнем выгорания, жизнестойкостью и составляющими общей и профессиональной Я-концепции [20]. От-

мечается снижение трудовой мотивации у «выгоревших профессионалов», которое проявляется в стремлении свети работу к минимуму, появлению апатии и негативизма по отношению к функциональным обязанностям, при этом подчеркивается отличие выгорания от неудовлетворенности профессией [44; 46]. Анализ исследований показывает, что выраженность признаков выгорания и индивидуально-личностные характеристики специалистов имеют весьма сложные, нелинейные взаимосвязи, а проблема его формирования во многом остается не раскрытой. Следует отметить, что результаты исследований разных авторов не всегда согласуются друг с другом. Возможно, причина в том, что они получены не только на различных профессиональных выборках, но и с помощью различного методического инструментария. Тем не менее, все авторы относят выгорание к одной из форм проявления профессиональной дезадаптации, влекущей за собой снижение надежности и эффективности труда. При этом ядром синдрома профессионального выгорания выступает комплекс негативных внутриличностных переживаний, имеющих отношение к профессиональной деятельности и указывающих на нарушение психологического здоровья субъекта труда.

В проведенном нами исследовании наличие признаков синдрома выгорания у военнослужащих определялось с помощью опросника выявления эмоционального выгорания МБИ (Maslach Burnout Inventory) в адаптации Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой [13]. Результаты распределения военнослужащих по степени выраженности субсиндромов выгорания представлены в табл. 4.

Таблица 4

Распределение военнослужащих в зависимости от уровня выраженности показателей выгорания (%)

Шкалы методики МВИ	Уровень выраженности показателей выгорания			
	низкий	средний	высокий	очень высокий
Эмоциональное истощение	64,35	25,91	4,24	5,5
Деперсонализация/цинизм	47,65	41,05	6,96	4,34
Редукция личных достижений	21,57	52,34	18,79	7,30

Как видно из табл. 4, большая часть обследованных военнослужащих имеет низкий и средний уровни таких показателей профессионального выгорания, как эмоциональное истощение и деперсонализация – соответственно 90,26 и 88,7 %. Однако более чем у четверти обследованных специалистов (26,09 %) зафиксирован высокий и очень высокий уровни показателя шкалы МВИ редукция личных достижений, характеризующей особенности профессиональной успешности и мотивированности. То есть выгорание у военнослужащих затрагивает, прежде всего, мотивационную сферу и выражается в снижении рабочей мотивации, степени заинтересованности в результатах труда и направленности на эффективное и качественное выполнение заданий. В меньшей степени выгорание отражается на состоянии энергетических ресурсов военнослужащих (субшкала эмоциональное истощение) и проявляется в сфере социального взаимодействия (субшкала деперсонализация/цинизм). Следует отметить, что у разных групп профессионалов могут доминировать разные субсиндромы выгорания. Так, проведенное нами исследование на выборке учителей показало, что у педагогов средних школ наиболее часто выгорание проявляется в виде симптомов эмоциональное истощение. Учителя чаще всего отмечают у себя симптомы ус-

талости, общий упадок сил и состояние эмоциональной истощенности [20].

Проведение корреляционного анализа подтвердило наличие проблем, связанных с различными аспектами профессиональной мотивации у военных специалистов. Было установлено, что общий и частные индексы удовлетворенности работой, полученные с помощью опросника В.А. Бодрова, напрямую коррелируют с показателями выгорания ($r = 0,33-0,51$; $p < 0,001$). Можно предположить, что преобладание у военнослужащих признаков синдрома редукция профессиональных достижений связано с положением, которое сложилось на данный момент в армии и вокруг нее, когда престиж профессии резко упал, а многие военные находятся в ситуации неопределенности относительно своего будущего и испытывают значительные материальные и жилищные трудности [19; 24].

Согласно результатам проведенного анкетирования, среди проблем, вызывающих наибольшее беспокойство опрошенных, на первом месте находятся те, что связаны с Вооруженными Силами – «падение престижа армии и военной профессии» (60 %) и «реальное положение дел в армии и на флоте» (55 %). Далее следуют «материальные трудности» (24 %), «невозможность профессионального роста» и «социально-экономическая ситуация в стране» (по 22 %). Веду-

щими проблемами социально-экономического характера, беспокоящими большинство военнослужащих, выступают нерешенность жилищной проблемы (63 %) и финансовые трудности (50 %). Остальные проблемы имеют приблизительно одинаковую значимость – «обустройство имеющегося жилья» и «медицинское обслуживание» (по 30 %), «трудоустройство жены» (29 %) и «обучение детей» (26 %). При этом две трети опрошенных (70 %) отметили, что эти проблемы в той или иной степени негативно от-

ражаются на их самочувствии, состоянии здоровья и профессиональной деятельности. Не испытывают серьезных социально-экономических проблем около 6 % военнослужащих.

С целью дальнейшего анализа имеющихся данных вся обследованная выборка была разделена на группы в зависимости от степени выгорания. Группы формировались на основании нормативов, полученных Н.Е. Водопьяновой. Результаты статистической обработки представлены в табл. 5.

Таблица 5

Сравнение групп военнослужащих в зависимости от степени профессионального выгорания по шкалам МВИ

Переменные	Шкалы методики МВИ		
	эмоциональное истощение	деперсонализация	редукция профессиональных достижений
Показатели профессионального и социально-демографического статуса:			
возраст	*	-	**
выслуга лет	-	-	*
классность	T	-	*
воинское звание	*	*	**
образование	-	-	**
семейное положение	-	**	-
Экспертная оценка:			
уровень профессионализма	T	-	
удовлетворенность работой	*	*	-
нарушения дисциплины	*	-	-
Особенности мотивации и удовлетворенность работой:			
удовлетворенность отдельными аспектами работы	***	***	***
общая удовлетворенность профессией	***	***	***
Уровень жизнестойкости (субшкалы):			
контроль	***	***	***
вовлеченность	***	***	***
риск	***	***	***
суммарный индекс	***	***	***
Шкалы методики FPI (субшкалы):			
невротичность	***	***	*
спонтанная агрессивность	***	***	T
депрессивность	***	***	**

раздражительность	***	***	***
общительность	***	***	***
уравновешенность	*	-	T
реактивная агрессивность	***	***	*
застенчивость	***	***	***
открытость	***	***	**
эмоциональная лабильность	***	***	***
<i>Шкала депрессии В. Зунга</i>	**	**	*
<i>Самооценка профессиональных качеств и состояния здоровья:</i>			
СО подготовленности	**	**	**
СО здоровья	***	***	**
СО здоровья и успешность	***	***	**
<i>Особенности взаимоотношений с сослуживцами:</i>			
СО взаимоотношений	***	***	**

Примечание: * $P < 0,05$; ** $P < 0,01$; *** $P < 0,001$; T – статистически выраженная тенденция; «-» – нет различий.

Содержательный анализ статистических данных, представленных в табл. 5, свидетельствует о том, что уровень выгорания увеличивается с возрастом и выслугой лет. Данная тенденция касается, прежде всего, роста симптомов эмоционального истощения и редукции профессиональных достижений и не затрагивает развитие признаков деперсонализации. Однако у высококлассных, имеющих высокий уровень образования и квалификации военных специалистов признаки редукции профессиональных достижений достоверно менее выражены. Получено также, что выгоранию в меньшей степени подвержены офицеры, имеющие семью.

Установлено, что эксперты-руководители при характеристике уровня профессионализма подчиненных оценивают одинаково высоко как «выгоревших», так и «не выгоревших» специалистов. Однако в группе с высоким уровнем симптомов «эмоционального истощения» наблюдается статистически значительно больше случаев дисциплинарных нарушений. В целом руководители менее

удовлетворены работой подчиненных, имеющих высокие значения по субшкалам опросника МВИ «эмоциональное истощение» и «деперсонализация». То есть симптомы выгорания и заметное снижение эффективности профессиональной деятельности внешними наблюдателями фиксируются, прежде всего, в связи с появлением у военнослужащих признаков утомления, физического истощения, эмоциональной заторможенности, равнодушия по отношению к выполнению поручений и окружающим.

Полученные эмпирические данные свидетельствуют также о наличии тесной связи между показателями состояния здоровья и признаками выгорания. В группе с высоким уровнем выраженности симптомов выгорания достоверно ниже самооценка здоровья, а уровень проявления нарушений психического статуса, наоборот, значимо выше.

Что касается индивидуально-личностных особенностей военнослужащих, проведение сравнительного анализа позволило обнаружить значимые различия между группами по степени жизнестой-

кости. Значения шкал теста С. Мадди «вовлеченность», «принятие риска» и «контроль» значимо выше в подгруппе офицеров с низкими показателями выгорания. Достоверные различия выявлены как по отдельным субшкалам, так и относительно суммарного индекса жизнестойкости. То есть можно сказать, что индивиды с определенными жизненными установками, обладающие оптимистической ориентацией, активно участвующие в текущих событиях, верящие в свою способность контролировать и изменять ход своей жизни, в большей степени способны сохранять профессиональное здоровье и получать удовлетворение от происходящего и профессиональной деятельности.

Сравнение групп с высоким и низким уровнями выгорания по субшкалам методики FPI выявило, что значения всех показателей выгорания выше у невротичных, эмоционально-лабильных, застенчивых, склонных к депрессии военнослужащих. Напротив, симптомы выгорания у общительных и уравновешенных специалистов выражены в меньшей степени. В рамках методики FPI шкала «общительность» характеризует наличие ярко выраженной потребности в общении и реальные проявления социальной активности в этом направлении. Шкала «уравновешенность» отражает отсутствие внутренней конфликтности, удовлетворенность собой и своим положением, устойчивость к воздействию повседневных стресс-факторов. Согласно полученным нами данным, коммуникабельные, уверенные в себе, оптимистичные, активные и готовые к сотрудничеству индивиды в меньшей степени подвержены влиянию рабочих перегрузок и профессиональной деформации по типу

развития признаков синдрома выгорания.

Важно отметить, что показатель социальной адаптированности и стрессогенности жизни (суммарный индекс шкалы Холмса-Райх) оказался статистически достоверно не связан ни с одним из компонентов выгорания. То есть не установлено, что внешняя событийность жизни оказывает значимое влияние и усиливает развитие симптомов выгорания. Можно предположить, что выгорание у военнослужащих является, прежде всего, следствием воздействия профессиональных и организационных стрессоров, а некоторые личностные особенности и профессиональная компетентность индивида помогают ему конструктивно преодолеть развитие негативных симптомов и сохранять психологическое благополучие и работоспособность.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить наличие взаимосвязи между уровнем выгорания и стресса (как составляющими психологического здоровья), и характеристиками социально-демографического, профессионального и личностного статусов военнослужащих.

Обнаружено, что уровень профессиональной успешности и надежность специалистов (прежде всего, количество дисциплинарных нарушений), оцениваемые по результатам экспертного опроса, напрямую коррелируют со степенью выраженности симптомов выгорания и стресса. Эмпирически установлено, что высококлассные профессионалы, несмотря на наличие признаков психической напряженности и негативных психоло-

гических переживаний, более успешно справляются с поставленными трудовыми задачами, по сравнению с менее компетентными военными специалистами. Наличие семьи также является значимым фактором, препятствующим развитию признаков психологической дезадаптации и неблагополучия.

Выявлено, что уровень стресса и показатели выгорания тесно связаны с личностными характеристиками, играющими важную роль в процессе социального взаимодействия и регуляции поведения человека. Среди них наиболее значимыми являются невротичность, уравновешенность, общительность, застенчивость, открытость и эмоциональная лабильность, измеряемые по шкалам многофакторного личностного опросника FPI, а также степень конфликтности-тактичности, измеряемая с помощью шкалы «личностная конфликтность». Показано, что для поддержания психического и соматического благополучия военнослужащих большое значение имеют мотивационные составляющие, степень удовлетворенности специалистов условиями профессиональной деятельности и ее результатами.

Установлено, что уровень проявления негативной симптоматики выгорания и стресса тесно связан с таким комплексным свойством личности, как жизнестойкость. Анализ полученных эмпирических данных позволяет предположить, что жизнестойкость можно рассматривать как профессионально важное качество кадрового военного, которое позволяет ему успешно преодолевать жизненные трудности, справляться с развитием неблагоприятных эмоциональных состояний, сохранять позитивную направленность профессиональной мотивации в условиях стресса и рабочих перегрузок.

В целом содержательно интерпретируя выявленные значимые взаимосвязи показателей психологического благополучия с характеристиками личности, можно сказать, что военнослужащие, занимающие активную жизненную позицию и демонстрирующие тип поведения, который, согласно стереотипам западной культуры, можно описать как маскулинный, в меньшей степени подвержены воздействию стрессогенных факторов среды, у них в меньшей степени выражены признаки психического дистресса и социальной дезадаптации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев В.А.* Психология здоровья. СПб., 2006.
2. *Баканов А.С.* Некоторые аспекты учета «человеческого фактора» при проектировании системы поддержки принятия управленческих решений // Вестник ГУУ. 2008. № 7 (45).
3. *Барташов А.В.* Диагностика темперамента и характера. СПб., 2006.
4. *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
5. *Бехтерев В.М.* Личность и условия ее развития и здоровья. СПб., 1905.
6. *Бодров В.А.* К проблеме функциональной надежности субъекта труда // ЧФ. Проблемы психологии и эргономики. 2011. № 3.
7. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М., 2006.
8. *Бодров В.А.* Психология профессиональной пригодности. М., 2001.

9. Бодров В.А., Зеленова М.Е., Лекалов А.А., Сиваш О.Н., Таяновский В.Ю. Исследование профессионального здоровья летчиков в процессе клинико-психологической экспертизы // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 4. М., 2012.
10. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 1999.
11. Бочавер А.А., Ступак Р. XXIV Европейская конференция по психологии здоровья «Здоровье в контексте» // Психологический журнал. 2011. № 3. Т. 32.
12. Васильева О.С. Психологический подход к здоровью личности // Психология личности. Учебное пособие. М., 2007.
13. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009.
14. Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб., 2001.
15. Дикая Л.Г. Психическая саморегуляция функционального состояния человека. М., 2003.
16. Евенко С.Л. Психология отклоняющегося поведения у военнослужащих вооруженных сил РФ: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2009.
17. Зеленова М.Е. Индивидуальный стиль саморегуляции как внутренний ресурс стрессоустойчивости субъектов трудовой деятельности // Социальная психология и общество. 2013. № 1.
18. Зеленова М.Е. Проблема профессионального здоровья летчиков и ее экспериментальное изучение // Сборник научных трудов SWorld. 2012. Т. 12. № 1.
19. Зеленова М.Е. Социально-психологические факторы регуляции профессионального здоровья летчиков // Социальная психология и общество. 2014. № 1.
20. Зеленова М.Е., Кабаева В.М., Барабанова В.В. Уровень жизнестойкости, Я-концепция и профессиональное здоровье учителей // Социальная психология и общество. 2011. № 3.
21. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. СПб., 2006.
22. Климов Е.А. Введение в психологию труда: Учебник для вузов. М., 2004.
23. Козлов В.В. Учение о «человеческом факторе»: история создания и практика применения // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 2. М., 2011.
24. Кондратьев М.Ю., Мешков И.А. Социально-психологические особенности субъективного отношения представителей различных категорий современной отечественной молодежи к российской армии // Социальная психология и общество. 2012. № 2.
25. Концепция ВОЗ в области укрепления здоровья // Общественное здоровье и профилактика заболеваний. 2006. № 3.
26. Лакосина Н.Д., Ушаков Г.К. Медицинская психология. М., 1984.
27. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М., 2006.
28. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение. Учебник для вузов. М., 2002.
29. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решения // Психологический журнал. 2005. № 6. Т. 26.

30. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2001.
31. *Маклаков А.Г.* Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. СПб., 1996.
32. *Медведев В.И., Алдашева А.А.* Усталость как психическое состояние // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности. М., 2008.
33. *Миняев В.А., Вишняков П.И.* Общественное здоровье и здравоохранение. Учебник для вузов. М., 2003.
34. *Пономаренко В.А.* Психология жизни и труда летчика. М., 1992.
35. *Пономаренко В.А., Пискунов В.А., Разумов А.Н.* Здоровье здорового человека. М., 1997.
36. Психология профессионального здоровья. Учебное пособие. СПб., 2006.
37. *Орел В.Е.* Синдром психического выгорания личности. М., 2005.
38. *Ронгинская Т.И.* Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. 2002. № 3. Т. 23.
39. *Сиваш О.Н.* Эмоциональное выгорание военных летчиков разных категорий // Психологические исследования. Вып. 6. М., 2012.
40. *Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д.* Социальная психология. СПб., 2004.
41. *Форманюк Т.В.* Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии. 1994. № 6.
42. *Шульц Д., Шульц С.* Психология и работа. СПб., 2003.
43. *Alkov R.A., Borowsky M.S.* A questionnaire study of psychological background factor in us Naval aircraft accidents // Aviat., Space and Environ. Med. 1980. Vol. 51. № 3.
44. *Balducci C., Schaufeli W.B., Fraccaroli F.* The job demands-resources model and counterproductive work behavior: The role of job-related affect // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2011. V. 20. № 4.
45. *Fredy J.R., Hobfoll S.E.* Stress inoculation for reduction of burnout: A conservation of resources approach // Anxiety, Stress and Coping. 1994. Vol. 6.
46. *Hakanen J.J., Schaufeli W.B.* Do burnout and work engagement predict depressive symptoms and life satisfaction? A three-wave seven-year prospective study // Journal of Affective Disorders. 2012. V. 141.
47. *Schaufeli W.B., Greenglass E.R.* Introduction special issue on burnout and health // Psychology and Health. 2001. Vol. 16.
48. *Schaufeli W.B., Leiter M.P., Maslach C.* Burnout: 35 years of research and practice // Career Development International. 2009. V. 14. № 3.

Burnout and Stress in the Context of Professional Health in Military Personnel

M.E. ZELENОВА

*PhD in Psychology, research fellow at the Institute of Psychology
of the Russian Academy of Science*

A.V. ZAKHAROV

head of the Center for Psychological Services of the Russian Armed Forces

The paper presents and discusses outcomes of a study on the social psychological correlates of professional health in armed forces personnel. The study revealed correlations between indicators of mental strain (burnout and stress symptoms), on the one hand, and personality traits and social demographical status of the subjects, on the other hand. The paper describes various approaches to the study of professional health, focuses on the concept of professional health itself, and shows how burnout and stress are related to job performance in individuals. The levels of burnout in the subjects were assessed with the Maslach Burnout Inventory (MBI), while the general level of distress was measured with the Holmes and Rahe Stress Scale. Personality traits of the subjects were assessed with a number of psychological questionnaires.

Keywords: *health psychology, professional health, mental strain, burnout, stress, mental resources, personality traits.*

REFERENCES

1. Anan'ev V.A. Psihologiya zdorov'ya. SPb., 2006.
2. Bakanov A.S. Nekotorye aspekty ucheta "chelovecheskogo faktora" pri proektirovanii sistemy podderzhki prinyatiya upravlencheskih reshenii // Vestnik GUU. 2008. № 7 (45).
3. Bartashov A.V. Diagnostika temperamenta i haraktera. SPb., 2006.
4. Berezin F.B. Psihicheskaya i psihofiziologicheskaya adaptatsiya cheloveka. L., 1988.
5. Behterev V.M. Lichnost' i usloviya ee razvitiya i zdorov'ya. SPb., 1905.
6. Bodrov V.A. K probleme funktsional'noi nadezhnosti sub'ekta truda // ChF. Problemy psihologii i ergonomiki. 2011. № 3.
7. Bodrov V.A. Psihologicheskii stress: razvitie i preodolenie. M., 2006.
8. Bodrov V.A. Psihologiya professional'noi prigodnosti. M., 2001.
9. Bodrov V.A., Zelenova M.E., Lekalov A.A., Sivash O.N., Tayanovskii V.Yu. Issledovanie professional'nogo zdorov'ya letchikov v processe kliniko-psihologicheskoi ekspertizy // Aktual'nye problemy psihologii truda, inzhenernoi psihologii i ergonomiki. Vyp. 4. M., 2012.
10. Boiko V.V. Sindrom "emotsional'nogo vygoraniya" v professional'nom obshenii. – SPb., 1999.
11. Bochaver A.A., Stupak R. XXIV Evropeiskaya konferentsiya po psihologii zdorov'ya "Zdorov'e v kontekste" // Psihologicheskii zhurnal. 2011. № 3. T. 32.

12. *Vasil'eva O.S.* Psihologicheskii podhod k zdorov'yu lichnosti // Psihologiya lichnosti. Uchebnoe posobie. M., 2007.
13. *Vodop'yanova N.E.* Psihodiagnostika stressa. SPb., 2009.
14. *Gleitman G., Fridlund A., Raisberg D.* Osnovy psihologii. SPb., 2001.
15. *Dikaya L.G.* Psihicheskaya samoregulyaciya funkcional'nogo sostoyaniya cheloveka. M., 2003.
16. *Evenko S.L.* Psihologiya otklonyayushegosya povedeniya u voennosluzhashih vooruzhennyh sil RF: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk. M., 2009.
17. *Zelenova M.E.* Individual'nyi stil' samoregulyacii kak vnutrennii resurs stressoustoichivosti sub'ektov trudovoi deyatel'nosti // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2013. № 1.
18. *Zelenova M.E.* Problema professional'nogo zdorov'ya letchikov i ee eksperimental'noe izuchenie // Sbornik nauchnyh trudov SWorld. – 2012. T. 12. № 1.
19. *Zelenova M.E.* Social'no-psihologicheskie faktory regulyacii professional'nogo zdorov'ya letchikov // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2014. № 1.
20. *Zelenova M.E., Kabaeva V.M., Barabanova V.V.* Uroven' zhiznestoikosti, Ya-koncepciya i professional'noe zdorov'e uchitelei // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2011. № 3.
21. *Karayani A.G., Syromyatnikov I.V.* Prikladnaya voennaya psihologiya. SPb., 2006.
22. *Klimov E.A.* Vvedenie v psihologiyu truda: Uchebnik dlya vuzov. M., 2004.
23. *Kozlov V.V.* Uchenie o "chelovecheskom faktore": istoriya sozdaniya i praktika primeneniya // Aktual'nye problemy psihologii ruda, inzhenernoi psihologii i ergonomiki. Vyp. 2. M., 2011.
24. *Kondrat'ev M.Yu., Meshkov I.A.* Social'no-psihologicheskie osobennosti sub'ektivnogo otnosheniya predstavitelei razlichnyh kategorii sovremennoi otechestvennoi molodezhi k rossiiskoi armii // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2012. № 2.
25. Koncepciya VOZ v oblasti ukrepleniya zdorov'ya // Obshestvennoe zdorov'e i profilaktika zabolevanii. 2006. № 3.
26. *Lakosina N.D., Ushakov G.K.* Medicinskaya psihologiya. M., 1984.
27. *Leont'ev D.A., Rasskazova E.I.* Test zhiznestoikosti. M., 2006.
28. *Lisicyn Yu.P.* Obshestvennoe zdorov'e i zdravoohranenie. Uchebnik dlya vuzov. M., 2002.
29. *Maddi S.* Smysloobrazovanie v processe prinyatiya resheniya // Psihologicheskii zhurnal. 2005. № 6. T. 26.
30. *Maiers D.* Social'naya psihologiya. SPb., 2001.
31. *Maklakov A.G.* Osnovy psihologicheskogo obespecheniya professional'nogo zdorov'ya voennosluzhashih: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk. SPb., 1996.
32. *Medvedev V.I., Aldasheva A.A.* Uсталost' kak psihicheskoe sostoyanie // Problemy fundamental'noi i prikladnoi psihologii professional'noi deyatel'nosti. M., 2008.
33. *Minyaev V.A., Vishnyakov P.I.* Obshestvennoe zdorov'e i zdravoohranenie. Uchebnik dlya vuzov. M., 2003.
34. *Ponomarenko V.A.* Psihologiya zhizni i truda letchika. M., 1992.
35. *Ponomarenko V.A., Piskunov V.A., Razumov A.N.* Zdorov'e zdorovogo cheloveka. M., 1997.
36. Psihologiya professional'nogo zdorov'ya. Uchebnoe posobie. SPb., 2006.

37. *Orel V.E.* Sindrom psihicheskogo vygoraniya lichnosti. M., 2005.
38. *Ronginskaya T.I.* Sindrom vygoraniya v social'nyh professiyah // *Psihologicheskii zhurnal.* 2002. № 3. T. 23.
39. *Sivash O.N.* Emocional'noe vygoranie voennyh letchikov raznyh kategorii // *Psihologicheskie issledovaniya. Vyp. 6.* M., 2012.
40. *Teilor Sh., Piplo L., Sirs D.* Social'naya psihologiya. SPb., 2004.
41. *Formanyuk T.V.* Sindrom "emocional'nogo sgoraniya" kak pokazatel' professional'noi dezadaptacii uchitelya" // *Voprosy psihologii.* 1994. № 6.
42. *Shul'c D., Shul'c S.* Psihologiya i rabota. SPb., 2003.
43. *Alkov R.A., Borowsky M.S.* A questionnaire study of psychological background factor in us Naval aircraft accidents // *Aviat., Space and Environ. Med.* 1980. Vol. 51. № 3.
44. *Valducci S., Schaufeli W.B., Fraccaroli F.* The job demands–resources model and counterproductive work behavior: The role of job-related affect // *European Journal of Work and Organizational Psychology.* 2011. V. 20. № 4.
45. *Freedy J.R., Hobfoll S.E.* Stress inoculation for reduction of burnout: A conservation of resources approach // *Anxiety. Stress and Coping.* 1994. Vol. 6.
46. *Hakanen J.J., Schaufeli W.B.* Do burnout and work engagement predict depressive symptoms and life satisfaction? A three-wave seven-year prospective study // *Journal of Affective Disorders.* 2012. V. 141.
47. *Schaufeli W.B., Greenglass E.R.* Introduction special issue on burnout and health // *Psychology and Health.* 2001. Vol. 16.
48. *Schaufeli W.B., Leiter M.P., Maslach C.* Burnout: 35 years of research and practice // *Career Development International.* 2009. V. 14. № 3.

Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования)

В.С. СОБКИН

*доктор психологических наук, профессор, академик РАО,
директор Института социологии образования РАО*

М.М. СМЫСЛОВА

младший научный сотрудник Института социологии образования РАО

В статье излагаются и обсуждаются результаты проведенного в 2010 году опроса старшеклассников, обучающихся в Москве и Риге, позволившего, во-первых, исследовать распространенность психического и физического буллинга среди школьников, во-вторых, выявить и описать влияние демографических, социально-стратификационных факторов, а также национального статуса и социокультурного контекста обучения на опыт переживания школьной травли. Исследование также позволило выявить особенности ориентации подростков на различные формы поведения по отношению к жертве школьной травли.

Ключевые слова: *подростковый возраст, межличностные отношения, социальные роли, буллинг, жертвы школьной травли, национальное большинство, национальное меньшинство.*

Вопросы, касающиеся межличностных отношений со сверстниками в подростковом возрасте, выходят на передний план, определяя психологическое своеобразие данного возрастного этапа развития [1; 3; 10; 11 и др.]. Поэтому особое внимание обращают на себя негативные моменты, которые касаются деформации межличностных отношений и влияют на социальное самочувствие подростка в коллективе класса [8]. В этой связи специальный интерес представляет исследование такого социально-психологического феномена группового поведения, как школьная травля (school bullying) — одна из форм агрессивного поведения, затрагивающая проблемы социально-ролевых и межлично-

стных отношений в детских коллективах [7].

В психологической литературе под термином буллинг (травля) принято понимать совокупность различных социальных, психологических и педагогических проблем, обуславливающих процесс длительного (группового или индивидуального) физического или психического насилия в отношении индивида, который не способен защитить себя в данной ситуации [15]. Стоит отметить, что в силу актуальности и распространенности проблемы буллинга этому явлению посвящены многие публикации [4–7; 12–19 и др.]. Более того, специальная информация об этой проблеме размещена на целом ряде национальных и междуна-

родных серверов, таких как Bullying.org, Bullying Online, Stop bullying и др. И, наконец, добавим, что в ряде стран существуют также национальные общественные организации по борьбе с буллингом, которые дают систематические консультации по профилактике буллинга и оказывают помощь его жертвам [4].

Опыт переживания ситуации буллинга является травмирующим для его жертвы и негативно сказывается на развитии личности подростка, формировании его Я-концепции, самооценке, а также на системе ценностей и стиле взаимодействия подростка со сверстниками [2; 5]. Стоит отметить, что сама ситуация школьной травли травмирует не только непосредственных жертв жестокого обращения, но и свидетелей подобных ситуаций — периферических жертв буллинга. При этом заметим, что травля как групповое поведение связана со снятием ответственности и таким явлением, как конформизм.

Одно из важных направлений исследований травли связано с анализом типологических характеристик социальных ролей, определяющих ситуации буллинг-поведения: «жертвы», «преследователи» и «свидетели» [15]. «Жертвы» травли характеризуются как чувствительные, замкнутые и застенчивые люди. Они тревожны, не уверены в себе, имеют низкую самооценку. Стоит отметить, что поводом для издевательств может послужить любая особенность жертвы — физические недостатки, неоднозначное отношение учителей, психологические особенности. Поводом может также стать низкий уровень доходов семьи или социальный статус, пол или национальная принадлежность, и просто определение человека как «чужого».

«Преследователи» обладают средним или ниже среднего по группе уровнем тревожности, испытывают сильную потребность доминировать и подчинять, ведут себя агрессивно и вызывающе, зачастую рассматривая свое поведение как оправданное. «Свидетельская» позиция наиболее сложная для воссоздания типологических черт, поскольку в ситуации буллинга в роли свидетелей оказывается большинство со всем его личностным многообразием. Заметим, что «свидетели» — это периферические жертвы буллинга. По мнению К. Вайнгартен [5], они являются важными участниками буллинга, поскольку их реакция на подобную ситуацию может как помочь пострадавшему, так и вредить ему.

Буллинг является разновидностью насилия и может выражаться различными способами. Д. Олвеус [15] выделяет следующие его виды: вербальный буллинг; буллинг, направленный на социальное исключение или изоляцию; физические издевательства; издевательство с помощью лжи или лживых слухов о жертве агрессии; отбирание денег или других вещей, их порча издевающимися; угрозы или принуждение выполнять какие-либо действия; расистский буллинг; сексуальный буллинг и др. Наряду с этими видами другие исследователи выделяют иные варианты буллинга. Особый интерес для нашего исследования представляет классификация Д. Лэйна, который выделяет два основных вида буллинга — психический и физический [6]. В ходе исследования попытаемся рассмотреть их распространенность в современной школе.

Настоящая статья основана на материалах кросскультурного исследования, проведенного в 2010 году Институтом

социологии образования РАО совместно с Рижской академией педагогики и управления образованием. Анкетный опрос проводился среди учащихся 9–11-х классов общеобразовательных школ Москвы и 9–12-х классов школ Риги. В данном исследовании приняли участие 993 московских школьника; в Риге же были сформированы две подвыборки, одну из которых составили 964 ученика школ, где преподавание ведется на русском языке, а вторую — 975 учащихся рижских школ с преподаванием на латышском языке. Выделение учащихся русскоязычных школ в качестве отдельной подвыборки имеет принципиальное значение для данного исследования, поскольку позволяет рассмотреть распространенность буллинга в национально-ориентированных школах (с учетом остроты и важности национального вопроса в Латвии) и взглянуть на русских в особой социокультурной ситуации, когда их официальный статус на государственном уровне характеризуется принадлежностью к национальному меньшинству.

Представленный в статье материал структурно разделен на две части. В первой — «Психическое и физическое насилие в классе» — исследуется распространенность выделенных Д. Лэйном видов буллинга — психического и физического. В ней рассмотрено влияние социально-демографических и социально-стратификационных факторов на отнесение подростка к «группе риска» (в нашем случае риска оказаться жертвой школьной травли). Помимо этого, анализируется влияние национального статуса и социокультурного контекста обучения на опыт переживания школьной травли. При этом под разными социокультурными

контекстами обучения понимается обучение подростков как в общеобразовательных школах Москвы, так и в национально-ориентированных общеобразовательных школах Риги (отдельно в школах, где преподавание ведется на латышском или на русском языках). Особое внимание также уделено влиянию социального статуса (лидерство/изолированность) учащегося в классе на его опыт участия в ситуациях буллинга в качестве жертвы.

Во второй части статьи — «Особенности отношения учащихся к жертвам школьной травли» — раскрываются особенности оценки школьниками собственного поведения в ситуации буллинга, когда жертвой становится их одноклассник. Стоит подчеркнуть, что на сегодняшний день практически отсутствуют работы, посвященные анализу влияния опыта участия в ситуациях школьной травли на выбор подростком тех или иных поведенческих стратегий по отношению к жертвам буллинга. Например: какую форму поведения по отношению к жертве (поддержка, сочувствие, отстранение и т. п.) склонны выбирать подростки, которые сами подвергались травле. В этой связи попытаемся проверить верность известного утверждения К. Юнга: «Здоровый человек не издевается над другими; мучителем, как правило, становится перенесший муки». При этом специально рассматривается влияние демографических и социально-стратификационных факторов на поведенческие стратегии учащихся по отношению к аутсайдерам. Помимо этого, осуществлен анализ влияния национального статуса и социокультурного контекста обучения на отношение подростков к жертвам школьного буллинга.

Психическое и физическое насилие в классе

В соответствии с целями нашего исследования особый интерес представляют учащиеся, которые имеют опыт пребывания в роли жертвы школьного буллинга. С целью их выявления респондентам задавался два вопроса. Так, для определения учащихся, сталкивавшихся с *психическим* насилием со стороны одноклассников, респондентам был предложен вопрос в следующей формулировке: «Приходилось ли Вам испытывать на себе насмешки, издевательства или игнорирование со стороны одноклассников?». Для выявления тех, кто сталкивался с *физическим* насилием, респондентам задавался вопрос: «Приходилось ли Вам становиться жертвой избиения, нанесения вреда имуществу или принуждения к совершению поступков, которые Вы не хотели делать (например, отдавать деньги, завтраки и т. п.), со стороны одноклассников?». В качестве ответов на эти вопросы были даны утверждения: «Да, такое случается регулярно», «Да, такое иногда случалось» и «Нет». Заметим, что варианты ответов фиксируют не только наличие или отсутствие подобного опыта, но и его регулярность или эпизодичность.

При анализе полученных материалов учитывались ответы старшеклассников на оба предложенных вопроса, что позволило выявить тех, кто сталкивается с различными сочетаниями психического и физического насилия, и тех, кто чувствует себя благополучно в школьной среде.

Жертвы буллинга: кросскультурное сопоставление. На основе комбинаций ответов школьников на заданные вопросы можно выделить девять групп уча-

щихся: жертвы регулярного психического и физического насилия; жертвы регулярного психического и эпизодического физического насилия; жертвы регулярно психического насилия, не сталкивавшиеся с физическим насилием; жертвы эпизодического психического и регулярного физического насилия; жертвы эпизодического психического и эпизодического физического насилия; жертвы эпизодического психического насилия, не сталкивавшиеся с физическим насилием; жертвы регулярного физического насилия при отсутствии психического; жертвы эпизодического физического насилия при отсутствии психического и, наконец, те, кто не сталкивался ни с физическим, ни с психическим насилием. В таблице 1 приведено процентное распределение принадлежности учащихся школ Москвы и Риги к выделенным девяти группам.

Как видно из табл. 1, около 4 0% старшеклассников в Москве и Риге никогда не сталкивались с психическим или физическим насилием. Остальные школьники в той или иной степени подвергались травле в классном коллективе. Наиболее распространенной формой насилия является эпизодическое психическое насилие при отсутствии физического (ему подвергаются более 40 % школьников). Стоит добавить, что при этом физическое насилие почти всегда сопровождается и психическим.

Важно обратить внимание на различия в ответах рижских школьников, обучающихся в школах с преподаванием на латышском или русском языках. Из данных, приведенных в табл. 1, видно, что обстановка в русскоязычных школах выглядит более благополучной, чем в школах, где преподавание ведется на латышском языке (с насилием в любых формах

Таблица 1

Распределение ответов московских и рижских школьников на вопросы об опыте участия в ситуациях буллинга в роли жертвы (%)

Виды насилия	Учащиеся московских школ N = 948	Учащиеся школ Риги с преподаванием на русском N = 937	Учащиеся школ Риги с преподаванием на латышском N = 944
Регулярное психическое / регулярное физическое	0,7	0,1	1,4
Регулярное психическое / эпизодическое физическое	0,9	0,9	0,8
Регулярное психическое / нет физического	3,0	1,8	2,3
Эпизодическое психическое / регулярное физическое	0,1	0,1	0,4
Эпизодическое психическое / эпизодическое физическое	4,0	5,1	7,2
Эпизодическое психическое / нет физического	46,6	44,9	45,8
Нет психического / регулярное физическое	0,1	0,2	0,2
Нет психического / эпизодическое физическое	1,8	0,6	1,1
Нет психического / нет физического	42,8	46,3	40,8

его проявления не сталкивались 46,3 % учащихся русскоязычных школ в Риге и 40,8 % учащихся школ с преподаванием на латышском языке; $p = ,02$). Добавим, что регулярному и психическому, и физическому насилию чаще подвергаются учащиеся в школах с преподаванием на латышском языке, чем учащиеся русскоязычных школ (соответственно: 1,4 % и 0,0 %; $p = ,0003$).

На наш взгляд, важно также отметить, что в ответах учащихся рижских школ с преподаванием на латышском языке проявилось влияние национального статуса учащихся (национальное большинство/меньшинство) на их самочувствие в школьном коллективе. Так, представители национальных мень-

шинств в школе большинства (с преподаванием на латышском языке) значительно чаще фиксируют, что они регулярно подвергаются насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны одноклассников, чем представители национального большинства – латыши (соответственно: 11,1 % и 4,2 %; $p = ,02$). Полученные данные позволяют сделать вывод, что принадлежность к группе национального меньшинства значительно ухудшает социальное самочувствие школьника. Так, каждый десятый представитель национального меньшинства (не латыш) регулярно оказывается в роли «жертвы» психического насилия со стороны одноклассников в школах с преподаванием на латышском языке.

В этой связи особое внимание стоит обратить и на социальное самочувствие латышей в русскоязычных школах Риги. Представители национального большинства в таких школах (представленные небольшим числом латышей) значительно чаще детей от смешанных браков или представителей национального меньшинства отмечают, что иногда становились жертвой избиения, нанесения вреда имуществу и принуждения к совершению поступков, которые они не хотели совершать (представители национального большинства — 31,3 %, дети от смешанных браков — 9,0 % и представители национального меньшинства — 5,7 %; $p \leq ,009$). Таким образом, каждый третий латыш, обучающийся в русскоязычной школе, эпизодически подвергается физическому насилию со стороны одноклассников. Этот тревожный результат говорит о том, что представители национальных меньшинств в Риге, оказавшись в школе, где они численно превосходят представителей большинства, организуют «охоту на ведьм», подавляя и унижая латышей. Вероятно, таким жестоким способом они компенсируют собственную уязвимость и незащищенность за пределами школы. Заметим, что жесткость давления на представителей национального большинства, попадающих в школы меньшинств, оказывается существенно выше и жестче.

Отметим, что специальный анализ ответов московских школьников не выявил влияния национального статуса учащихся на их социальное самочувствие в школе. Подобный результат указывает на то, что проблема национальности становится более острой в ситуации, когда учебные заведения разделяются по своей ориентации на обучение предста-

вителей тех или иных национальных групп.

Поскольку ответы московских и рижских школьников демонстрируют достаточно высокое сходство относительно влияния демографических и социально-стратификационных факторов, при дальнейшем анализе остановимся на рассмотрении ответов только московских школьников.

Жертвы буллинга: влияние факторов пола и возраста. Анализ полученных данных показывает, что девочки чувствуют себя более благополучно в школьном коллективе, чем мальчики. Так, мальчики реже девочек отмечают, что им не приходилось сталкиваться с психическим или физическим насилием (соответственно: 37,2 % и 48,4 %; $p = ,005$). Вместе с тем они чаще фиксируют эпизодическое психическое (соответственно: 50,3% и 42,9%; $p = ,02$) и эпизодическое физическое (соответственно: 3,0 % и 0,6 %; $p = ,006$) насилие. Подобное соотношение ответов мальчиков и девочек можно объяснить большей агрессивностью мужской субкультуры, где насмешки или проявления физической агрессии могут считаться нормальными и даже поощряться сверстниками.

Не менее важно рассмотреть возрастную динамику изменения ответов школьников (см. рис.).

Из рисунка видно, что с возрастом увеличивается число подростков, отмечающих, что они никогда не испытывали на себе психическое или физическое насилие со стороны одноклассников (в 9-м классе — 36,0 %, в 11-м классе — 48,8 %; $p = ,0002$). Параллельно уменьшается число учащихся, отмечающих, что они иногда испытывали психическое насилие со стороны одноклассников

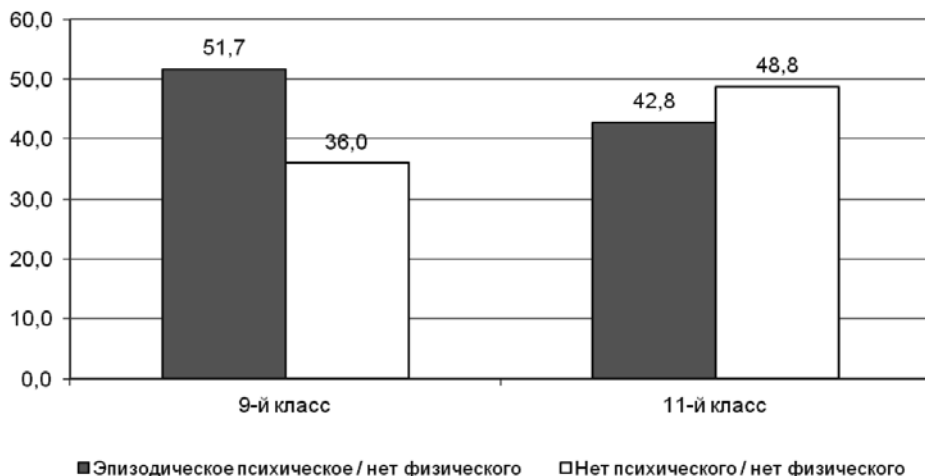

Рис. Возрастные особенности распределения ответов московских школьников на вопрос об опыте участия в ситуациях буллинга в роли жертвы (%)

(с 51,7 % в 9-м классе до 42,8 % — в 11-м; $p = ,009$). Эти факты, на наш взгляд, отражают достаточно характерные возрастные изменения в подростковой субкультуре. С одной стороны, они могут свидетельствовать об изменении отношения подростка к целому ряду проявлений агрессии: то, что в 9-м классе воспринималось более остро и понималось как насмешки и издевательства, с возрастом может восприниматься менее аффективно. Этим во многом объясняются падение частоты фиксации эпизодических проявлений психической агрессии и рост числа «благополучных» подростков (не испытывающих ни психической, ни физической агрессии). С другой стороны, можно предположить, что перспектива окончания школы и смены коллектива в течение ближайшего года снимает напряженность в социальных отношениях между одноклассниками.

Жертвы буллинга: влияние уровня дохода семьи и образования родителей. Полученные материалы показывают, что

существует отчетливая тенденция влияния уровня материального благополучия семьи на опыт пребывания подростков в роли жертвы буллинга — чем выше уровень доходов семьи, тем комфортнее чувствует себя подросток в школе. Так, дети из высокообеспеченных семей чувствуют себя наиболее благополучно среди сверстников, чаще отмечая отсутствие психического и физического насилия (высокообеспеченные — 48,8 %, среднеобеспеченные — 40,2 %, малообеспеченные 34,3 %; $p \leq ,05$). Напротив, регулярно чувствуют себя жертвами психического и физического насилия в школьном коллективе дети из малообеспеченных семей (малообеспеченные — 2,9 %, высокообеспеченные — 0,1 %; $p = ,006$). Аналогичная тенденция проявляется и относительно фиксации регулярного психического насилия в школе (малообеспеченные — 8,6 %, высокообеспеченные — 0,8 %; $p = ,001$).

Эти данные вскрывают серьезную социальную проблему: материальное бла-

гополучие семьи в значительной степени определяет социальное самочувствие подростка в учебном заведении. Это явно противоречит декларируемым целям и принципам школьного образования, касающимся его демократизации.

Заметим, что схожие результаты нами были получены и при анализе влияния уровня образования родителей на социальное самочувствие подростка в школе. Дети, чьи родители имеют среднее образование, значительно чаще детей с высшим образованием родителей отмечают, что сталкиваются с регулярным психическим и физическим насилием в классе (соответственно: 5,0 % и 0,01 %; $p = ,0000$). Они также чаще отмечают, что являются жертвами регулярного психического насилия со стороны одноклассников (7,5 % и 2,0 %; $p = ,03$) и эпизодических проявлений психической и физической агрессии (12,5 % и 3,7 %; $p = ,01$).

Таким образом, полученные материалы свидетельствуют, что социально-стратификационные факторы (образование и материальный статус семьи) оказывают явное влияние на социальное самочувствие подростка в школе: представители слабых социальных страт гораздо чаще оказываются в «зоне риска» и становятся жертвами школьной травли.

Жертвы буллинга: влияние социально-группового статуса. Наряду с демографическими и социально-стратификационными факторами, касающимися материального и образовательного уровня семьи, не менее важно рассмотреть и влияние социального статуса подростка в классе на его социальное самочувствие. Для определения социального статуса учащегося в ходе анкетного опроса респондентам задавался специальный вопрос, где им предлагали определить

свою позицию среди одноклассников: «я лидер в своем классе», «многие одноклассники меня уважают», «у меня есть лишь ограниченный круг приятелей», «в своем классе я чувствую себя одиноко». Сопоставительные данные ответов «лидеров» («я лидер в своем классе») и «отверженных» («чувствую себя одиноко») относительно их социального самочувствия в классе приведены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, подростки с низким социально-групповым статусом (чувствующие себя в классе одиноко) значительно чаще сталкиваются с различными формами насилия. В то же время подростки с высоким статусом в группе (лидеры) в целом чаще отмечают, что они не оказывались жертвами ни психического, ни физического насилия (соответственно: 64,6 % и 14,7 %; $p = ,0000$). Таким образом, прослеживается явная зависимость между социально-групповым статусом и вероятностью стать жертвой насилия в школьном коллективе.

Заметим, что основная логика анализа полученных материалов строилась относительно влияния факторов, усугубляющих для подростка риск стать жертвой агрессии. Однако есть и другая сторона проблемы, которая касается отношения подростка к жертвам коллективной агрессии. Это и попытаемся рассмотреть в следующей части статьи.

Особенности отношения учащихся к жертвам школьной травли

Здесь рассмотрим ориентации подростков на различные формы поведения в отношении одноклассника, который является жертвой буллинга в их классном

Таблица 2

Распределение ответов «лидеров» и «отверженных» на вопрос об их опыте участия в ситуациях буллинга в роли жертвы (%)

Виды насилия	Я лидер в своем классе N = 65	Чувствую себя одиноко N = 34	p =
Регулярное психическое / регулярное физическое	0,0	5,9	
Регулярное психическое / эпизодическое физическое	0,0	11,8	,006
Регулярное психическое / нет физического	1,5	14,7	,01
Эпизодическое психическое / регулярное физическое	0,0	0,0	
Эпизодическое психическое / эпизодическое физическое	1,5	11,8	,03
Эпизодическое психическое / нет физического	24,6	41,2	
Нет психического / регулярное физическое	0,0	0,0	
Нет психического / эпизодическое физическое	7,7	0,0	
Нет психического / нет физического	64,6	14,7	,0000

коллективе. Для выявления особенностей такого отношения мы предложили школьникам проективный вопрос в следующей формулировке: «Представьте, что в Вашем классе учится человек, который подвергается насмешкам, издевательствам или игнорированию со стороны других одноклассников. Ваша реакция?». Предложенные варианты ответа на данный вопрос описывают различные способы поведения в этой ситуации. Так, первый вариант ответа: «Я буду сочувствовать ему, но ничего не сделаю, чтобы его поддержать» выявляет пассивно-негативное отношение к травле аутсайдера, не подкрепленное какими-либо действиями по его защите. Второй вариант ответа «Я постараюсь убедить одноклассников не унижать его» выражает активное поведение школьников, защищающих

более «слабых» одноклассников. Следующий вариант ответа «Я не буду обращать на это внимание» выражает позицию старшеклассников, безразлично относящихся к ситуации буллинга. Вариант ответа «Я буду избегать общения с ним» фиксирует отстраненность от жертвы и в то же время отсутствие специальных агрессивных действий по отношению к ней. Вариант ответа «Я буду высмеивать его вместе с другими» отражает позицию школьников, которые предпочитают проявлять агрессию по отношению к «слабым» членам социальной группы. И наконец, последний вариант ответа «Я буду издеваться над ним» соответствует поведению наиболее агрессивно настроенных школьников, склонных к жестокому обращению с более «слабыми» членами социальной группы.

Отношение к жертвам буллинга: кросскультурное сопоставление. Ответы московских школьников и учащихся русскоязычных школ Риги весьма схожи и в то же время отличаются от ответов их сверстников из школ с преподаванием на латышском языке (табл. 3).

Из таблицы 3 видно, что пассивно-негативное отношение к ситуации буллинга (сочувствую, но не поддерживаю) учащиеся рижских школ с преподаванием на латышском языке отмечают значительно чаще учащихся московских школ и рижских русскоязычных школ (для сравнения: 26,0 % и 14,9 %, 14,4 %; $p = ,0000$). В свою очередь, учащиеся московских школ и школ национальных меньшинств в Риге более склонны фиксировать свою готовность защищать и поддерживать аутсайдера, чем учащиеся рижских школ с преподаванием на латышском языке (учащиеся московских школ — 50,8 %, учащиеся русскоязычных школ в Риге — 58,0 % и учащиеся рижских школ с преподаванием на латышском языке — 38,8 %; $p = ,0000$). Можно предположить, что подобные ре-

зультаты обусловлены национальными особенностями воспитания. Латыши, более склонные к сдержанности, осторожности и индивидуализму, предпочитают в ситуации буллинга отстраниться и пассивно сочувствовать жертве. Москвичи и учащиеся русскоязычных школ Риги (преимущественно представленные русскими детьми) ориентированы на открытую, действенную поддержку жертвы школьной травли.

Особое внимание стоит обратить на поведение учащихся в рижских школах, где преподавание ведется на латышском языке. Обращаясь к ответам представителей национального большинства, детей от смешанных браков и представителей национальных меньшинств в этих школах, отметим, что представители национальных меньшинств (преимущественно представленные русскими учащимися) чаще выбирают вариант ответа «Я буду стараться избегать общения с ним», чем представители национального большинства (для сравнения: 8,5 % и 2,9 %; $p = ,04$). Помимо этого, представители национальных меньшинств в этих школах

Таблица 3

Распределение ответов московских и рижских школьников на вопрос об их поведении в ситуации буллинга (%)

Поведение в ситуации буллинга	Учащиеся московских школ N = 900	Учащиеся рижских школ с преподаванием на русском языке N = 838	Учащиеся рижских школ с преподаванием на латышском языке N = 836
Я буду сочувствовать ему, но ничего не сделаю, чтобы его поддержать	14,9	14,4	26,0
Я постараюсь убедить одноклассников не унижать его	50,8	58,0	38,8
Я не буду обращать на это внимание	23,2	20,3	24,2
Я буду стараться избегать общения с ним	2,8	1,9	3,7
Я буду высмеивать его вместе с другими	4,6	3,3	5,4
Я буду издеваться над ним	3,8	2,0	2,0

также чаще выбирают вариант ответа «Я буду издеваться над ним», чем представители национального большинства и дети от смешанных браков (представители национального меньшинства — 8,5 %, представители национального большинства — 1,6 %, дети от смешанных браков — 0,1 %; $p \leq ,01$). Вероятно, подобные интолерантные установки представителей национального меньшинства в школе большинства по отношению к «слабым» можно объяснить опасением представителей меньшинства самим оказаться в роли «жертвы». Важно подчеркнуть, что в русскоязычных школах Риги каких-либо существенных различий в поведенческих стратегиях русских, детей от смешанных браков и латышей не выявлено.

Дальнейший анализ, касающийся влияния гендерных и социально-стратификационных факторов, также как и при рассмотрении вопроса о распространенности насилия, проведем на подвыборке московских школьников, поскольку основные тенденции в целом схожи во всех трех подвыборках.

Отношение к жертвам буллинга: гендерный аспект. Сопоставление ответов мальчиков и девочек позволило выявить ряд значимых различий. Так, девочки чаще выбирают пассивную позицию сочувствия «жертве», чем мальчики (для сравнения: 18,4 % и 11,3 %; $p = ,003$). Также девочки чаще встают на сторону аутсайдеров и стараются убедить одноклассников не унижать их (55,3 % и 46,7 %; $p = ,01$). Мальчики же больше склонны не обращать на подобные ситуации внимания (26,3 % и 19,7 %; $p = ,02$) или избегать общения со «слабым» (4,0 % и 1,6 %; $p = ,03$). Также мальчики значительно чаще склонны занимать позицию агрессора, отмечая, что они будут

издеваться над аутсайдером (для сравнения: 6,0 % и 1,6 %; $p = ,0006$). Подобные результаты отражают более высокую агрессивность мужской субкультуры.

Отношение к жертвам буллинга: влияние национального статуса. Обращаясь к ответам представителей национального большинства, детей от смешанных браков и представителей национальных меньшинств, следует отметить, что представители национального большинства чаще, чем представители национальных меньшинств (25,0 %, 11,4 %; $p = ,002$), выбирают вариант ответа «Я не буду обращать на это внимание». В то же время среди мальчиков, относящих себя к национальным меньшинствам, выше доля тех, кто склонен встать на защиту жертвы насмешек и издевательств (для сравнения среди национальных меньшинств — 57,9 %, среди детей от смешанных браков — 31,0 %, $p = ,02$; среди представителей национального большинства — 46,2 %). Таким образом, мальчики — представители национальных меньшинств, в целом в большей степени склонны демонстрировать толерантное отношение к более «слабым» членам группы. Возможно, это связано с особым негативным социальным самочувствием представителей национальных меньшинств, когда за пределами школы многие из них сами оказываются в позиции «жертвы». Иными словами, защищая слабых, представители меньшинства пытаются обеспечить зону комфорта и безопасности хотя бы в своем классе.

Отношение к жертвам буллинга: влияние собственного негативного опыта. Здесь стоит вернуться к приведенному в начале статьи утверждению, что «мучителем, как правило, становится перенесший муки». Верно ли это? С этой целью

сравним ответы учащихся, побывавших в роли жертвы психического насилия, с ответами их сверстников, не имевших подобного опыта (табл. 4).

Приведенные данные показывают, что учащиеся, имеющие негативный опыт переживания ситуации буллинга в качестве жертвы, гораздо чаще по сравнению со своими сверстниками, не имеющими подобного опыта, будут сочувствовать жертве травли. Однако эта тактика пассивна и не проявляется во вне: «Я буду сочувствовать ему, но ничего не сделаю, чтобы его поддержать». Особый интерес представляет избегающая реакция «я буду стараться избегать общения с ним». Как мы видим, она гораздо больше выражена также среди тех, кто сам регулярно становился жертвой школьной травли. С нашей точки зрения, это свидетельствует, что жертвы психического насилия в ситуации проявления коллективной агрессии предпочитают придерживаться тактики самоустранения. Подобная тактика связана с защитной реакцией отделения себя от жертвы буллинга. Вероятно, этот способ реагирования вызван страхом снова оказаться «в зоне агрессии» в качестве жертвы. Полученные результаты свидетельствуют о повышенной чувст-

вительности подростков, имеющих негативный опыт переживания ситуации буллинга в роли жертвы, к подобного рода угрозам.

Вместе с тем приведенные данные показывают, что исходное предположение, что жертва буллинга будет проявлять большую агрессивность («мучителем, как правило, становится перенесший муки»), в данном случае не подтвердилась.

Выводы

В целом материалы проведенного исследования позволяют сделать следующие основные выводы.

1) Обращает на себя внимание явное социально-психологическое неблагополучие подростка. Практически каждый второй из опрошенных школьников в том или ином виде подвергался психической или физической агрессии со стороны одноклассников. Анализ данных показал, что возможность стать жертвой школьной травли определяется целым рядом как демографических, так и социально-стратификационных факторов. При этом более слабые в социальном отношении группы чаще оказываются в «зоне риска» в стенах школы.

Таблица 4

Ответы учащихся об отношении к жертве психического насилия в зависимости от наличия собственного подобного негативного опыта (%)

Поведение в ситуации буллинга	Регулярно N = 40	Нет N = 402	p =
Я буду сочувствовать ему, но ничего не сделаю, чтобы его поддержать	20,0	11,9	,05
Я постараюсь убедить одноклассников не унижать его	42,5	49,0	
Я не буду обращать на это внимание	12,5	26,4	
Я буду стараться избегать общения с ним	10,0	2,7	,01
Я буду высмеивать его вместе с другими	7,5	5,0	
Я буду издеваться над ним	7,5	5,0	

2) Анализ материалов кросскультурного исследования подростков Москвы и Риги показал существенное влияние социокультурного контекста обучения на самочувствие подростков в стенах школы. При этом обращает на себя внимание тот факт, что организация образовательного процесса, ориентированная на разделение учащихся по национальному признаку, может привести к усилению проявлений школьной травли в отношении представителей национальностей, оказавшихся в стенах «национальной» школы в качестве представителей меньшинства.

3) Полученные материалы показывают, что практически каждый второй из опрошенных избирает тактику открытой поддержки и защиты жертвы школьной травли. Пассивное сочувствие выражает каждый седьмой школьник, и, наконец, каждый десятый склонен проявлять агрессивную реакцию по отношению к жертве буллинга. Вместе с тем около четверти подростков ориентированы на реакцию самоустранения и безразличия. Характерно, что тенденции сочувствия и открытой поддержки более проявлены среди девочек, что свидетельствует о большей толерантности женской подростковой субкультуры.

4) В отношении к жертве проявилось влияние социокультурных факторов. Так, например, в рижских школах с преподаванием на латышском языке учащи-

еся менее склонны выражать открытую поддержку и сочувствие жертвам буллинга. Более того, представители национальных меньшинств в этих школах чаще выбирают агрессивную реакцию по отношению к жертве. Подобные интолерантные установки представителей национальных меньшинств выявляют их повышенную чувствительность к возможности оказаться в роли жертвы буллинга. Характерно, что среди учащихся московских школ тенденции противоположны. Здесь представители национальных меньшинств чаще занимают позицию открытой поддержки жертвы коллективной травли, т. е. склонны демонстрировать толерантное отношение к более слабым членам группы.

5) На отношение к жертве буллинга оказывает явное влияние личный опыт подростка. Так, учащиеся, бывшие жертвой школьной травли, склонны проявлять два типа реакций. С одной стороны, среди них выше доля тех, кто готов сочувствовать жертве, но избегает проявлять это вовне. С другой — среди них явно выражено стремление избегать общения с жертвой буллинга, устранившись тем самым из возможной «зоны агрессии». Подобное поведение жертв насилия можно объяснить как защитную реакцию на угрозу [9]. В данном случае это проявляется в подчеркнутом разотождествлении, отстранении от жертвы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Божович Л.И.* Этапы формирования личности в онтогенезе. М., 1996.
2. *Волкова Т.Г.* Особенности образа личности, считающей себя испытавшей насилие: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2004.
3. *Выготский Л.С.* Проблема возраста // Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 4. М., 1984.
4. *Кон И.* Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11.
5. *Кутузова Д.А.* Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать // Журнал практического психолога. 2007. № 1.
6. *Лэйн Д.А.* Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия. СПб., 2001.
7. *Собкин В.С., Маркина О.С.* Фильм «Чучело» глазами современных школьников. Труды по социологии образования. Т. XXIV. Вып. XXV. М., 2010.
8. *Собкин В.С., Смылова М.М.* Травля в школе: кто оказался в группе риска? // Дитя человеческое. 2013. № 6.
9. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
10. *Эльконин Б.Д.* Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М., 1994.
11. *Эльконин Д.Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4.
12. *Besag V.E.* Bullies and Victims in Schools. Milton Keynes: Open University Press. 1989.
13. *Craig W.M., Harel Y.* Bullying, physical fighting and victimization // Young people's health in context. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) study: international report from the 2001/2002 survey / edited by Candace Currie. № 4. 2004.
14. *Lines D.* The Bullies. Understanding bullies and bullying. London; Philadelphia, 2008.
15. *Olweus D.* Bullying at school. What we know and what we can do. Oxford, 1993.
16. *Olweus D.* Aggression in the schools. Bullies and whipping boys. Washington, 1978.
17. *Olweus D.* Bully/victim problems among school children in Scandinavia. In J.P. Mynlebus, R. Ommundsen (Eds.). Oslo, 1987.
18. *Olweus D.* Bully/Victim Problems at School: Facts and Effective Intervention // Reclaiming Children and Youth. The Journal of Emotional and Behavioral Problems. 1996. № 5 (1).
19. *Roland E., Munthe E.* Bulling: An International Perspective. London, 1989.

Bullying at school: the impact of socio-cultural context (based on cross-cultural research)

V.S. SOBKIN

*Doctor in Psychology, professor, member of the Russian Academy of Education (RAE),
director of the Institute of Sociology for Education RAE*

M.M. SMYSLOVA

*Junior researcher at the Institute of Sociology for Education,
the Russian Academy of Education*

The article presents and discusses results of the inquiry carried out in 2010 that involved high school students from Moscow and Riga. The inquiry helped to investigate the prevalence of psychical and physical bullying among students, to reveal and describe the impacts of demographic, social stratification factors, national status and sociocultural context of education on the experience of being a victim of school bullying. The study also revealed the features of adolescents' orientations to various forms of behavior towards the victim of school bullying.

Keywords: *adolescence, interpersonal relationships, social roles, bullying, victims of school bullying, ethnic majority, ethnic minority.*

REFERENCES

1. *Bozhovich L.I.* Jetapy formirovanija lichnosti v ontogeneze. M., 1996.
2. *Volkova T.G.* Osobennosti obraza lichnosti, schitajushhej sebja ispytavshej nasilie: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Barnaul, 2004.
3. *Vygotskij L.S.* Problema vozrasta // Vygotskij L.S. Sobranie sochinenij: V 6-ti t. T. 4. M., 1984.
4. *Kon I.* Chto takoe bulling i kak s nim borot'sja? // Sem'ja i shkola. 2006. № 11.
5. *Kutuzova D.A.* Travlja v shkole: chto jeto takoe i chto mozžno s jetim delat' // Zhurnal prakticheskogo psihologa. 2007. № 1.
6. *Ljejn D.A.* Shkol'naja travlja (bulling) // Detskaja i podrostkovaja psihoterapija. SPb., 2001.
7. *Sobkin V.S., Markina O.S.* Fil'm "Chuchelo" glazami sovremennyh shkol'nikov. Trudy po sociologii obrazovanija. T. XXIV. Vyp. XXV. M., 2010.
8. *Sobkin V.S., Smyslova M.M.* Travlja v shkole: kto okazalsja v grupe riska? // Ditja chelovecheskoe. 2013. № 6.
9. *Fromm Je.* Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. M., 1994.
10. *Jel'konin B.D.* Vvedenie v psihologiju razvitija (v tradicii kul'turno-istoricheskoj teorii L.S. Vygotskogo). M., 1994.
11. *Jel'konin D.B.* K probleme periodizacii psihicheskogo razvitija v detskom vozraste// Voprosy psihologii. 1971. № 4.

12. *Besag V.E.* Bullies and Victims in Schools. Milton Keynes: Open University Press, 1989.
13. *Craig W.M., Harel Y.* Bullying, physical fighting and victimization // Young people's health in context. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) study: international report from the 2001/2002 survey / edited by Candace Currie. № 4. 2004.
14. *Lines D.* The Bullies. Understanding bullies and bullying. London; Philadelphia, 2008.
15. *Olweus D.* Bullying at school. What we know and what we can do. Oxford, 1993.
16. *Olweus D.* Aggression in the schools. Bullies and whipping boys. Washington, 1978.
17. *Olweus D.* Bully/victim problems among school children in Scandinavia. In J.P. Myklebust, R. Ommundsen (Eds.). Oslo, 1987.
18. *Olweus D.* Bully/Victim Problems at School: Facts and Effective Intervention // Reclaiming Children and Youth. The Journal of Emotional and Behavioral Problems. 1996. № 5 (1).
19. *Roland E., Munthe E.* Bulling: An International Perspective. London, 1989.

Кросскультурное исследование взаимосвязи сложности социальной идентичности и отношения к неопределенности в России и Италии¹

М.А. ХАЙТ

*аспирантка кафедры этнопсихологии и психологических проблем
поликультурного образования Московского городского
психолого-педагогического университета*

В статье представлены результаты кросскультурного изучения проблемы сложности социальной идентичности во взаимосвязи с отношением к неопределенности как одним из критериев культурных различий. Исследование базируется на концепции сложности социальной идентичности С. Роккас и М. Брюер, концепции культурных измерений Г. Хофстеде и ценностных ориентаций Ш. Шварца. Гипотеза исследования — наличие взаимосвязи между уровнем сложности социальной идентичности и отношением к неопределенности. Исследование проводилось с помощью специально разработанного опросника. В результате была выявлена значимая корреляция между интолерантностью к неопределенности (в том числе с конкретными факторами — причинами интолерантности) и низким уровнем сложности социальной идентичности; значимая корреляция эмоционального комфорта в ситуации неопределенности с высоким уровнем сложности социальной идентичности (прямая) и со средним уровнем сложности социальной идентичности (отрицательная). Также была выявлена специфика взаимосвязи в российской и итальянской культурах: выраженность ее через когнитивный фактор для России и через эмоциональный — для Италии. Таким образом, была подтверждена культурная универсальность исследуемой взаимосвязи в рамках данного исследования, а также ее культурная специфичность для российской и итальянской выборок.

Ключевые слова: *социальная идентичность, сложность социальной идентичности, ориентация на неопределенность, культурные различия.*

Введение

К настоящему времени широко распространена в социальной психологии является тема социальной идентичности личности. Достаточно глубоко изучены вопросы, связанные с однозначной идентичностью — субъективным представле-

нием себя членом профессиональной, этнической, возрастной, гендерной, национальной, религиозной или социально-экономической группы. Однако ключевой особенностью социальной идентичности служит именно ее множественная структура [11]. Человек является представителем всех вышеперечисленных

¹ Работа выполнена в рамках конкурсной стипендии имени А.В. Петровского ГБОУ ВПО МГППУ.

групп одновременно, а в различных ситуациях значимость той или иной идентичности возрастает. В связи с этим нередки случаи, когда идентичности актуализируются в одно и то же время, пересекаясь. При наличии противоречий в ценностях значимых идентичностей может возникнуть внутренний конфликт, имеющий не только личную, но и культурную основу, то есть обусловленный культурными факторами.

Проблема сложности социальной идентичности развивалась в психологической науке постепенно. В течение достаточно длительного периода исследования в рамках данной тематики были построены по евро-американской модели, то есть принимали в расчет особенности белого европейца или американца — типичного представителя западной культуры [12]. Со временем необходимость кросскультурного изучения любой, в том числе и социально-психологической проблематики стала очевидна, и вопросы социальной идентичности получили более широкое распространение [1; 3; 4; 5]. В 2002 году С. Роккас и М. Брюер не только обозначили проблематику, но и выдвинули концепцию сложности социальной идентичности, затрагивающую ее множественную структуру [16]. В этой концепции, являющейся теоретико-методологической основой нашего исследования, описываются варианты когнитивных стратегий отношения к противоречиям в собственной идентичности. У каждой из групп идентичностей человека существует определенный набор ценностей, разделяемый членом группы, и этот набор не может полностью совпадать. Если для человека одинаково значимыми являются две или более группы идентичностей, весьма вероятно и воз-

никновение противоречий некоторых ценностей. В зависимости от ситуации и степени значимости каждой ценности и группы идентичности противоречие может не доставлять неудобств и решаться достаточно легко на когнитивном уровне, а может служить причиной возникновения диссонанса и эмоционального конфликта. Примером подобной ситуации может быть девушка-физик, для которой существенно противоречие ее гендерной и профессиональной роли, или представитель этнического меньшинства, тем не менее, являющийся успешным бизнесменом в своей стране. Каждый подобный пример связан с лично осознаваемой важностью той или иной идентичности, а также с ситуацией, в которой противоречие ценностей обостряется. Также на формирование значимого противоречия влияют культура, прошлый опыт, социальное окружение. Девушка-физик в одной ситуации может остро страдать от возникающих противоречий, тогда как ее коллега с теми же характеристиками, придающая большее значение своей гражданской, возрастной или религиозной идентичности, может вообще их не заметить.

По мнению С. Роккас и М. Брюер, существует четыре когнитивных стратегии отношения к множественной идентичности: пересечение, преобладание, дробление и слияние. При пересечении из двух противоречащих идентичностей в представлении человека формируется одна общая: например, пожилой представитель обслуживающего персонала, ощущающий, что его уважаемый возраст не согласуется с непрестижной должностью, может не относить себя ни к группе всех пожилых людей, ни к обслуживающему персоналу. Он может выделить не-

кую группу пожилого обслуживающего персонала и идентифицироваться исключительно с ней, найдя в ее статусе характеристики, способствующие формированию позитивной идентичности, а следовательно, и позитивного самоотношения. Таким образом, стратегия пересечения подразумевает интеграцию ценностей, которые сочетаются между собой, но полностью исключает характеристики групп, которые вызывают противоречие. Противоположной стратегией является преобладание — стратегия, при которой человек выбирает только одну наиболее значимую группу и идентифицируется с ней. В случае с пожилым представителем обслуживающего персонала это место может занять возрастная идентичность, позитивные и негативные стороны которой будут приниматься. Однако в этом случае вторая идентичность, бывшая значимой, вытесняется, тем самым не разрешая, а только усугубляя существующее противоречие. Непринимаемые ценности игнорируются, причиной чего служит процесс дифференциации — различения несопоставимых ценностей. Обе эти стратегии — пересечение и преобладание — представляют низкий уровень сложности социальной идентичности, поскольку существующее противоречие ценностей не находится своего разрешения.

Средней по сложности является третья стратегия, называемая дроблением. Она может считаться в некотором роде промежуточной и возникает в том случае, когда противоречия осознаны и происходили ситуативные попытки интеграции их в когнитивный образ себя. Частично эти попытки могли оканчиваться успехом, однако единой картины отношения к противоречию так и не сложи-

лось: в каждой новой ситуации актуализирующегося противоречия человек пытается разрешить его заново. Эта стратегия является достаточно неустойчивой и может заменяться как на менее, так и на более сложную. Она является достаточно распространенной среди людей с высоким уровнем рефлексии [7].

Наконец, четвертая стратегия, получившая название слияния, представляет собой, по мнению С. Роккас и М. Брюер, действительную сложность социальной идентичности. При ее наличии происходит одновременная дифференциация и интеграция противоречащих ценностей на постоянной основе. Примером такой стратегии может служить отнесение себя к «людям мира» (однако и в этом случае в зависимости от личности может проявляться как действительно сложная стратегия с осознанием всех значимых и в чем-то несопоставимых ценностей, так и стратегия низкого уровня, исключаяющая противоречия) [8; 9; 15; 16].

Программа эмпирического исследования

Изучение вопроса отношения к множественности своей социальной идентичности кажется нам очевидно необходимым в кросскультурном контексте, что и стало целью нашего исследования. Мы выбрали отношение к неопределенности (согласующееся со шкалой избегания неопределенности по Г. Хофстеде и со шкалой консерватизма-автономии по Ш. Шварцу) [6; 14] в качестве изучаемого фактора во взаимосвязи со сложностью социальной идентичности, поскольку он отвечает за отношение к внешним ситуациям неопределенности, а проти-

воречие ценностей вызывает неопределенность внутреннюю. В качестве гипотезы исследования мы предположили наличие взаимосвязи между этими двумя параметрами, причем саму взаимосвязь мы посчитали культурно универсальной, однако для конкретной выборки мы также предположили наличие специфики в этой взаимосвязи.

Исследование проводилось на двух выборках — российской и итальянской. 93 респондента (34 представителя Университета Вероны, Италия и 59 представителей Московского педагогического государственного университета и Московского городского психолого-педагогического университета, Россия) в возрасте от 19 до 22 лет участвовали в исследовании с октября 2012 года по апрель 2013 года.

Для реализации поставленной цели — выявления взаимосвязи и ее специфики внутри каждой выборки — нами был составлен опросник, включающий два блока методик. Первый блок был посвящен отношению к неопределенности и включал две методики: шкалу Баднера «Интолерантность к неопределенности» в адаптации Г.У. Солдатовой [2; 10] и шесть кейсов, описывающих ситуацию выбора определенности или неопределенности. Ниже приведен пример одного из предлагаемых кейсов, составленных на основе работ по изучению ориентации на неопределенность Р.М. Соррентино и др. [13; 17–21]: «Выпускница школы стоит перед важным, но противоречивым выбором, который определит ее будущее. Сейчас весна, приближается конец школьного учебного года — последнего в ее жизни. Девушка выпускается с отличными оценками, и многие университеты предлагают ей стипендию,

чтобы она могла учиться дальше. Некоторые из этих университетов находятся в других странах, в местах, где она никогда не бывала и о которых почти ничего не знает, по существу, в совершенно новых, неизвестных местах. В качестве альтернативы у нее есть стабильная и счастливая жизнь в маленьком городке, в котором она росла. Ее родители — владельцы процветающего ресторана, где она с удовольствием обслуживает посетителей и заботится о различных мелочах, включающих в себя жизнь ресторана. В конечном итоге родители готовы позволить ей возглавить ресторан, если она захочет. Что же сделает эта девушка? Следует ли ей ввязаться в непонятную авантюру и поступить в университет в месте, где она никогда не была и никого не знает? Или ей следует остаться с тем, что она прекрасно знает, работая в семейном ресторане с перспективой со временем стать его владельцем?».

Мы просили респондентов поставить себя на место героя ситуации и принять решение, по возможности аргументировав свой выбор. Текст для российской части выборки был представлен на русском языке, для итальянской — на английском языке с возможностью давать развернутые ответы по-итальянски. К каждому кейсу прилагалась шкала эмоционального комфорта и легкости принимаемого решения, которая являлась ключевой для нашего исследования. Проверка шкалы на надежность с помощью альфа-коэффициента Кронбаха дала результат 0.772, что подтверждает возможность ее применения в исследовании. Таким образом, в результате первого блока мы получали когнитивное и осознанно-эмоциональное отношение респондентов к неопределенности.

Второй блок опросника был посвящен отношению к множественной социальной идентичности. Он включал в себя шкалы оценки личной значимости каждого вида социальной идентичности (профессиональной, гендерной, возрастной, этнической, социально-экономической, гражданской и религиозной) и четыре тестовых вопроса с четырьмя ответами в каждом, ориентированными на осознанное описание выбираемой стратегии по С. Роккас и М. Брюер. Первая часть блока была необходима, поскольку дискурс сложности социальной идентичности подразумевает значимость, как минимум, двух идентичностей. Вторая часть блока – тестовые вопросы – включала в себя осознание противоречия между группами, оценку схожести значимых групп идентичности, восприятие сходства самого себя с образом типичного представителя значимой группы и собственно описание стратегии отношения. Каждый вариант ответа соответствовал одной из четырех стратегий и базировался на описании С. Роккас и М. Брюер.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждения

В результате нашего исследования были получены интересные данные, подтвердившие обе части гипотезы.

Во-первых, было выявлено наличие взаимосвязи между уровнем сложности социальной идентичности и отношением к неопределенности: на уровне 0.05 обнаружена значимая корреляция между интолерантностью к неопределенности и низким уровнем сложности социальной идентичности (табл. 1).

Таблица 1

Корреляция: сложность социальной идентичности и интолерантность к неопределенности

Корреляция Пирсона	Низкая сложность социальной идентичности	Средняя сложность социальной идентичности	Высокая сложность социальной идентичности
Интолерантность к неопределенности	,222*	-,021	-,192

* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

Это подтверждает наше предположение, что люди с высокой интолерантностью неопределенности (то есть менее склонные к принятию неопределенных ситуаций) будут иметь более простую социальную идентичность. Поскольку взаимосвязь является двусторонней, можно также сделать вывод, что люди с низким уровнем сложности идентичности менее терпимы к неопределенности. Подобный вывод согласуется с теорией сложности социальной идентичности, предполагающей, что как для более сложного уровня идентичности, так и для высокого уровня толерантности, в принципе, требуется вложение большего количества внутреннего ресурса.

При обработке данных по шкале Баднера предполагается подсчет не только общего индекса интолерантности к неопределенности, но также и индекса трех характеристик, служащих причинами возникновения интолерантности: новизны, сложности и неразрешимости [2]. Новизна характери-

зует неопределенную ситуацию как незнакомую, к которой человек не готов. Сложность подразумевает множество неизвестных компонентов, для анализа и реакции на которые нужно задействовать большее количество личных ресурсов. Неразрешимость предполагает невозможность прогнозировать развитие событий в неопределенной ситуации и невозможность корректировать свое поведение заранее. Для каждого респондента тот или иной фактор оказывается более значимым. Как показал анализ данных с помощью критерия Краскелла-Уоллеса, культурных различий в выраженности какого-либо одного фактора не наблюдается. Мы проанализировали корреляцию между низким уровнем социальной идентичности и выраженностью каждой из трех возможных причин интолерантности к неопределенности. В результате мы получили значимую на уровне 0.05 корреляцию с факторами новизны и сложности (табл. 2).

Таблица 2

Корреляция: низкая сложность социальной идентичности и факторы интолерантности к неопределенности

Корреляция Пирсона	Интолерантность к неопределенности: новизна	Интолерантность к неопределенности: сложность	Интолерантность к неопределенности: неразрешимость
Низкая сложность социальной идентичности	,267*	,221*	-,085

* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

Полученные данные можно проинтерпретировать следующим образом. Новизна включает в себя отношение к неполной информации о ситуации, а низкая сложность социальной идентичности подразумевает исключение этой информации из когнитивной структуры (в случае использования стратегии пересечения — игнорирование различий, в случае стратегии преобладания — игнорирование всей информации, касающейся других значимых групп, кроме одной доминирующей). Таким образом, неприятие новизны ситуации действительно трудносовместимо с усложнением социальной идентичности как с интеграцией постоянно поступающих в когнитивную структуру новых данных. Что касается выявленной взаимосвязи со сложностью как фактором интолерантности к неопределенности, то очевидно, что подобная взаимосвязь основана на избегании человеком задач, требующих осознания многофакторности и комплексности существующих обстоятельств — а эта характеристика относится и к неопределенным ситуациям и к понятию сложности социальной идентичности. Также справедливость нашей гипотезы подтверждает обнаруженная на уровне значимости 0.05 отрицательная корреляция фактора новизны и высокой сложности социальной идентичности (табл. 3).

Таблица 3

Корреляция: новизна как фактор интолерантности к неопределенности и высокая сложность социальной идентичности

Корреляция Пирсона	Высокая сложность социальной идентичности
Интолерантность к неопределенности: новизна	-,256*

* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

Также нами была выявлена и проанализирована взаимосвязь между эмоциональным комфортом в ситуации выбора определенности/неопределенности и уровнем сложности социальной идентичности. В исследуемой выборке была обнаружена значимая на уровне 0.01 корреляция между эмоциональным комфортом и высокой сложностью социальной идентичности, а также отрицательная корреляция между эмоциональным комфортом и средней сложностью (табл. 4).

Более интересными мы считаем полученные данные о значимой отрицательной взаимосвязи эмоционального комфорта и средней сложности социальной идентичности (то есть стратегии дробления). Согласно концепции С. Роккас и М. Брюер, дробление предполагает выбор предпочитаемой идентичности в каждый момент времени, в любой новой ситуации. То есть в зависимости от эмоциональной значимости этой ситуации, ее новизны и дополнительных факторов среды человек каждый раз совершает более или менее затратный (когнитивно и эмоционально) выбор. Вследствие этого постоянная необходимость делать выбор держит человека в постоянном психологическом напряжении. Именно поэтому стратегия дробления представляет промежуточную сложность: она может трансформироваться в пересечение или преобладание, если человек будет стремиться к снижению напряженности, или может перерасти в слияние, если человек признает действительную сложность и весь комплекс существующих противоречий в его идентичности. Однако состояние, сопровождающееся постоянным напряжением, которое снижается исключительно за счет ситуативности (имеется в виду, что не все происходящее в жизни человека требует решения противоречия идентичностей), представляет из себя эмоциональный дискомфорт. Именно это объясняет полученную отрицательную взаимосвязь. Данные подтверждают, что каждая ситуация неопределенности является стрессовой для человека со стратегией дробления, которая сама по себе является неопределенной и наименее устойчивой.

Следующим значимым для исследования вопросом была специфика изучае-

Таблица 4

Корреляция: эмоциональный комфорт в ситуациях неопределенности и сложность социальной идентичности

Корреляция Пирсона	Низкая сложность социальной идентичности	Средняя сложность социальной идентичности	Высокая сложность социальной идентичности
Эмоциональный комфорт в ситуации неопределенности	-,056	-,304**	,335**

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).

Согласно гипотезе нашего исследования, легкость принятия решения в ситуации неопределенности характеризует адаптированность человека к противоречивым условиям, которые включают в себя в том числе и когнитивное несоответствие ценностей двух значимых идентичностей. Поэтому статистически подтвержденная взаимосвязь эмоционального комфорта и высокой сложности идентичности кажется нам очевидной.

мой взаимосвязи в исследуемых культурах. Мы проанализировали полученные данные внутри каждой выборки (русской и итальянской в отдельности) и обнаружили разницу вклада той и другой в формирование культурно-универсальной взаимосвязи. В российской выборке значимой на уровне 0.01 оказалась взаимосвязь интолерантности к неопределенности с низким уровнем сложности социальной идентичности, а также отрицательная взаимосвязь с высоким уровнем социальной идентичности (табл. 5).

Таблица 5
Корреляция: интолерантность к неопределенности и сложность социальной идентичности (Россия)

Корреляция Пирсона	Низкая сложность социальной идентичности	Средняя сложность социальной идентичности	Высокая сложность социальной идентичности
Интолерантность к неопределенности	,385**	-,068	-,336**

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).

В итальянской выборке значимой на уровне 0.05 оказалась корреляция эмоционального комфорта и высокой сложности социальной идентичности (табл. 6).

Таким образом, мы можем сделать вывод о культурной специфичности исследуемой нами взаимосвязи в рамках данной выборки: упор на взаимосвязь со сложностью социальной идентичности когнитивного отношения к неопределен-

Таблица 6
Корреляция: эмоциональный комфорт в ситуации неопределенности и сложность социальной идентичности (Италия)

Корреляция Пирсона	Низкая сложность социальной идентичности	Средняя сложность социальной идентичности	Высокая сложность социальной идентичности
Эмоциональный комфорт в ситуации неопределенности	-,063	-,237	,412*

* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).

ности со стороны российской части выборки и эмоционального отношения — со стороны итальянской.

Выводы

Проанализировав полученные данные по российской и итальянской выборкам, мы можем предположить, что взаимосвязь уровня сложности социальной идентичности с отношением к неопределенности является универсальной в изучаемых культурах, однако нами были также отмечены определенные кросскультурные различия в проявлении этой взаимосвязи.

1. Было установлено, что среди российской выборки низкий уровень сложности социальной идентичности наблюдается у 33 % респондентов, средний уровень сложности — у 26 % и высокий уровень сложности — у 31 %. Среди итальянской выборки низкий уровень сложности социальной идентичности наблюдается у 32 % респон-

дентов, средний – у 49 % и высокий – у 19 %. В соответствии с критерием Краскелла-Уоллеса, распределение низкого уровня социальной идентичности можно считать одинаковым, тогда как средний и высокий уровни имеют различия в двух культурах (табл. 7 и рис.).

2. Было выявлено значимое наличие взаимосвязи между высокой сложностью социальной идентичности и эмоциональ-

ным комфортом ситуаций неопределенности. Также в общей выборке была выявлена отрицательная взаимосвязь между средней сложностью социальной идентичности и эмоциональным комфортом.

3. Одновременно с этим было установлено, что существует значимая взаимосвязь между низким уровнем сложности социальной идентичности и интолерантностью к неопределенности.

Таблица 7

Итоги по проверке гипотезы

	Нулевая гипотеза	Критерий	Значимость	Решение
1	Распределение социальной идентичности является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	1,000	Нулевая гипотеза принимается.
2	Распределение социальной идентичности является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.
3	Распределение социальной идентичности является одинаковым для категорий Национальность.	Критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок	,000	Нулевая гипотеза отклоняется.

Выводятся асимптотические значимости. Уровень значимости равен ,01.

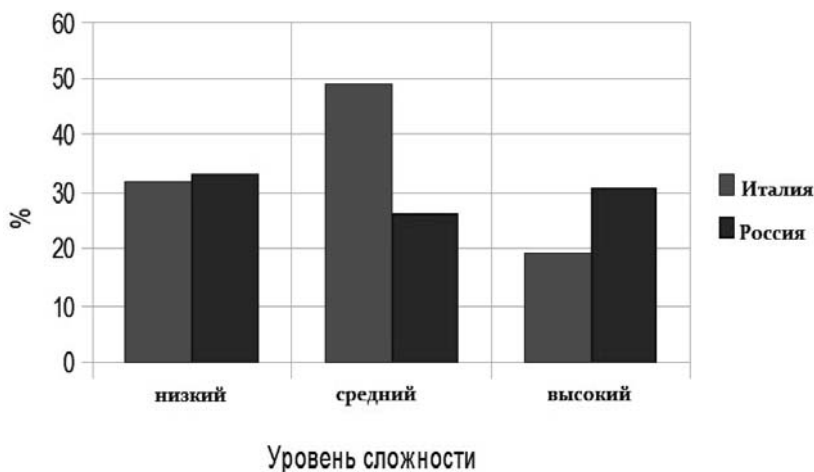

Рис. Выраженность уровня сложности социальной идентичности

4. При отдельном исследовании российской и итальянской выборок также была выявлена взаимосвязь исследуемых факторов. Для итальянской выборки значимой оказалась взаимосвязь высокого уровня сложности социальной идентичности с эмоциональным комфортом в случае неопределенности, тогда как для российской выборки была выявлена значимая отрицательная корреляция между высокой сложностью социальной идентичности и интолерантностью к неопределенности.

5. Среди выявленных взаимосвязей более подробно проанализирована корреляция низкого уровня сложности социальной идентичности с факторами, определяющими причину интолерантности к неопределенности: новизной ситуации, ее сложностью и неразрешимостью. Было выведено, что распределение этих факторов в российской и итальянской выборках является одинаковым, поэтому дальнейший анализ проводился на совокупной выборке из всех респондентов. В результате была обнаружена взаимосвязь низкого уровня сложности социальной идентичности с двумя факторами интолерантности к неопределенности: новизной и сложностью. Взаимосвязь с неразрешимостью оказалась незначимой.

Таким образом, справедливость гипотезы нашего исследования подтвердилась. Во-первых, мы выявили, что в изучаемых культурах существует взаимосвязь между отношением к неопределен-

ности и уровнем сложности социальной идентичности. Во-вторых, эта взаимосвязь является культурно специфичной и возникает вследствие разных причин (в нашем исследовании с когнитивной стороны — в российской культуре и с эмоциональной — в итальянской, причем в данном случае и те и другие причины являлись осознанными).

Данное исследование имеет важное значение для современной социальной и кросскультурной психологии. С помощью разработанного инструментария мы сможем вплотную подойти к изучению вопроса социальной идентичности, который является очевидным для бытовой психологии, но крайне сложен для существующих измерений научной, поскольку социальная идентичность требует одновременного осознания и ситуативной актуализации, что крайне сложно уловить в рамках привычных условий исследования. Полученные эмпирические данные позволяют нам предполагать, что с помощью выявленной взаимосвязи можно работать с повышением сложности социальной идентичности на практике, используя особенности культуры и личное отношение к неопределенности (например, отрабатывая данную тему в тренинговом формате). Усложнение социальной идентичности может повысить адаптивность к современным постоянно меняющимся условиям и увеличивающимся скоростям жизни в большом городе, а также способствовать расширению образа себя и окружающего мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самсонова М.С. Межэтнические отношения и сложность социальной идентичности // Материалы международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. Чистякова [Электронный ресурс]. М., 2011.
2. Солдатова Г.У. и др. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности. М., 2003.

3. Федорова Е.В. Взаимосвязь идентичности и когнитивной сложности личности: Дисс. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.
4. Хайт М.А. Сложность социальной идентичности: особенности взаимосвязи с эго-идентичностью // Психологические исследования: Вып. 6. М., 2012.
5. Хухлаев О.Е., Хайт М.А. Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккаса и М. Брюера // Социальная психология и общество. 2012. № 3.
6. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2.
7. Юртаева М.Н. Исследование когнитивных и личностных особенностей толерантности к неопределенности // ТОЧКА ЗРЕНИЯ. 2010. № 8.
8. Brewer M.B. Social Identity Complexity and Outgroup Acceptance // Improving intergroup relations: Building on the legacy of Thomas F. Pettigrew. 2008. Т. 2.
9. Brewer M.B., Pierce K.P. Social identity complexity and outgroup tolerance // Personality and Social Psychology Bulletin. 2005. Т. 31. № 3.
10. Budner S. Intolerance of ambiguity as a personality variable // Journal of personality. 1962.
11. Chao G.T., Moon H. The Cultural Mosaic: A Metatheory for Understanding the Complexity of Culture // Journal of Applied Psychology. 2005. Vol. 90. № 6.
12. Ferguson A. Intersections of Identity: Navigating the Complexities // Journal of Personality and Social Psychology. 1990.
13. Hodson G., Sorrentino R.M. Uncertainty orientation and the Big Five personality structure // Journal of Research in Personality. 1999. Т. 33. № 2.
14. Hofstede G.H., Hofstede G. Culture's consequences. SAGE Publications, Incorporated. 2001.
15. Miller K.P., Brewer M.B., Arbuckle N.L. Social Identity Complexity: Its Correlates and Antecedents // Group Processes and Intergroup Relations. 2009. Vol 12. № 1.
16. Roccas S., Brewer M.B. Social Identity Complexity // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol. 6. № 2.
17. Shuper P.A., Sorrentino R.M. Minority versus majority influence and uncertainty orientation: Processing persuasive messages on the basis of situational expectancies // The Journal of social psychology. 2004. Т. 144. № 2.
18. Sorrentino R.M. et al. A Theory of Uncertainty Orientation // Trends and prospects in motivation research. Springer Netherlands. 2002.
19. Sorrentino R.M. et al. Uncertainty orientation and emotional responses to everyday life within and across cultures // Retrieved on November. 2004. Т. 2.
20. Sorrentino R.M. et al. Uncertainty orientation and trust in close relationships: Individual differences in cognitive styles // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Т. 68. № 2.
21. Szeto A.C.H. et al. Motivation and performance: Uncertainty regulation in Canada and Japan // Motivation and Emotion. 2011. Т. 35. № 3.

Cross-cultural Research on Correlation between Social Identity Complexity and Attitude to Ambiguity in Russia and Italy

M.A. KHAYT

PhD student at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education

The article introduces results of cross-cultural research of social identity complexity in connection with attitude to ambiguity as one of the cultural differences' factor. This research is based on S. Roccas & M. Brewer concept of Social Identity Complexity (2002), cultural measures by G. Hofstede, and the Schwartz Value Survey by S. Schwartz. The main hypothesis of the research is that there is a positive correlation between the level of social identity complexity (SIC) and the attitude to ambiguity. The sample included Russian and Italian students aged 19–22, n = 93. With the help of a special questionnaire developed for this research we found significant correlation between intolerance to ambiguity (including specific reasons of intolerance) and low level of SIC. We also found significant correlation between emotional comfort of ambiguity situations and high (positive corr.) and middle (negative corr.) levels of SIC. The cultural specificity of those correlations was also discovered: cognitive aspect seems to be more important for the Russian part of the sample, and emotional – for the Italian part. We can conclude that the researched connection is culturally universal in general, but has its specificity in the Russian and Italian cultures.

Keywords: *social identity, social identity complexity, orientation to ambiguity, cultural differences*

REFERENCES

1. *Samsonova M.S.* Mezhdunarodnye otnosheniya i slozhnost' social'noj identichnosti // Materialy mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "LOMONOSOV-2011" / Otv. red. A.I. Andreev, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov, M.V. Chistjakova [Elektronnyj resurs]. M., 2011.
2. *Soldatova G.U.* i dr. Praktikum po psihodiagnostike i issledovaniju tolerantnosti lichnosti. M., 2003.
3. *Fedorova E.V.* Vzaimosvjaz' identichnosti i kognitivnoj slozhnosti lichnosti: Diss. ... kand. psihol. nauk. Jaroslavl', 2004.
4. *Hajt M.A.* Slozhnost' social'noj identichnosti: osobennosti vzaimosvjazi s jego-identichnost'ju // Psihologicheskie issledovanija: Vyp. 6. M., 2012.
5. *Huhlaev O.E., Hajt M.A.* Slozhnost' social'noj identichnosti: koncepcija S. Roccas i M. Brjuera // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2012. № 3.
6. *Shvarc Sh.* Kul'turnye cennostnye orientacii: priroda i sledstvija nacional'nyh razlichij // Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2008. T. 5. № 2.

7. *Jurtaeva M.N.* Issledovanie kognitivnyh i lichnostnyh osobennostej tolerantnosti k neo-predelennosti // TOChKA ZRENIJa. 2010. № 8.
8. *Brewer M.B.* Social Identity Complexity and Outgroup Acceptance // Improving intergroup relations: Building on the legacy of Thomas F. Pettigrew. 2008. T. 2.
9. *Brewer M.B., Pierce K.P.* Social identity complexity and outgroup tolerance // Personality and Social Psychology Bulletin. 2005. T. 31. № 3.
10. *Budner S.* Intolerance of ambiguity as a personality variable // Journal of personality. 1962.
11. *Chao G.T., Moon H.* The Cultural Mosaic: A Metatheory for Understanding the Complexity of Culture // Journal of Applied Psychology. 2005. Vol. 90. № 6.
12. *Ferguson A.* Intersections of Identity: Navigating the Complexities // Journal of Personality and Social Psychology. 1990.
13. *Hodson G., Sorrentino R.M.* Uncertainty orientation and the Big Five personality structure // Journal of Research in Personality. 1999. T. 33. № 2.
14. *Hofstede G.H., Hofstede G.* Culture's consequences. SAGE Publications, Incorporated. 2001.
15. *Miller K.P., Brewer M.B., Arbuckle N.L.* Social Identity Complexity: Its Correlates and Antecedents // Group Processes and Intergroup Relations. 2009. Vol 12. № 1.
16. *Roccas S., Brewer M.B.* Social Identity Complexity // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol. 6. № 2.
17. *Shuper P.A., Sorrentino R.M.* Minority versus majority influence and uncertainty orientation: Processing persuasive messages on the basis of situational expectancies // The Journal of social psychology. 2004. T. 144. № 2.
18. *Sorrentino R.M. et al.* A Theory of Uncertainty Orientation // Trends and prospects in motivation research. Springer Netherlands. 2002.
19. *Sorrentino R.M. et al.* Uncertainty orientation and emotional responses to everyday life within and across cultures // Retrieved on November. 2004. T. 2.
20. *Sorrentino R.M. et al.* Uncertainty orientation and trust in close relationships: Individual differences in cognitive styles // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. T. 68. № 2.
21. *Szeto A.C.H. et al.* Motivation and performance: Uncertainty regulation in Canada and Japan // Motivation and Emotion. 2011. T. 35. № 3.

Личностные особенности людей с разным профилем субъективного качества жизни

А.А. ЗАИЧЕНКО

*магистрант Инженерно-технологической академии
Южного федерального университета*

Т.В. ЭСАКУСТО

*кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности Инженерно-технологической академии
Южного федерального университета*

В статье излагаются результаты исследования субъективного качества жизни личности и типологии его профилей, описываются взаимосвязи развития личностных особенностей респондентов с их уровнями и профилями СКЖ, демонстрируется динамика изменения показателей личностного развития при переходе к более благополучному и гармоничному профилю субъективного качества жизни. В исследовании основной методикой выступал специально разработанный многошкальный опросник, позволяющий определять уровни и профили качества жизни, взаимосвязи показателей в разных сферах жизнедеятельности. На основании выявленных взаимосвязей и зависимостей удалось описать структуру и типологические особенности людей с разным профилем субъективного качества жизни, показать причинно-следственную связь изменений субъективной оценки своей жизни в случае более высокого интегрального личностного развития.

Ключевые слова: *качество жизни, субъективное качество жизни, типология, профиль развития, личностные особенности, субъектность.*

Введение

Современное общество предъявляет высокие требования к человеку как субъекту профессиональной деятельности, субъекту своей жизни, что связано с инновационными изменениями во всех сферах жизнедеятельности: политической, экономической, социальной, информационной и т. п. Происходящие изменения потенциально или реально несут в себе определенное напряжение, нестабильность для человека, поскольку

ему приходится приспосабливаться к новым событиям и ситуациям, преодолевать возникающие трудности. В этих обстоятельствах большое значение приобретает возможность человека адекватно (и благоприятно с точки зрения преодолимости и результата) оценивать существующие условия, видеть перспективу своего развития в связи с имеющимися обстоятельствами. Такая возможность появляется у человека лишь в том случае, когда свою жизнь, ее качество он оценивает как зависящие от него самого,

своих способностей, веры в будущее и в успех. Таким образом, современная ситуация определяет постановку достаточно актуальной проблемы современного общества — проблемы субъективного качества жизни. В настоящее время вопрос о содержании и структуре понятия «качество жизни» остается дискуссионным. Вопросы качества жизни широко рассматриваются как отечественными (С.А. Айвазян, М.Н. Алферова, В.К. Бочкарева, Т.А. Буров, Г.М. Головина, Е.В. Давыдова и А.А. Давыдов, Е.Е. Задесенец, Г.М. Зараковский, Е.К. Казаков, А.Е. Когут, Л.А. Кузьмичев, П.С. Мстиславский, Т.Н. Савченко, М.В. Федоров и др.), так и зарубежными (Л. Андерсон, Д. Джонстон, А. Кемпбелл, Л. Леви, У. Роджерс, А. Тойнби и др.) исследователями. Однако большой пласт исследований позволяет рассматривать качество жизни лишь с точки зрения внешних (социальных) условий и их соответствия ожиданиям, «стандартам» человека [4; 13; 15]. При этом данная проблема остается недостаточно изученной с позиций субъектной основы качества жизни. С этой точки зрения понятие «субъективное качество жизни» приобретает особый контекст и содержание, открывает большие перспективы для исследователей.

Теоретический анализ проблемы субъективного качества жизни (СКЖ) и его основных составляющих показал (Г.М. Головина, З.Ф. Дудченко, Д.А. Леонтьев, И.В. Мащенко, Т.Н. Савченко, П.П. Фесенко и др.), что существующая модель СКЖ включает в себя два основных компонента — когнитивный (как совокупность представлений, субъективных оценок и убеждений человека о себе и о собственной жизни) [2; 4; 12] и аф-

фективный (баланс позитивных и негативных аффектов в жизни субъекта, включающий уровень удовлетворения человеком своих потребностей, субъективное отношение к своей жизни, что сопровождается определенными эмоциональными оценками и переживаниями) [1; 6; 9; 14]. Сочетание когнитивного и аффективного компонентов СКЖ отражает самостоятельную оценку человеком своей жизни в зависимости от его ценностей и убеждений, предопределяет возможности раскрытия потенциала личности, что приводит к необходимости обращения к понятиям субъекта и субъектности [3; 11].

Субъект как высший уровень гармоничного развития самореализующейся личности [4; 7] и субъектность как мера ответственности человека за происходящее с ним, выбор им поведенческих стратегий в соответствии с внутренними и внешними условиями, активность и самостоятельность в преодолении жизненных трудностей [13] становятся базисом, во многом определяющим субъективное качество жизни. Субъектность как сложное и многомерное понятие можно рассматривать в качестве совокупности «статического», «динамического» аспектов и аспекта «результативности» [10].

1) Отражением относительной устойчивости характеристик субъекта, их сбалансированности и гармоничности выступает «статический» аспект, который включает совокупность ценностно-смысловых и духовно-нравственных ориентаций [10]. Как отмечается многими исследователями (К.А. Абульханова, В.И. Моросанова, В.Н. Сагатовский, Е.А. Сергиенко), основу субъектности составляют именно смыслообразование

и формирование ценностной значимости жизнедеятельности личности [4; 7].

2) «Динамический» аспект раскрывает переменные, отражающие движение человека к развитию, его направленность, способность к гибкости, «изменчивости» в соответствии с условиями внешней среды, что способствует самосовершенствованию субъекта. К этим переменным можно отнести личностный рост, цели, саморазвитие и т. п. (А.П. Корнилов, В.И. Моросанова, А.К. Осницкий и др.) [10].

3) Аспект «результативности» как отражение возможностей субъекта находить меру соответствия наличным условиям, что, в конечном счете, определяет устойчивость человека и его оценку различного рода влияний окружающего мира, эффективность его адаптации к ним, включает такие переменные как жизнестойкость, самореализация, адаптивность и т. п. (К.А. Абульханова, Д.А. Леонтьев, А.Б. Холмогорова и др.) [там же].

Учитывая когнитивную и аффективную составляющие, а также выделенные аспекты субъектности, можно предположить, что СКЖ включает в себя следующие компоненты.

1. Ценностные и смысловые ориентации (соответствуют когнитивному компоненту СКЖ и «статическому» аспекту субъектности), которые отражают целостную, относительно непротиворечивую картину мира субъекта, его понимание и осознание текущей жизненной ситуации [1; 4; 11].

2. Цели и устремления (соответствуют когнитивному компоненту СКЖ и «динамическому» аспекту субъектности) как возможность видеть (осознавать) перспективы развития своего Я и

своей жизни. При этом цели можно понимать как попытку достижения человеком какого-либо конкретного результата, который в деталях представлен в его «модели желаемого будущего». Устремления направляют поведение человека (они представлены, как правило, в субъективных ориентирах: «быть в мире с собой», «быть в единстве со вселенной» и т. п.) и объединяют множество целей [2; 12; 16].

3. Удовлетворенность жизнью (соответствует аффективному компоненту СКЖ и аспекту «результативности») характеризует оценку субъектом своей жизни, субъективное отношение человека к различным сферам жизнедеятельности [1; 9].

Таким образом, под субъективным качеством жизни можно понимать совокупность ценностно-смысловых ориентаций, целей, устремлений и степень удовлетворенности ими субъекта в соответствии с основными параметрами биожизненных, материальных, духовных и социокультурных потребностей в различных сферах жизнедеятельности человека.

Теоретический анализ исследований показал, что полнота, модальность и направленность переживания субъектом своего благополучия зависят от множества личностных особенностей человека. Большую роль играют саморегуляция и ощущение полноты жизни, осознание нужности другим людям, личностный рост, наличие смысла жизни (проведенные американскими психологами эмпирические исследования показали, что понимание смысла сопряжено с удовлетворенностью жизнью, тогда как нехватка смысла способствует появлению депрессивных состояний [12]). К личностным

детерминантам, определяющим качество жизни, относят также социальную установку на успех или неуспех и такие переменные (субъективные для каждого человека), как самостоятельное преодоление трудностей, степень социально-психологической обращенности к другим, потребность в оценке результата окружающими, потребность в лучшем, чем у других, результате и т. д. (К.А. Абульханова); мотивацию достижения (Т.Н. Савченко и Е.Я. Соколов); образ мира как индивидуализированную культурно-историческую основу восприятия и субъективную прогностическую модель будущего (Н.В. Виничук, 2008); уважение к себе, социальную активность («энергетические способности»), силу «Я» личности (люди с высоким показателем силы «Я» более успешны и зачастую характеризуются оптимистическим стилем объяснения событий, что приводит их к большей удовлетворенности жизнью) (М.Ю. Миание) [2; 5; 6].

Многообразие представленных переменных требует систематизации данных. В ходе теоретического анализа авторами данной работы были выявлены личностные переменные, которые характеризовались инвариантностью в большем количестве исследований. Эти переменные условно можно соотнести с основными компонентами структуры личности: когнитивным (выстроенная и осознаваемая система ценностей), аффективно-мотивационным (удовлетворенность личности, отношение к себе, мотивация достижения), поведенческим (жизнестойкость, контроль, стабильность выбора, принятие риска), что и определило необходимость их изучения у людей с разными особенностями субъективного качества жизни.

Программа эмпирического исследования

Цель исследования: изучение личностных особенностей людей с разным профилем субъективного качества жизни.

Объект исследования — люди с разным профилем субъективного качества жизни, где профиль субъективного качества жизни представляет собой совокупность ценностно-смысловых ориентаций, целей, устремлений и степень удовлетворенности ими субъекта в различных сферах жизнедеятельности.

Предмет — личностные особенности людей (соответствующие когнитивному, аффективному, поведенческому компонентам личности) с разным профилем субъективного качества жизни.

С целью выявления уровней СКЖ личности с учетом компонентов СКЖ и сфер его реализации в жизни субъектов использовалась методика «Субъективное качество жизни личности» [11]. С целью изучения профилей СКЖ проводился кластерный анализ, где основными переменными для выявления кластеров выступили компоненты субъективного качества жизни — ценностные и смысловые ориентации, цели и устремления, удовлетворенность различными сферами жизнедеятельности.

Для изучения личностных особенностей людей с разными профилями СКЖ использовались методики: «Тест смысловых ориентаций (СЖО)» Д.А. Леонтьева; «Оценка качества жизни» З.Ф. Дудченко; «Уровень рефлексивности» А.В. Карпова; «Тест жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой; «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, Л.М. Эткинды;

«Тест мотивации достижения» А. Мехрабиана; «Шкала психологического благополучия» К. Рифф.

В исследовании приняли участие 180 человек в возрасте от 18 до 50 лет (76 мужчин и 104 женщины).

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования были выявлены три группы респондентов с разным уровнем субъективного качества жизни: 34 человека (19 %) с высоким интегральным показателем СКЖ, 113 (62 %) со средним интегральным показателем СКЖ и 33 (19 %) с низким СКЖ. Интегральный показатель позволил выявить степень сформированности у испытуемых структуры жизненных ценностей, наличие целей и жизненных устремлений, направленных на достижение субъективного благополучия в различных областях жизни.

Таким образом, респонденты с высоким уровнем СКЖ ориентированы на личностный рост и развитие, ощущают себя успешными, независимыми. Они более осознанно и осмысленно подходят к анализу собственной жизни, ориентированы на поиск внутренних детерминант развития, более устойчивы к постоянным изменениям, готовы действовать и достигать результата в различных сферах жизни, не боятся рисковать. В целом они характеризуются позитивными представлениями о себе и своем развитии в различных сферах жизнедеятельности. В отличие от них, субъекты с низким СКЖ характеризуются неблагоприятным жизненным настроем, преобладанием негативных суждений о себе и

жизни в целом, низкими показателями осмысленности и устойчивости, что говорит о неспособности выстраивать жизненный путь и достигать значимых целей, т. е. о низком качестве жизни.

В процессе исследования был отмечен интересный факт: 113 участников исследования по интегральному показателю СКЖ составили подвыборку со средним уровнем, т. е. данная группа характеризуется неопределенностью жизненных ориентиров, средним уровнем благополучия. Полученная «усредненность» показателей в данной группе, с одной стороны, может расцениваться как диагностически незначимый факт, с другой — позволяет говорить о необходимости выявления характерных особенностей субъективного благополучия у людей не с точки зрения уровня СКЖ, а с точки зрения его содержательных характеристик (профиля СКЖ). С этой целью был проведен кластерный анализ. В результате были выявлены достоверно 6 видов профилей СКЖ, 3 из которых отличаются гармоничным и 3 дисгармоничным распределением показателей. Гармоничность/дисгармоничность профиля определялась по наличию одновременно как низких, так и высоких результатов по разным компонентам СКЖ. Соответственно, дисгармоничность профиля указывает на неравномерность, «асимметричность» выраженности показателей СКЖ (например, когда при высоких значениях ценностных и смысловых ориентаций в какой-то сфере жизнедеятельности у человека обнаруживаются низкие показатели по целям и устремлениям в этой сфере).

Особенности, обнаруженные при распределении профилей СКЖ, позволили описать кластеры следующим образом.

1. *Гармоничный благоприятный профиль* (у 19 % респондентов в общей выборке) — субъекты с данным профилем ориентированы на личностный рост и развитие, ощущают себя успешными и независимыми, более осознанно и осмысленно подходят к анализу собственной жизни, наиболее благополучны психологически и устойчивы к переменам окружающей действительности во всех сферах жизнедеятельности.

2. *Гармоничный неблагоприятный профиль* (16 %) — субъекты с данным типом профиля характеризуются неблагоприятным жизненным настроем, преобладанием негативных суждений о себе и жизни в целом, что говорит об их неспособности выстраивать осознанный жизненный план и достигать значимых целей вне зависимости от сферы жизнедеятельности.

3. *Гармоничный усредненный профиль* (10 %) — субъекты с присущим им потенциалом развития, но неясными ориентирами, неопределенными приоритетами. Они достаточно неустойчивы в выборе целей жизни, зависят от ситуации; в принятии решений руководствуются зачастую более легким вариантом, который не всегда приводит к развитию. Это делает благополучие неустойчивым и в большей степени зависящим от ситуации извне.

4. *Дисгармоничный профиль «Неопределенность целей»* (21 %) — для респондентов характерна сформированная система ценностей и смыслов, они удовлетворены своей жизнью и текущим положением дел, однако для них характерно отсутствие планов на будущее, нет ориентации на развитие, слабо выражены стремления к достижению целей. Такая неопределенность в постановке целей

особенно характерна для сфер жизни, которые в системе ценностей занимают все остальные позиции, кроме лидирующей. Внимания и осознанности такого субъекта может хватать только на одну конкретную задачу, что обедняет разнообразие жизни.

5. *Дисгармоничный профиль «Неудовлетворенность жизнью»* (17 %) — субъекты данной группы знают свои жизненные приоритеты и постоянно стремятся к реализации целей, при этом не удовлетворены своими достижениями, разочарованы в том, чем обладают на настоящий момент. Важно отметить, что наибольшая «разбалансированность», эмоциональная неудовлетворенность проявляются в жизненно важных сферах (таких как семья, карьера, личностный рост и развитие).

6. *Дисгармоничный профиль «Необоснованные амбиции»* (13 %) — данные субъекты характеризуются неудовлетворенностью жизнью и не видят смысла и ценности в том, что делают, однако постоянно стремятся к реализации своих целей и готовы активно действовать для достижения результата, значимость которого им не ясна. Они чаще всего настолько ориентированы на «внешние», материальные достижения (материальное благополучие, отношения с другими, защита собственных интересов в обществе), что в сферах личностного роста и развития субъекты зачастую не видят смысла, не ставят задачи преодоления трудностей, не планируют высоких достижений.

На втором этапе исследования были изучены личностные особенности людей с разным профилем СКЖ.

Сравнительный анализ личностных особенностей, с точки зрения когнитивного компонента, проводился по пере-

менным: смысложизненные ориентации, осознанность целей, локус контроля жизни и собственного поведения (результаты представлены в табл. 1).

Анализ показал, что наиболее высокий показатель осмысленности жизни характерен для людей с «гармоничным благополучным профилем» ($N = 35,3$ при $p < 0,01$). Они осознают свои жизненные цели, характеризуются высокой ответственностью за процесс реализации своих планов и жизненных перспектив (в отличие от людей с профилем «необоснованность амбиций»). Субъекты с профилем «необоснованность амбиций» характеризуются отсутствием понимания цели как ценностного ориентира ($N = 39,4$ при $p < 0,01$) и, несмотря на стремление к достижению, их цели в жизни обесценены и незначимы. Самые низкие показатели осмысленности жизни и понимания своих целей характерны для людей с «гармоничным неблагоприятным» профилем СКЖ, что выражается в их неспособности планомерно выстраивать

свои цели, прогнозировать будущие результаты, сопоставлять причину и следствие происходящего. У субъектов с профилями «неудовлетворенность жизнью» и «усредненный гармоничный» осознанность целей представлена средними по выраженности показателями, они осознают наиболее значимые цели, но не могут охватить всю перспективу в целом и взять на себя ответственность за планирование своего будущего (локус контроля Я: $N = 41,2$ при $p < 0,01$ и локус контроля Жизнь: $N = 39,2$ при $p < 0,01$). Анализ профиля «неопределенность целей» позволяет охарактеризовать таких людей как неспособных выстроить модель будущего и своих действий в достижении этого будущего. Они не осознают, что для организации благополучной жизни необходимо планировать и выстраивать ориентиры будущего ($N = 19,7$ при $p < 0,01$).

Сравнительный анализ личностных особенностей, относящихся к аффективно-мотивационной сфере, позволил получить результаты (табл. 2).

Таблица 1

Когнитивный компонент¹

Профиль СКЖ	СЖО	Цели	Локус контроля Я	Локус контроля жизни	Личностный рост	Цель в жизни
1. ГБ	132	38	26	30	9	8
2. ГНеб	67	14	12	17	4	3
3. Уср.	104	31	20	24	6	7
4. НЦ	83	21	14	27	6	5
5. НеудЖ	111	32	22	21	6	5
6. НА	81	26	20	21	4	6

Примечания: ГБ – гармоничный благополучный профиль; ГНеб – гармоничный неблагоприятный профиль; Уср. – профиль усредненных оценок; НЦ – дисгармоничный профиль «неопределенность целей»; НеудЖ – дисгармоничный профиль «неудовлетворенность жизнью»; НА – дисгармоничный профиль «необоснованность амбиций».

¹ Эмпирические данные в таблице представлены средними значениями баллов по методикам и шкалам.

Аффективно-мотивационный компонент

Профиль СКЖ	Интегральная оценка КЖ	Принятие результата	Мотивация достижения	Отношения с другими	Самопринятие
1. ГБ	87	31	188	8	8
2. ГНеб	32	14	92	3	2
3. Уср.	60	24	148	5	4
4. НЦ	70	23	109	6	7
5. НеудЖ	36	29	126	3	2
6. НА	53	23	164	6	3

См. примечания к табл. 1.

Наиболее замотивированными и готовыми к реализации поставленных перед собой задач являются люди с «гармоничным благоприятным» и «усредненным гармоничным» профилями. Гармоничное распределение результатов: соответствие благоприятного настроения (достоверные отличия по показателю «интегральная оценка КЖ» – $H = 30,7$ при $p = 0,01$) и готовности вкладывать собственные ресурсы в процесс достижения результата – способствуют принятию себя ($H = 28,1$ при $p = 0,01$) и окружающего мира, позволяют благоприятно оценивать происходящие события с точки зрения своего личностного развития. В отличие от них, субъекты с профилями «гармоничный неблагоприятный» и «неудовлетворенность жизнью» в силу неблагоприятной оценки окружающего мира характеризуются неустойчивым эмоциональным состоянием, у них нет возможности адекватно оценивать продуктивность своих действий, принимать обстоятельства такими, какие они есть. Их отличает восприятие своей жизни как неблагоприятной, любой результат их деятельности обесценивается, что снижает мотивацию на достижение каких-либо целей. Для субъектов с профилем «необоснованность амбиций», с од-

ной стороны, характерна нацеленность на процесс, на результат своей деятельности. С другой стороны, такие люди не удовлетворены последствиями своих достижений, тем, что имеют. В силу диссонанса эти субъекты характеризуются низкой психологической устойчивостью и неблагоприятием, что потенциально может привести к внутриличностному конфликту. Люди с дисгармоничным профилем «неопределенность целей», наоборот, достаточно осознанно подходят к своей жизни, видят в ней ресурс и потенциал, удовлетворены окружающими благами, результатами, которых удалось достигнуть. Однако для них характерна очень низкая мотивация достижения ($H = 51,2$; при $p = 0,01$), что приводит к низкой активности и энергичности в достижении целей.

Сравнительный анализ личностных особенностей, соотносящихся с поведенческим компонентом, показал, что такие переменные, как жизнестойкость ($H = 25,6$; при $p < 0,01$), умение рисковать ($H = 48,9$; при $p < 0,01$), проявлять инициативу, вовлекаясь в новые отношения, характерны, прежде всего, для людей с «Гармоничным благоприятным» профилем СКЖ. Именно эти субъекты способны видеть перед собой результат дея-

тельности и целенаправленно предпринимать шаги к его достижению, контролировать внешние изменения, меняя свое поведение в соответствии с ситуацией (достоверно более высокая «автономность»: $H = 49,3$; при $p < 0,01$). Такие особенности поведенческих паттернов отражаются в достоверно более высоких результатах (в этой группе) по показателям «Контроль» и «Принятие риска» (см. табл. 3).

Наиболее ограниченным, неустойчивым поведенческим стилем деятельности обладают люди с «Гармоничным неблагоприятным» профилем СКЖ. Они не склонны рисковать, готовы отступать в сложных ситуациях, их деятельность зачастую нерезультативна, а поведение характеризуется зависимостью от внешних событий и окружающих. Субъекты с профилями «Необоснованность амбиций» и «Неудовлетворенность жизнью» (в этом кластере достоверно самый низкий показатель вовлеченности: $H = 54,7$; при $p < 0,01$) не удовлетворены своей жизнью и в целом настроены достаточно безразлично к происходящим в ней изменениям. Они не могут управлять ситуацией, а их жизнестойкость характеризуется достаточно низкими значениями (см. табл. 3). Людей с профилем «Не-

определенность целей» можно охарактеризовать как внутренне неустойчивых, не способных противостоять внешним изменениям (достоверно низкие показатели контроля ситуации $H = 51,2$; при $p < 0,01$). Несмотря на их автономность выбора и умение быть самостоятельными, независимыми, они не обладают внутренним ресурсом для достижения своих целей. Субъекты с профилем «Усредненный гармоничный» обладают большей вариативностью, ситуативностью поведения. Однако в соответствии с полученными результатами можно предположить, что в случае возникновения новых сложных ситуаций, требующих определенного риска (склонность к риску в целом по группе снижена), гибкость таких респондентов снижается, а стиль поведения становится менее автономным, вариативным и неэффективным.

Достоверность выявленных различий по исследуемым показателям поведенческого компонента позволяет сделать вывод о том, что более устойчивое поведение, стабильность и уверенность в своих действиях характерна профилям с гармоничным развитием и с высоким показателем СКЖ по компоненту «Удовлетворенность жизнью». Другими слова-

Таблица 3

Поведенческий компонент

Профиль СКЖ	Жизнестойкость	Вовлеченность	Принятие риска	Контроль	Автономия	Управление окружением
1. ГБ	121	46	27	47	8	7
2. ГНеб	54	30	7	17	2	2
3. Уср.	83	38	18	26	5	4
4. НЦ	68	39	12	17	7	4
5. НеудЖ	61	19	12	30	5	6
6. НА	91	48	26	16	3	4

См. примечания к табл. 1.

ми, именно удовлетворенность жизнью может выступать детерминантой уверенного поведения, готовности к действию, положительного принятия условий ситуации (эти данные согласуются с исследованиями М. Аргайла).

Полученные результаты статистического анализа позволяют составить «психологический портрет» личности, обладающей тем или иным профилем СКЖ с учетом основных сфер жизнедеятельности.

Гармоничный благоприятный профиль СКЖ. Субъекты с данным профилем владеют собственным настроением и гибко реагируют на внешние воздействия, отличаются целеустремленностью и способностью контролировать процесс планирования и реализации своих целей и задач. Этим людям отличает устойчивая система ценностей, они ориентированы на личностный рост и развитие, ощущают себя успешными и независимыми, более осознанно и осмысленно подходят к анализу собственной жизни. Данные субъекты эффективно выстраивают отношения с миром, с окружающими, с собой, отличаются автономностью и независимостью, что способствует росту их жизнестойкости и самостоятельности. Они характеризуются способностями к самоорганизации и стремлением проявлять свою активность вне зависимости от сферы познания и деятельности. Все это способствует удовлетворенности жизнью, высокому ее качеству.

Гармоничный неблагоприятный профиль СКЖ. Субъекты с данным типом профиля характеризуются неблагоприятным восприятием жизни во всех сферах жизнедеятельности. Склонность к пессимизму в большинстве слу-

чаев сопровождается непринятием себя, закрытостью, низкой способностью к самореализации. Они не склонны ставить перед собой серьезные цели и активно вовлекаться в происходящие ситуации. Данные респонденты могут отличаться как низкой осознанностью своих действий, так и, наоборот, склонностью к излишнему самоанализу, искаженной заниженной оценке собственных достижений. Субъектность данных респондентов развита достаточно слабо, что подтверждается их неспособностью контролировать процесс жизни, отсутствием у них ресурсов справляться с возникающими трудностями, сложными ситуациями.

Гармоничный усредненный профиль СКЖ. Такие люди отличаются относительно высокой активностью, проявляющейся лишь в тех сферах жизнедеятельности, которые связаны с достаточно узким и четко осознаваемым ими кругом ценностных ориентаций. Эти респонденты готовы решать конкретные жизненные задачи и ставить те цели, которые не требуют большой активности, инициативности, готовности рисковать. Они не отличаются оптимистичностью, однако их субъективное благополучие достаточно выражено. Эти люди действуют по принципу «как повезет», а в принятии решений руководствуются зачастую выбором более легкого варианта, который не всегда приводит к личностному развитию. При этом выбирая простые пути в процессе, они достигают конкретных результатов и в итоге — реализуют свои цели.

Дисгармоничный профиль СКЖ «Неопределенность целей». Для респондентов с данным профилем харак-

терна сформированная система ценностей и смыслов, они в целом оптимистичны, стремятся принимать мир таким, какой он есть. Они достаточно активны в отношениях с окружающими, четко определяют значимые для себя сферы жизнедеятельности и стремятся быть вовлеченными в процесс жизни. При высокой внешней активности и благоприятном отношении к миру, к себе и к другим, респонденты характеризуются низкой жизнестойкостью и нестабильностью в выборе жизненных стратегий. Это объясняется их неопределенностью в выборе целей, неумением планировать процесс и контролировать происходящие события при достижении результата. Для таких людей характерно отсутствие планов на будущее, отсутствие стремлений достигать свои цели, низкая мотивация достижения успеха.

Дисгармоничный профиль СКЖ «Неудовлетворенность жизнью». Субъекты данной группы отличаются неадекватно заниженными представлениями о себе и своих возможностях, оценивают жизнь и свои достижения как неблагоприятные и неуспешные. Свойственная им заниженная оценка собственного потенциала становится причиной низкой жизнестойкости и внутренней дисгармонии, что снижает вовлеченность человека в процесс жизни, активность в достижении целей. При этом для респондентов характерно осознание своих жизненных приоритетов и стремление к реализации целей. Им свойственен высокий самоконтроль, интроверсия. Однако концентрация на собственных недостатках, неудовлетворенность собой приводят к тому, что все достижения

и стремление к самореализации воспринимаются как непродуктивные, а отношения с другими характеризуются зависимостью и конформностью поведения.

Дисгармоничный профиль СКЖ «Необоснованность амбиций». Данные субъекты характеризуются наиболее противоречивой картиной мира. Так, наряду с активностью, осознанием целей и наличием устойчивых устремлений, умением рисковать и достигать целей они глубоко не удовлетворены своей жизнью и не видят смысла и ценности в том, что делают. Этих субъектов отличает низкая способность к контролю жизненных ситуаций, они зачастую ориентированы на внешние достижения и на максимальный результат при внутренней неудовлетворенности. Для них характерна низкая осознанность и неустойчивость системы терминальных ценностей. Можно предположить, что данные субъекты составляют «группу риска» с точки зрения субъективного ее качества, так как из-за неопределенности целей и смыслов, непринятия себя и окружающего мира их активность становится максимально необоснованной, когда психологические, «энергетические» затраты приводят только к истощению личностных ресурсов.

Выводы

Можно заключить, что субъекты с гармоничным благоприятным профилем СКЖ (профили «Гармонично благополучный» и «Гармоничный усредненный») имеют наиболее устойчивую и сформированную систему ценностей,

они ориентированы на поиск детерминант собственного развития, что является важным и значимым для них, они активны и вовлечены в деятельность, стрессоустойчивы. В отличие от них субъекты с дисгармоничными и неблагоприятными профилями СКЖ («Неопределенность целей», «Необоснованность амбиций» «Гармоничный неблагоприятный») неустойчивы в собственных предпочтениях (система собственных ценностей слабо осознается ими), низко оценивают собственные ресурсы и возможности, что выражается в сниженной жизнестойкости, слабой осмысленности жизни.

Выявленные личностные корреляты субъективного качества жизни позволяют достаточно точно выделить причины субъективного благополучия/неблагополучия личности, что может способствовать разработке специальных психокоррекционных программ, направленных на развитие субъективного качества жизни. Понимание личностных особенностей людей с разным профилем СКЖ дает возможность оптимизации, повышения эффективности их качества жизни за счет работы с их собственными ресурсами посредством осознания ими своих потенциальных возможностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб., 2003.
2. *Богомаз С.А.* Целеустремленность и связность целей в структуре индивидуальности. Томск // Сибирский психологический журнал. 2008. Вып. 30.
3. *Заиченко А.А.* Апробация тренинговой программы «Субъективное качество жизни личности» // Известия ТТИ ЮФУ. Тематический выпуск «Психология и педагогика». 2012. №10.
4. *Леонтьев Д.А.* Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). М., 2005.
5. *Савченко Т.Н.* Методология исследования субъективного качества жизни. Прикладная юридическая психология. 2010. № 4.
6. *Савченко Т.Н., Головина Г.М.* Субъективное качество жизни. Подходы, методы оценки, прикладные исследования. М., 2006.
7. *Сергиенко Е.А.* Субъект развития, субъект деятельности, субъект жизни: регуляция поведения // Субъект и личность в психологии саморегуляции. М., Ставрополь, 2007.
8. *Скрипкина Т.П., Нехорошева И.В.* Отличия в основных показателях субъективного качества жизни между людьми с разной нравственной направленностью // Социальная психология и общество. 2013. № 2.
9. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.* Эмоции и психическое здоровье // Вестник реабилитационной и коррекционной работы. 1996. № 1.
10. *Эксакусто Т.В.* Теоретические основы социально-психологической безопасности. Ростов-на-Дону, 2010.
11. *Эксакусто Т.В., Заиченко А.А.* Конструирование и апробация методики «Субъективное качество жизни (СКЖ) личности» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2012. Вып. 4.

12. Эммонс Р. Психология высших устремлений. М., 2003.
13. *Camfield L., Crivello G., Woodhead M.* Wellbeing research in developing countries: reviewing the role of qualitative methods//Social Indicators Research. 2009. Vol. 90.
14. *Diener E.* Measuring Quality Of Life: economic, social and subjective indicators Text. / E. Diener, SuhEunkook // Social Indicators Research. 1997. № 40.
15. *Rey L., Extremera N., Duran A., Ortiz-Tallo M.* Subjective quality of life of people with intellectual disabilities: the role of emotional competence on their subjective well-being // Journal of Applied Research Intellectual Disabilities, 2013. Vol. 26. №. 2.
15. *Ross C.E., Willigen M.V.* Education and the Subjective Quality of Life. East Carolina University // Journal of Health and Social Behavior. 1997. Vol. 38 (September).

Personality Traits in Individuals with Different Profiles of Subjective Life Quality

A.A. ZAICHENKO

MA student at the Engineering and Technology Academy, Southern Federal University

T.V. EKSAKUSTO

PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Psychology and Life Safety, Engineering and Technology Academy, Southern Federal University

The paper presents findings of a study on individual subjective life quality and types of its profiles, describes the correlation between the subjects' personality traits and their profiles of subjective life quality, and demonstrates how personality development levels change with the transition to a more safe and balanced profile. The basic technique employed in the study was a specially developed multi-scale inventory aimed at measuring the levels and profiles of life quality and the interconnections between different indicators of life activities. The outcomes of the study allowed to describe the structural and typological characteristics of individuals with different profiles of subjective life quality and to reveal the cause-and-effect relation underpinning the changes in the individual's subjective evaluation of his/her own life resulting from higher levels of integral personality development.

Keywords: *life quality, subjective life quality, typology, development profile, personality traits, subjectivity.*

REFERENCES

1. Argail M. Psihologiya schast'ya. SPb., 2003.
2. Bogomaz S.A. Celeustremennost' i svyaznost' celei v strukture individual'nosti. Tomsk // Sibirskii psihologicheskii zhurnal. 2008. Vyp. 30.
3. Zaichenko A.A. Aprobaciya treningovoi programmy "Sub'ektivnoe kachestvo zhizni lichnosti" // Izvestiya TTI YuFU. Tematicheskii vypusk "Psihologiya i pedagogika". 2012. № 10.
4. Leont'ev D.A. Problema smysla v naukah o cheloveke (k 100-letiyu Viktora Frankla). M., 2005.
5. Savchenko T.N. Metodologiya issledovaniya sub'ektivnogo kachestva zhizni. Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2010. № 4.
6. Savchenko T.N., Golovina G.M. Sub'ektivnoe kachestvo zhizni. Podhody, metody ocenki, prikladnye issledovaniya. M., 2006.
7. Sergienko E.A. Sub'ekt razvitiya, sub'ekt deyatel'nosti, sub'ekt zhizni: regulyaciya povedeniya // Sub'ekt i lichnost' v psihologii samoregulyacii. M., Stavropol', 2007.
8. Skripkina T.P., Nehorosheva I.V. Otlichiya v osnovnykh pokazatelyah sub'ektivnogo kachestva zhizni mezhdru lyud'mi s raznoi npravstvennoi napravlennoy yu // Social'naya psihologiya i obshestvo. 2013. № 2.

9. *Holmogorova A.B., Garanyan N.G.* Emocii i psihicheskoe zdorov'e // Vestnik reabilitacionnoi i korrekcionnoi raboty. 1996. № 1.
10. *Eksakusto T.V.* Teoreticheskie osnovy social'no-psihologicheskoi bezopasnosti. Rostov-na-Donu, 2010.
11. *Eksakusto T.V., Zaichenko A.A.* Konstruirovaniye i aprobatsiya metodiki "Sub'ektivnoe kachestvo zhizni (SKZh) lichnosti" // Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Seriya 12. 2012. Vyp. 4.
12. *Emmons R.* Psihologiya vysshih ustremlenii. M., 2003.
13. *Camfield L., Crivello G., Woodhead M.* Wellbeing research in developing countries: reviewing the role of qualitative methods//Social Indicators Research. 2009. Vol. 90.
14. *Diener E.* Measuring Quality Of Life: economic, social and subjective indicators Text. / E. Diener, SuhEunkook // Social Indicators Research. 1997. № 40.
15. *Rey L., Extremera N., Duran A., Ortiz-Tallo M.* Subjective quality of life of people with intellectual disabilities: the role of emotional competence on their subjective well-being // Journal of Applied Research Intellectual Disabilities, 2013. Vol. 26. № 2.
15. *Ross C.E., Willigen M.V.* Education and the Subjective Quality of Life. East Carolina University // Journal of Health and Social Behavior. 1997. Vol. 38 (September).

Риски межнациональной конфликтности в образовательных учреждениях Москвы

И.М. КУЗНЕЦОВ

кандидат социологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник отдела этнической социологии Института социологии РАН

О.Е. ХУХЛАЕВ

кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой этнопсихологии и проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета

В статье представлено описание основных результатов социально-психологического мониторинга рисков межнациональной конфликтности, проведенного среди учащихся 9-х классов и студентов колледжей Москвы. Обозначены основные результаты по следующим параметрам: шкала этнонациональных установок; уровень допустимости насилия в решении межэтнических и межконфессиональных проблем; отношение к мигрантам; характеристики и степень распространенности среди учащихся бытовых идеологем, связанных с установкой на патриотизм; склонность к нарушению общепринятых правил и юридических норм соблюдения общественного порядка; предпочитаемый тип социальной консолидации; представления о пределах допустимости этнокультурной вариативности повседневного поведения в публичной среде Москвы; оценка уровня межнациональной напряженности в районах проживания учащихся; оценка потребности учащихся в информации об истории, традициях и обычаях народов, представители которых в настоящее время живут в Москве. На основании данных результатов сформулированы ключевые рекомендации для образовательной среды.

Ключевые слова: мониторинг, межнациональная конфликтность, мигранты, этнопсихология, этнонациональные установки, социальная идентичность.

Актуальность изучения рисков межнациональной конфликтности

В Указе Президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия» (№ 602 г. от 7 мая 2012 г.) обозначена необходимость мер, направленных на совершенствование работы органов государственной власти

Российской Федерации по предупреждению межнациональных конфликтов, включая создание эффективных механизмов их урегулирования и проведение системного мониторинга состояния межнациональных отношений.

Согласно стратегии Государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, одним из приоритетных на-

правлений государственной национальной политики Российской Федерации является обеспечение межнационального мира и согласия, гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений. Это направление должно быть реализовано через создание государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

Кроме того, одно из основных направлений Государственной миграционной политики — содействие развитию в обществе культуры межнациональных и межрелигиозных отношений, формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости (Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года).

Решение указанных задач невозможно без создания единой системы сбора в формате мониторинга и текущего анализа прикладной социальной информации, необходимой и достаточной для принятия оперативных управленческих решений по нормализации межнациональных отношений и обеспечению консолидации, в первую очередь, у старшеклассников и студентов учреждений профессионального образования.

Мониторинг рисков межнациональной конфликтности

В 2013 году в рамках государственной программы Москвы на среднесрочный период (2012–2016 гг.) «Развитие образования города Москвы» («Столич-

ное образование») Московский городской психолого-педагогический университет провел третью волну мониторинга рисков межнациональной конфликтности среди учащихся столичных учреждений общего и среднего профессионального образования.

Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности — это система регулярных замеров потенциала межнациональной конфликтности населения, предназначенных для предоставления информации, обеспечивающей принятие эффективных управленческих решений, направленных на снижение текущей межнациональной напряженности и на профилактику ее возрастания. Названный инструментарий интегрирует данные социально-психологических исследований, технологии массовых социальных опросов и технологию мониторинга, т. е. регулярных замеров определенных социальных переменных.

Базовый инструментарий мониторинга разрабатывался и апробировался сотрудниками Института социологии РАН и МГППУ с 2007 года. Таким образом, уже собрана сравнительная база данных, которая позволяет оценить динамику характеристик межнациональной конфликтности в образовательных учреждениях Москвы за период между мартом 2011 и октябрём 2013 года.

Блоки вопросов, составляющих инструментарий, направлены на детализированное измерение следующих показателей, влияющих на состояние и вероятностное прогнозирование развития межнациональной конфликтности в среде старшеклассников столицы.

А. Постоянная часть

А1. Шкала этнонациональных установок (предпочтений), представленных в следующих параметрах:

- агрессивное отношение к иным национальным группам;
- позитивное отношение к собственной национальной группе;
- баланс отношений к собственной и иным национальным группам.

А2. Уровень допустимости насилия в решении межэтнических и межконфессиональных проблем.

А3. Отношение к мигрантам (уровень позитивного отношения к мигрантам; негативное отношение к мигрантам; баланс позитивного и негативного отношения к мигрантам).

А4. Характеристики и степень распространенности среди учащихся бытовых идеологем, связанных с установкой на патриотизм.

А5. Склонность к нарушению общепринятых правил и юридических норм соблюдения общественного порядка.

А6. Предпочитаемый тип социальной консолидации.

Б. Переменная часть

Б1 Представление о пределах допустимости этнокультурной вариативности повседневного поведения в публичной среде Москвы.

Б2. Оценка уровня межнациональной напряженности в районах проживания учащихся.

Б3. Оценка потребности учащихся в информации об истории, традициях и обычаях народов, представители которых в настоящее время живут в Москве.

Распределения по дополнительному блоку не рассматриваются как самостоятельная информация, а анализируются в

контексте ключевых характеристик этноконтактной ситуации в образовательной среде Москвы.

Основные параметры инструментария мониторинга и методология подробно описаны в предыдущих публикациях [1; 3] поэтому перейдем к описанию выборки.

Выборка: основные социально-демографические показатели

Всего в 2013 году были опрошены учащиеся старших классов 59 школ и 19 колледжей Москвы (3278 чел.). 48 % опрошенных – мужского пола, 52 % – женского. В основном мониторинг затронул молодых людей 14 лет (20 %), 15 лет (51 %), 16 лет (23 %). Возраст остальных 6 % опрошенных – старше 16 лет. Средний возраст учащихся 9-х классов общеобразовательных школ – 15 лет, средний возраст студентов колледжей (1-й курс начального профессионального образования) – 16 лет. Распределение по полу не зависит от типа образовательного учреждения. Максимальная погрешность измерения в целом по городу составляет $\pm 1,8\%$.

Подавляющее большинство опрошенных отнесли себя к русской, украинской или белорусской национальности (79 %). Из остальных национальностей, к которым отнесли себя школьники, представленность в выборке колеблется в пределах 0,1–2 %. В связи с этим какие-либо сравнения в ответах на вопросы анкеты в разрезе национальной (и религиозной) принадлежности будут некорректными, а потому не производятся.

Большинство опрошенных родились в столице (72 %), 4 % опрошенных переехали в Москву до 1999 года, после 2000 – до 18 %, еще 6 % учащихся про-

живают вне Москвы, но приезжают в город на учебу (большинство из них — учащиеся колледжей).

На вопрос о вероисповедании большая часть респондентов отнесла себя к православию или иным христианским конфессиям (72 %). Значительно меньшее, но существенное число подростков обозначили себя как неверующие и атеисты (20 %). Из иных религий определенное (но недостаточное для сравнительных оценок) число респондентов обозначили ислам (7 %). При этом среди студентов колледжей на 2,5 % больше назвавших православие и на 2,5 % меньше — ислам.

Основные результаты

1. В целом межнациональная ситуация характеризуется как находящаяся в относительно устойчивом позитивном равновесии: у столичной молодежи позитивное отношение к собственной национальной группе существенно превышает неприязнь к иным этническим группам.

Но есть основания и для серьезного беспокойства.

Начиная с 2011 года постепенно нарастает тенденция изменения баланса этнических установок в негативном направлении. Размер группы молодых людей, у которых преобладает негативное отношение к инациональным группам, в текущем году приблизился к критическому уровню в треть от объема выборки. Если учесть активизацию деятельности радикальных националистических группировок в связи с беспорядками в Западном Бирюлево, можно ожидать высокого уровня готовности моло-

дежи к выходу на улицу в любом районе Москвы при очередном резонансном событии с участием представителей разных национальностей.

Среди студентов колледжей доля преобладания позитивного отношения к своей национальной группе достоверно ниже, чем у школьников. Таким образом, они могут быть в большей степени подвержены влиянию агрессивных националистических группировок, как правило, эксплуатирующих тему «унижения» русских «инородцами».

2. При сравнении данных по округам можно предположить, что за рассматриваемый период произошла дисперсия («рассасывание») очагов этнического негативизма по городу в целом.

3. Информация о культуре иных народов максимально востребована у тех, у кого преобладают позитивные установки по отношению к собственной национальной группе, и минимально — у учащихся с преобладанием негативного отношения к иноэтническим группам. Вследствие этого культурное просвещение неэффективно как способ снижения рисков межнациональной конфликтности, так как оно не востребовано целевой группой. Более того, использование технологий культурного просвещения с шовинистически ориентированными молодыми людьми может привести к проявлению эффекта «бумеранга», когда предубежденность только возрастет после демонстрации культурной специфики народов России.

4. Сопоставляя данные по уровню допустимости насилия в решении межэтнических и межконфессиональных проблем за 2011, 2012 и 2013 годы, мы можем говорить об устойчивой тенденции сокращения зоны низкого уровня допус-

тимости насилия (различия в значениях низкого уровня допустимости насилия между 2011 и 2013 годами статистически достоверны) за счет увеличения как среднего, так и высокого уровней допустимости насилия. Таким образом, у молодых людей, центрированных на этническом самосознании, укрепляется убеждение, что статус собственной этнической группы эффективно повышается посредством насильственных действий.

Среди учащихся колледжей достоверно более распространен высокий уровень допустимости насилия, что повышает риски их более широкого участия в разного рода конфликтных акциях на разных территориях города, тем более что среди учащихся одного учебного заведения могут быть жители разных округов Москвы, что значительно облегчает их мобильность.

5. Как показывают результаты мониторинга с 2011 по 2013 год, отношение к мигрантам — ключевой маркер рисков межнациональной конфликтности у молодежи столицы. Сравнение данных за три года фиксирует статистически достоверный резкий рост доли негативно относящихся к мигрантам (что прогнозировалось в отчете за 2012 год) за счет сокращения группы позитивно относящихся к мигрантам. Существенно вырос уровень мигрантофобии практически по всем округам. Среди учащихся колледжей в большем размере выражено негативное отношение к мигрантам, чем среди учеников 9-х классов общеобразовательных школ.

Как уже неоднократно подтверждено нашими специальными исследованиями, и в Москве, и в других регионах России основное недовольство «местного» населения (независимо от национально-

сти) вызывает не собственно чужая этнокультурная специфика приезжих, не их иная вера, а их неинтегрированность в контекст повседневной жизни города, в котором они живут. Это воспринимается принимающим населением как некая «оккупация» сложившегося культурного пространства, что делает практически малоэффективными различные просветительские акции, направленные на демонстрацию этноконфессиональных особенностей приезжих.

Единственный путь изменения ситуации — интеграция мигрантов, ориентированных на постоянное жительство, в систему повседневных культурных стандартов принимающего общества.

6. Сравнение данных за 2012 и 2013 годы свидетельствует, что существенно выросла доля крайне тревожных оценок межнациональной ситуации в районе проживания («ситуация напряженная, возможны конфликты») и пропорционально сократилась оценка этой ситуации как благоприятной.

Необходимо иметь в виду, что оценка ситуации является производной как от этнонациональных установок самих оценивающих, так и от состояния текущей информационной среды в городе, включающей в себя не только и не столько тревожащие сообщения легитимных СМИ, сколько более авторитетные среди молодежи неформальные каналы, такие как твиттер и инстаграм. Проведенный нами экспресс-анализ этих источников информации в период нарастания напряженности в районе «Бирюлево-Западное» позволил зафиксировать в указанной информационной среде беспрецедентное нарастание провоцирующих слухов о предстоящей «резне русских» со стороны мигрантов, призывы «оста-

ваться дома и вооружаться». В этом мы усматриваем явные признаки активизации деятельности структурно и идеологически оформленных радикальных националистических группировок, чего ранее в такой степени в Москве не наблюдалось.

7. Характеристики бытовых идеологем, связанных с установкой на «патриотизм». Среди учащихся Москвы наибольшую распространенность продолжают иметь представления о патриотизме гражданского характера. Однако намечается достаточно заметная тенденция к сокращению этой доли при устойчивости группы, поддерживающей «охранительный» патриотизм (с оттенком «шовинизма»), 9–10 % в разные годы. При этом в среде учащихся колледжей существенно меньше распространены установки гражданского патриотизма и в большей степени — охранительного патриотизма, в том или ином варианте составляющие основу идеологии радикальных националистических группировок. Такая ситуация создает для студентов начального профессионального образования дополнительные риски включения в эти движения.

Подтверждается следующая тенденция. Среди тех, кто придерживается «гражданской» трактовки патриотизма, в подавляющем объеме преобладают учащиеся с диспозицией на позитивное отношение к своей национальной группе.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

А. Эффективность гражданского патриотического воспитания напрямую связана с воспитанием позитивного отношения к ценностям и традициям своей национальной культуры.

Б. Практика воспитания патриотизма, замкнутая преимущественно на демонстрацию военных побед прошлых поколений (как на уровне общегородских мероприятий, так и на уровне уроков патриотизма), латентно провоцирует формирование дискурсов «охранительного» патриотизма и, таким образом, сужает вероятность формирования адекватного гражданского патриотизма у большого числа молодежи.

8. Склонность к нарушению общепринятых правил и юридических норм соблюдения общественного порядка у столичной молодежи практически неизменна в плане временной динамики (с 2012 по 2013 год). Высокий уровень данной склонности наблюдается у 10 % опрошенных. Однако вызывает опасения широкая зона среднего уровня (т. е. уровня неустойчивого равновесия — 47 % в 2013 году), что повышает вероятность при определенных обстоятельствах увеличения зоны высокого уровня.

Тенденция к нарушению общепринятых правил и юридических норм соблюдения общественного порядка несколько более распространена среди учащихся колледжей (различия со школьниками в 3 %), что мы склонны связывать со спецификой их социального статуса: уже не школьники, но еще не признанные взрослые молодые люди. С учетом сделанных выше выводов об особенностях этнонациональных установок и других показателей, задействованных в мониторинге, есть все основания считать учащихся колледжей основной группой риска в плане участия в межнациональных столкновениях и трансляции радикальных националистических дискурсов на школьную аудиторию.

9. Особенности социальной консолидации. Наиболее предпочитаемая молодежью столицы категория — «граждане России». При этом представления о предпочитаемой социальной консолидации не связаны с образовательной стратегией (школа или колледж) и возрастными особенностями (15 или 16 лет).

Следующие (по распространенности) категории — «люди той же национальности» и «люди того же достатка». Категория «проживание в одном городе», которая ранее занимала четвертое место, в 2013 году «потеснена» параметром «граждане вашей исторической родины». Причем «городская идентификация» — это единственный параметр социальной консолидации, который претерпел существенные изменения за год (число оценивающих его как высокозначимый уменьшилось на 5 %). Безусловно, уровень «падения» невелик, но он сигнализирует о настораживающих тенденциях. Получается, что потенциально «включающая», т. е. открытая и конструктивная, с точки зрения социальной инженерии, категория «жители нашего города» постепенно начала вытесняться менее «открытым» и потенциально (с точки зрения возможности социального противостояния в столице) более рискованным параметром социального объединения.

При этом молодежь, ориентированная на российское «со-гражданство», более негативно относится к мигрантам и в меньшей степени интересуется культурным разнообразием народов столицы. Таким образом, идентичность с жителями «своего города» в настоящий момент потенциально более ресурсна в сфере налаживания межнациональных отношений и снижения мигрантофобии.

Рекомендации по снижению рисков межнациональной конфликтности

Обозначенная выше ситуация, связанная с рисками межнациональной конфликтности, требует соответствующих управленческих решений. Их необходимо четко связывать с результатами измерений. Основные рекомендации по организации деятельности, направленной на улучшение межнациональных отношений в образовательной среде, представлены ниже.

1. Негативные последствия социально-психологического климата, связанные с межнациональной ситуацией, могут и должны быть скомпенсированы дополнительными адресными (для конкретного округа или для данной проблемной школы) психолого-педагогическими мероприятиями в рамках локальной образовательной среды. Профилактическая адресная работа в этом направлении необходима и возможна при системном подходе (мониторинг в сочетании с конкретными профилактическими мерами, осуществляемыми по его результатам) в определенных образовательных учреждениях, а не только на уровне города или округа.

Подчеркнем, что «универсальные для всего города» меры скорее всего окажутся неэффективны и даже в некоторых случаях могут иметь обратный эффект. Необходима точечная профилактическая работа, которая в результате будет снимать напряженность как в округе, так и в городе в целом.

С точки зрения управления рисками межнациональной конфликтности, необходимо обращать внимание не на оценку работы отдельных школ того или иного округа, а на особенности социаль-

но-этнической ситуации в данном округе. Негативные влияния на подростков и молодежь должны быть скомпенсированы дополнительными специальными (для этого округа или для данной проблемной школы) психолого-педагогическими мероприятиями в рамках локальной образовательной среды. Оценивать результативность профилактической работы в области рисков межнациональной конфликтности необходимо не по абсолютным данным (результаты по округу/школе/классу), а по сравнительной динамике одного и того же показателя, замеряемого относительно регулярно (1–2 раза в год) в локальной образовательной среде, с учетом изменений, происходящих в окружающей социокультурной реальности.

В этом случае образовательные учреждения «зоны риска» в области межнациональной конфликтности будут ориентированы на реальную работу, на анализ потенциально проблемных ситуаций.

2. Необходима активизация действий по формированию у учащейся молодежи позитивного отношения к своему народу, его истории и культуре. Такие действия следует планировать осторожно, не допуская возможности роста позитивного самоощущения за счет принижения других национальных групп. Основных источников позитивного и конструктивного самоуважения несколько: а) ощущение личной причастности к достижениям прошлого; б) ощущение своих ресурсов и возможностей и настрой на их реализацию; в) владение позитивным опытом современников (включая знания о достижениях в самых различных областях); г) ощущение себя «хозяином» территории проживания. Молодым людям необ-

ходимо не столько доказывать ценность этих позиций (внедрять установки), сколько демонстрировать конкретные поведенческие стратегии их достижения без принижения инонациональных групп. Требуется переориентация молодежи с тенденции к обвинению других, «виновных» в различных «бедах и трудностях», на представление о собственной ответственности за происходящее.

3. Культурное просвещение не может являться основным способом снижения рисков межнациональной конфликтности. Прежде чем информация о других народах, населяющих Москву, будет в наибольшей степени востребована и адекватно воспринята, необходимо создать потребность в ней путем воспитания позитивного отношения (а также и более детального знания) к собственным культурным ценностям, обычаям и традициям, причем желательно на уровне живых примеров из повседневности, а не только на уровне достижений в элитарных сферах литературы, искусства и т. п.

4. Необходимо предложение подросткам и молодежи ряда социально-одобряемых сценариев бесконфликтного и ненасильственного повышения уровня этнической самооценки. Данные сценарии не должны политизировать культурную принадлежность, а наоборот — поддерживать ощущение общегражданской идентичности.

В случае если насилие уже начинает использоваться как инструмент в решении межнациональных проблем, необходима деятельность подготовленных специалистов-конфликтологов. Чтобы такая работа была возможна, требуется создание городской службы социальной конфликтологии, что возможно при использовании ресурсов МГППУ и парт-

нерских организаций, обладающих специальными компетенциями в области работы с конфликтами. Такая служба нужна для предотвращения разрастания любых социальных конфликтов, в том числе и на национальной почве.

5. Основная работа в направлении профилактики мигрантофобии должна быть сосредоточена вокруг создания условий реальной интеграции детей мигрантов в образовательную среду любого образовательного учреждения. Как один из модельных образцов можно использовать концепцию локального территориального центра интеграции и адаптации мигрантов на базе образовательного учреждения «Школа как транслятор культуры принимающего общества», которая была разработана в МГППУ в 2012 году в рамках выполнения госзадания по программе «Столичное образование» [4]. В любом случае в основной образовательной программе должна быть отражена деятельность по интеграции учебного коллектива и профилактике социальной исключенности учащихся. Основные направления, которые рекомендуется развивать для достижения эффективного результата, это: а) языковое образование (русский как иностранный и русский как неродной) в самом широком смысле; б) инклюзивный подход к интеграции детей-мигрантов; в) обучение в сотрудничестве как технология, обеспечивающая реально интерактивное образование; г) целевое психолого-педагогическое сопровождение интеграции детей-мигрантов.

Определенные результаты могло бы принести информирование педагогов, отвечающих за преподавание обществоведческих дисциплин, о том, как обсуждать с детьми тему миграции, чтобы не

содействовать росту мигрантофобских установок, транслируемых средствами массовой информации. Это можно осуществить посредством краткого дистанционного курса повышения квалификации, прохождение которого было бы обязательным.

6. Необходима активизация и поддержка молодежных объединений (деятельность которых носит реальный характер и привлекательна для молодежи), направленных на развитие позитивного отношения к собственным культурным ценностям, а также на развитие конструктивной гражданской активности и самоуправления. Здесь можно было бы активно использовать ресурсы детских общественных объединений и школьного/студенческого самоуправления, а также технологии, предлагаемые в рамках создания школьных служб примирения.

7. Мероприятия всех уровней по воспитанию патриотизма должны быть дополнены компонентами, а) формирующими позитивное отношение к своей национальной культуре и б) формирующими установки гражданского (не-милитаристского и не-шовинистского) патриотизма. Военно-патриотическое воспитание, таким образом, эффективно лишь в том случае, когда непосредственно связано с позитивным отношением к своей национальности при отсутствии установок на национальное превосходство (например, «поисковые» отряды).

По данным международных исследований [2], подтверждающихся изучением проявлений патриотизма, начатым в МГППУ, выделяется несколько представлений о действительности, с которыми тесно связан конструктивный патриотизм: а) нация не идеализируется, но оценивается на основании «критичес-

кой» (т. е. личной) совести; б) поддерживаются различные взгляды на историю страны; в) отсутствует некритическое согласие с национальными авторитетами. Эти позиции могут выступать маркерами-ориентирами при проверке, насколько действия, направленные на развитие патриотизма, приводят к формированию гражданских, а не шовинистических патриотических установок.

8. При проектировании профилактических мероприятий необходимо иметь в виду, что для подростков практики нарушения сложившихся общественных норм часто являются популярными маркерами «героизма», «крутости», мужественности и потому оцениваются как высокопрестижные. Следовательно, основные психолого-педагогические мероприятия должны быть направлены на дезавуирование таких представлений. В этом отношении беседы с представителями правоохранительных органов, практикуемые иногда экскурсии в колонии для несовершеннолетних ВНЕ мер по дискредитации престижа отклоняющегося поведения следует признать малоэффективными, а иногда и имеющими обратный эффект, поскольку они превращаются в демонстрацию «героев» и их «непростой жизни». Как модельный образец здесь можно рассматривать программы по профилактике правонарушений и работы с «трудными» подростками центра «Перекресток» МГППУ.

9. Основываясь на полученных результатах, можно однозначно утверждать, что поддержка молодежных движений, пусть и декларирующих общегражданскую позицию, но на деле работающих на политизацию культурных различий и/или пропаганду социальной исключенности (мигрантов, представите-

лей «иных» национальностей и т. д.), ведет к росту национализма и повышению рисков межнациональной конфликтности в молодежной среде.

Напротив, конструктивные действия в данном направлении должны быть связаны с четким контролем направления развития гражданской («Мы – граждане России») идентичности молодых москвичей. В нее обязательно должны быть включены представления о культурном разнообразии России, о многообразии народов, ее населяющих. Ее составной частью должна быть активная позиция по поводу выстраивания конструктивных диалоговых отношений со всеми гражданами Российской Федерации, включая приезжих из регионов, к которым в столице существует неприязненное отношение.

Необходимо развитие и продвижение в образовательное пространство города (в первую очередь, в рамках воспитательной работы) представления, что «россиянином» (т. е. «со-гражданином») является в определенной степени (в первую очередь, с социально-культурной точки зрения) каждый, кто сейчас живет в России и является ее потенциальным гражданином в будущем, а потому нуждается в более активном контакте с «местными», помощи в освоении стандартов и правил российской культуры.

Причем массовые «пафосные» мероприятия, декларирующие значимость российского со-гражданства, но не обсуждающие его содержание, будут давать только негативный эффект. Это будет поддерживать тенденцию к превратному (ксенофобскому) пониманию российской гражданственности и дополнительно фиксировать на межнациональных различиях учащихся, которые об

этом мало задумывались в повседневной жизни.

Вместо этого необходима планомерная работа по реальному формированию позитивного содержания гражданской идентичности. Требуются глубинные исследования содержания гражданской идентичности молодых москвичей, на которые можно было бы опереться при выстраивании педагогических воздействий. На их основании можно было бы разработать программу (или концепцию) развития российской идентичности и гражданского патриотизма у молодых москвичей.

Также необходимы действия по формированию территориальной («Мы — москвичи») идентичности как основы

для построения гражданской идентичности. Более того, они должны предшествовать действиям по развитию ценностей со-гражданства. Реальное позитивное становление социальной идентичности учащегося должно строиться в последовательности: класс/группа — школа/колледж — район — город — регион — страна. Причем без формирования позитивной идентификации (преобладания позитивного отношения) на одном уровне конструктивное развитие в сторону гражданской идентичности невозможно. Если оно все же осуществляется, то следствием является либо отсутствие результатов, либо нарастающие риски межнациональной конфликтности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е.* Социально-психологический мониторинг рисков межнациональной конфликтности: методология и практика // Социальная психология и общество. 2013. № 1.
2. *Хухлаев О.Е.* Противодействие ксенофобии и этнокультурному экстремизму в образовательной среде // Этнодиалоги. Научно-информационный альманах. 2012. № 2 (39).
3. *Хухлаев О.Е., Кузнецов И.М.* Социально-психологический подход к диагностике рисков межнациональной конфликтности // V съезд общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». Материалы участников съезда. Т. II. М., 2012.
4. *Хухлаев О.Е., Чибисова М.Ю., Кузнецов И.М.* Школа как транслятор культуры принимающего общества: интеграция детей-мигрантов в образовательной среде // Культурно-историческая психология. 2014. № 1.

Risks of Interethnic Conflicts in Educational Institutions of Moscow

I.M. KUZNETSOV

PhD in Sociology, associate professor at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education, leading researcher at the Department of Ethnic Sociology, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

O.YE. KHUKHLAEV

PhD in Psychology, assistant professor, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education

The paper presents outcomes of a social psychological monitoring of risks of interethnic conflicts among 9th class students of Moscow schools and students of Moscow colleges. The following issues were in the focus of our study: the scale of ethnonational attitudes; acceptance of violence in interethnic and interconfessional conflicts; attitudes towards migrants; characteristics and popularity of ideologemes referring to patriotic attitudes; readiness to violate laws and norms of public order; preferred type of social consolidation; notions about which ethnocultural features of everyday behaviour can be tolerated in public places of Moscow; assessment of interethnic tensions in the city areas where the students live; assessment of the students' need for information about the history and traditions of the nations, the representatives of which currently reside in Moscow. The paper concludes with some important recommendations concerning the educational environment basing on the major findings of the research.

Keywords: *monitoring, interethnic conflicts, migrants, ethnopsychology, ethnonational attitudes, social identity.*

REFERENCES

1. Kuznecov I.M., Huhlaev O.E. Social'no-psihologicheskij monitoring riskov mezhnacional'noj konfliktnosti: metodologija i praktika // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2013. № 1.
2. Huhlaev O.E. Protivodejstvie ksenofobii i jetnokul'turnomu jekstremizmu v obrazovatel'noj srede // Jetnodialogi. Nauchno-informacionnyj al'manah. 2012. № 2 (39).
3. Huhlaev O.E., Kuznecov I.M. Social'no-psihologicheskij podhod k diagnostike riskov mezhnacional'noj konfliktnosti // V s#ezd obshherossijskoj obshhestvennoj organizacii "Rossijskoe psihologicheskoe obshhestvo". Materialy uchastnikov s#ezda. T. II. M., 2012.
4. Huhlaev O.E., Chibisova M.Ju., Kuznecov I.M. Shkola kak transljator kul'tury prinimajushhego obshhestva: integracija detej-migrantov v obrazovatel'noj srede // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2014. № 1.

Метафоры в самоописании организаций

П.К. ВЛАСОВ

*кандидат психологических наук, директор института прикладной психологии
«Гуманитарный центр»*

А.А. КИСЕЛЕВА

*кандидат филологических наук, заместитель директора института
прикладной психологии «Гуманитарный центр»*

В статье представлены результаты исследования, целью которого было изучение метафорических самоописаний членов организаций для выявления их ценностей и организационной культуры. В исследовании приняли участие 35 руководителей производственного, коммерческого, финансового отделов и отдела разработки новой продукции электротехнической компании. Для реализации цели исследования был использован метод метафорического описания. С помощью метафор участники охарактеризовали реальную и идеальную организацию. Для анализа полученных метафор были разработаны специальные критерии, выявлена корневая метафора, указывавшая на то, что ценности безопасности преобладают над ценностями самонаправления, целенаправленного достижения. Метод метафорических самоописаний позволил выявить принципы организационной идентичности и базовые принципы организационной культуры и ее особенности, которые являются специфическими для определенного вида деятельности.

Ключевые слова: *корневая метафора, самописание, организационная культура, идентичность, семантический компонент, идеальная организация.*

Постановка проблемы

Организации сложны, динамичны и изменчивы, представляют собой «результат взаимодействия между внешней средой и инициативной группой. ... Границы организации все время видоизменяются... И это связано с тем, что целесообразно номинировать ... организацию в конкретное время, в данных условиях внешней среды...» [2, с. 82]. Трудность в изучении и понимании организационной реальности как раз и состоит в том, что компании не поддаются буквальному описанию, поскольку такие описания

не в состоянии одновременно «схватить» релевантные характеристики среды и организации.

Тем не менее, компании создают свои самописания, поскольку участникам организации необходимо «ссылаться» на нее как на целое — на общность всех ее проявлений, чтобы координировать деятельность. Такие организационные самописания выполняют две важных функции: *интегративную* (объединение людей) и *оперативную* (организация действий) [7].

С помощью самописаний в процессе коммуникации создаются общие мен-

тальные модели, позволяющие участникам организации оперировать общей реальностью (например, производить смысл, координировать усилия, иметь организационную идентичность). Как утверждает Н. Луман, «ориентация в соответствии с (самоописанием) в систематических процессах служит неким заменителем ориентации в соответствии с ее сложностью» [12, с. 203].

Организационные самоописания — это конструкты, это не организации, но их репрезентации (согласно А. Коржибскому) [10]. Такие самоописания — это некие упрощения, они менее сложны, чем сама организация, но практичны, поскольку обеспечивают участникам компании быструю ориентацию и координацию в действиях.

Одна из форм самоописания — метафоры. Благодаря своим характеристикам они наиболее приспособлены к выполнению двух функций (интегративной и оперативной). Метафора компактно передает смысл организационной ситуации, принципы объединения в группу, целевую ориентацию, поскольку обладает важными специфическими особенностями. Именно метафора построена по принципу объяснения неизвестного (целевой объект) через известное (ресурсный объект). Например, компания «Х» как космический корабль. Метафора переносит значимые признаки с объекта-ресурса (космический корабль) на целевой объект (собственно организацию). За счет того что метафоры устанавливают взаимодействия между главным предметом (организацией) и «вспомогательным предметом» (другой системой), метафора обогащает организацию, привнося значения из другой семантической системы. Таким образом, примене-

ние метафоры одновременно позволяет участникам выделить главные признаки (семантические компоненты) компании (или ситуации, в которой она находится) и компактно передать их в процессе коммуникации. Так, метафоры становятся удобными и социально валидными организационными самоописаниями.

Вероятно, по этой причине в организационной психологии обратились к использованию метафор при изучении организации и организационной культуры. Например, одна из метафор описывает современную организацию как симфонический оркестр [3; 11]. Согласно этой метафоре, систему можно рассматривать как большой оркестр с множеством профессионалов, играющих на различных инструментах и ведущих «отдельные» и «часто очень сложные» партии. К. Кэмерон [9] представляет ценность организационных метафор, говоря о том, что при использовании новой метафоры раскрываются некоторые новые аспекты организационных явлений, не описанных другими метафорами. Полезность применения метафор состоит в том, что они включают определенную степень неправды, чтобы создавать новые образы и ассоциации.

В метафоре оркестра, например, можно было обнаружить преувеличенную картину гармонии в больших и сложных организациях. С другой стороны, такая метафора стимулирует реалистичное рассмотрение менеджеров скорее как помощников, чем как абсолютных диктаторов [1; 6].

Применение метафор привело к появлению забавных описаний, новых способов понимания организаций. Например, К. Вейк [13] предлагает рассматривать эффективные организации как говорливые, неуклюжие и суеверные [5].

Наиболее распространенные организационные метафоры описывают современные организации как механистические системы, биологические системы и познавательные системы. Очевидно, что эти метафоры могут быть расположены в континууме от простых закрытых систем к сложным открытым системам (табл. 1).

Применение метафор при исследовании организационной культуры, на наш взгляд, кажется особенно продуктивным, поскольку метафора естественным и простым образом передает скрытые базовые установки участников организации по отношению к своей компании и принципы соотношения себя с компанией (*организационная идентичность*).

В связи с этим интересен подход М. Элвессона [8] к метафоре как к инструменту описания организационной культуры. Он выделяет так называемую *корневую метафору* как некий *базовый паттерн*, отражающий фундаментальные принципы соотношения организации

и среды. В частности, он считает, что корневая метафора представляет собой фундаментальный образ мира, на который она нацелена.

Семантика метафоры может отражать ценности участников организации. Так, согласно типологии ценностей П.К. Власова, ценности включают *самоценности* (ценности, направленные на субъекта: например, ценность жизни), *ценности среды* (ценности, направленные на внешнюю среду: например, материальную, социальную, культурную, информационную), *ценности взаимодействия* (ценности, направленные на процесс: сам процесс жизнедеятельности, продуктивные и непродуктивные ценности преобразования субъективных возможностей) [3, с. 115].

Корневая метафора может отражать роль участника: *агентивную* (субъект — активный преобразователь) или *неагентивную* (субъект зависим и является следствием обстоятельств).

В корневой метафоре может быть заложено отношение к внешней среде как

Таблица 1

Современные организационные метафоры

Цели организационных метафор	Закрытые системы	Открытые системы	
	<i>механистическая модель, бюрократия</i>	<i>биологическая модель (система трансформации ресурсов)</i>	<i>познавательная модель (система интерпретации и значения)</i>
Метафорическое сравнение	Меткая военная хорошо смазанная машина	Человеческое тело	Человеческий ум
Предположение об организационной окружающей среде	Предсказуемая (контролируемое влияние)	Неопределенная (полна сюрпризов)	Неопределенная и двусмысленная
Организационная первичная цель	Максимум экономической эффективности через жесткое планирование и контроль	Выживание через адаптацию к ограничениям и возможностям окружающей среды	Рост и выживание через сканирование, интерпретацию и изучение окружающей среды

детерминированной (предопределенной и известной) или *неопределенной* (неизвестной и изменчивой), подразумевать *целесоориентированность* в действиях и ориентацию на конечное состояние или *ориентацию на процесс без результата*, отражать ориентацию на статичное состояние или на динамичные изменения.

Характерно, что носители определенной корневой метафоры плохо осознают ее. Таким образом, метафора задает для них неосознанные рамки, внутри которых участники организуют свою деятельность и интерпретируют реальность. Метафора может способствовать созданию определенной организационной реальности, стимулировать или, наоборот, тормозить организационное развитие. Коммуникация в рамках метафоры-барьера становится контрпродуктивной и мешает жизнедеятельности компании. Это можно наблюдать при объективном изменении организационной реальности и при трудностях «старого» персонала эффективно их интерпретировать и, как следствие, влиять.

Таким образом, раскрытие семантики метафоры (то есть выявление корневой метафоры) позволяет проанализировать принципы соотношения участников организации с самой организацией (организационную идентичность), их ценности, роль и позицию по отношению к реальности.

Программа эмпирического исследования

Цель исследования — изучение метафорического самоописания организаций для выявления организационной культуры.

Для анализа организационной культуры одной электротехнической компании, персонал которой насчитывает около

600 человек, был применен метод метафорического самоописания организации.

Метод представлен С. Каммингсом и применялся для изучения организационной идентичности [4]. Согласно этому методу, мы предложили сотрудникам компании выполнить следующее задание.

«1. Подумайте и представьте компании, в которой Вы работаете. Подумайте, с чем она ассоциируется, какие чувства вызывает? Затем подумайте и найдите такое сравнение (метафору), не связанное с бизнесом, которым можно было бы охарактеризовать Вашу организацию. Напишите название для такого сравнения (этой метафоры) и краткую расшифровку, что эта метафора означает.

2. Подумайте и напишите, какие условия необходимы, чтобы эта метафорическая компания, похожая на Вашу реальную, была успешной. Что она должна обеспечивать и делать постоянно, чтобы быть успешной?

3. Представьте идеальную организацию, в которой Вы хотели бы работать. Подумайте о том, с чем она у Вас ассоциируется, какие чувства вызывает? Подумайте и найдите такое сравнение (метафору), не связанное с бизнесом, которым можно было бы охарактеризовать идеальную компанию. Напишите название этой метафоры и краткую расшифровку, что эта метафора означает.

4. Подумайте и напишите, какие условия необходимы, чтобы идеальная метафорическая компания была успешной. Что она должна обеспечивать и делать постоянно, чтобы быть успешной?»

В исследовании приняли участие 35 руководителей производственного, коммерческого, финансового отделов и отдела разработки новой продукции. Всего было собрано 35 метафор реаль-

ной и идеальной компании. Из них проанализировано 15 метафор производственного отдела как наиболее многочисленного с наибольшими проблемами в продуктивности работы (метафоры производственного отдела представлены в табл. 2). Мы ограничили свой анализ, чтобы проследить связь между специфической деятельностью отдела и особенностями метафорического описания и организационной идентичности.

Для анализа метафор и выявления корневой метафоры мы разработали критерии: *ориентация на ценности Я, внешней среды, взаимодействия; наличие це-*

ли — отсутствие цели, процессуальность; активность — пассивность; агентивность — объектность; статичность — динамичность; реактивность — проактивность (ориентация на получение или ориентация на воспроизводство); детерминированность — неопределенность.

Результаты эмпирического исследования и их обсуждение

Проведенное эмпирическое исследование позволило получить следующие результаты.

Таблица 2

Метафорические описания производственного отдела

Реальная организация	Характеристики	Идеальная организация	Характеристики
Река	Стремительная. Расширяется. Всегда движется вперед. Вбирает крупные и чистые притоки. Надо убирать пороги. Не позволять создаваться затонам. Не должно быть грязи.	Очень большая река	Двигается плавно и широко. Мощное течение, быстрое, спокойное. Сама себе прокладывает русло. Препятствие убрано. Течение стремительное. Поддерживать порядок и чистоту.
Река	Заполняет все пространство. Сметает на пути преграды. Разработка и выпуск инновационных изделий. Рост организации. Увеличение номенклатуры. Увеличение количества выпускаемых продуктов.	Идеальная организация	Наполняет рынок продукцией. Вытесняет конкурентов. Стремится к контролю над рынком. Рост. Рентабельность. Тесный контакт с потребителем. Анализ деятельности конкурентов. Принятие инновационных решений. Увеличение производительности. Снижение себестоимости.
Муравейник	Внешне это хаос. Все выполняют определенную работу. Приобрести необходимое оборудование. Воспитать достойную замену. Улей.	Улей	Приобрести новое оборудование.

Муравейник	Все копаются и трудятся. Общее дело. Общие цели. Слаженная, четкая работа на всех уровнях.	Часы	Все выверено, рассчитано. Работает без сбоев. Все качественно, долговечно.
Улей	Работники — пчелы, носят мед в улей. Уйти от влияния извне. Быть самостоятельными.	Улей с одними пчелами	На работу никто извне не влияет. Всегда рассчитывать свои силы. Больше хорошего меда.
Улей	Трудится много людей. Трудятся в свое удовольствие. Трудолюбивые. Быть трудолюбивыми. Работать совместно в команде. Не бояться «непогоды».	Часы	Идеальный ход механизма. Подливание смазки. Смена дизайна на более современный. Самое лучшее масло для смазки. Качественные комплектующие детали. Безостановочная работа. Революционный дизайн.
Суматоха	Изменение планов. Неполная комплектация. Несоответствие комплектующих деталей документации на прибор. Четкие планы. Обеспечение необходимыми материалами.	Конвейер	Четкое взаимодействие. Каждый выполняет свой объем работы по штатному расписанию. Поддерживать качество продукции. Высокая культура производства. Высокая культура взаимодействия.
Конвейер	Выпускает высококачественную продукцию. Сотрудничать между подразделениями. Освоение новых приборов. Внедрение новых методов работы. Новое оборудование.	Безупречная компания	Выполняет все требования заказчика. Сотрудничает. Разрабатывает новые изделия. Все задания выполнять на отлично.
Пирамида	Устойчивое основание. Устремленное вверх. Стабильное. Устремленное к высшим целям. Идеально притертые «кирпичики». Одинаковое свойство материала. Прочные надежные материалы.	Полная пирамида	Полностью сформированная. Имеет наивысшую точку. Чтобы элементы, вошедшие на вершину, соответствовали основанию. Элементы «верхушки» были бы такого же качества, как и вся пирамида.
Стеклянная пирамидка	Структура пирамиды. Прозрачность. Красивая оправа. Полировка граней.	Большой небоскреб	Из стекла и бетона. Надежность. Простота. Вызывает только положительные эмоции. Обзавестись пристройками, красивым парком, фонтаном перед фасадом.
Машина	Сложная работа. Много структур, людей.	Райский уголок	Отличные условия труда. Обеспечение отдыха.

	Улучшить снабжение. Привлечь опытных специалистов. Разработка современных видов продукции. Улучшить условия работы.		Организация труда. Работать 5 часов в день. 4 рабочих дня в неделю. Зарабатываем много. Путешествуем по всему миру.
Робот	Работать быстро и качественно. Условия для работы. Снабжение.	Дом	Можно и поработать, и отдохнуть. Расширяться. Улучшать позиции на бизнес-рынке.
Футбол	Две команды друг против друга. Работники против начальства. Игра в одни ворота.	Семья	Сплоченная работа на общее благо. Понимание коллективных задач.
Краб	Живой организм. Постоянно растет. Развивается. Щупальца опутывают планету. Создавать и улучшать продукт. Увеличивать объем выпуска. Вовлекать новых партнеров. Быть на шаг впереди конкурентов.	Краб	Щупальца опутывают планету и тянутся в космос. Увеличивать объем выпуска. Вовлекать новых партнеров. Быть на шаг впереди конкурентов. Поиск новых рынков сбыта.
Борзая	Спортивная. Подтянутая. Стремится вперед. Качественное питание. Тренировки. Умный, заботливый хозяин. Слаженность в работе	Борзая	Спортивная. Подтянутая. Стремится вперед. Качественное питание. Тренировки. Умный, заботливый хозяин. Слаженность в работе. Отрыв от конкурентов

В производстве при описании реальной организации преобладают метафоры «улей, муравейник, суматоха» (5), «живой организм, краб, борзая (3), «робот, машина» (3), «река» (2), «пирамида» (2).

Проанализируем сходные семантические компоненты полученных метафор. *Семантический компонент* — элемент значения (семантический признак), совокупность которых конституирует собственно значение. Общим является семантический компонент «*движение*».

Второй семантический компонент — «*естественность*», «неограниченность» движения с «отсутствием явной цели».

Третий компонент — «*структурированность*» (или, напротив, отсутствие

структурированности) за счет координации, слаженности работы людей (муравейник) или за счет функционирования жестко заданной структуры (пирамиды), или за счет работы механизма (робот, машина).

Анализ метафор как глубинных структур показывает, что, во-первых, акценты в метафорических самоописаниях в том, что компания «не должна простаивать», «должна идти вперед» (по-разному, хаотично, направленно, развиваться, улучшаться). Можем предположить, что такое движение ей необходимо, чтобы преодолевать постоянно возникающие проблемы и в таких условиях что-то создавать. Создание возможно за счет

движения, но не за счет знаний или точности выполнения. Это движение необходимо для беспрепятственной работы компании, точно, надежно, слаженно, чтобы не влияли проблемы извне, чтобы было комфортно двигаться дальше.

Во-вторых, такое движение должно координироваться либо самими людьми, либо жесткой структурой, механизмом. Таким образом, структура или задана жестко и неизменно, или возникает стохастически, в результате координации. В этом случае в производстве отсутствует потребность в общей цели и смыслопроизводстве как в средстве интеграции и координации.

В-третьих, развитие и динамика в производстве возникают также стохастически, индуктивно и управляются естественными законами развития живого организма. Развитие нецеленаправленно, а действия возникают от ситуативных проблем и обстоятельств.

Таким образом, производство постоянно должно двигаться, не создавая проблем, или успевать реагировать на текущие. Для этого люди должны интенсивно координировать действия между собой и прийти естественным путем, сами по себе (стохастически, индуктивно) к порядку и точности, к цели.

Рассмотрим, на каких базовых предположениях строятся такие метафоры: *есть мы и окружающий мир, он отделён от нас, он неупорядоченный, нам нужно отделить себя от мира, упорядочиться так, чтобы стать независимыми или сильными и таким образом получить безопасность. Ошибки и проблемы неизбежны. Все что можно сделать — держаться вместе, действовать от естественной динамики, тогда можно что-то изменить и не быть виновным в пробле-*

мах. Это сообщество, занятое выживанием и защитой.

Выживающее сообщество сориентировано на взаимодействие и детерминированные действия, реактивно, действует с отсутствием цели, динамично, агентом изменений себя не считает (скорее рассматривает свои действия следствием обстоятельств). В корневой метафоре отсутствует цель, продуктивность, результат. Как «выживающее сообщество» сотрудники интегрированы в группы по принципам «помощи друг другу» и коллективной ответственности, оперативная функция осуществляется через коммуникацию членов группы (не через цель). Это означает, что группа защищает свои интересы (стабильность, комфорт) скорее, чем организационное развитие и изменение.

Корневая метафора объясняет, почему производство складывается стохастически, интерактивно в процессе общего движения и взаимодействия разных подразделений (по принципу «так складывается»). Результат получается «всем миром», если не останавливаться и постоянно «взбивать сметану до состояния масла».

Такая корневая метафора выявляет превалирование ценностей безопасности над ценностями самонаправления, целенаправленного достижения, что обособывает работу без плана, ориентацию на тактику, постоянство проблем и низкую продуктивность.

Таким образом, самописание производственного отдела полностью отражает специфичность его деятельности, для которой как раз и характерна неплановость, авральный режим работы (выполнение плана в дефиците времени).

В заключение мы хотели бы рассмотреть интересный феномен «само-запро-

граммированности», с которым мы встретились.

Так, из табл. 2 видно, что идеальная компания выражена такими метафорами, как Улей с одними пчелами, Улей (2); Дом, Семья (2); Полная пирамида, Большой небоскреб (2); Краб, Борзая (2); Райский уголок, Безупречная компания (2).

В основном метафоры идеальной организации по смыслу подобны метафорам реальной организации, в которой работают участники исследования, имеют сходные семантические компоненты: сильнее выражен семантический компонент «структурированность», присутствует «движение», и меньше метафор, содержащих компонент «естественное развитие» (например, большая река, краб, борзая).

При этом появляется новая группа метафор со значениями «идеальное место» (райский уголок, безупречная компания) и «родное место» (семья, дом). Для этих метафор характерен семантический компонент «комфортное состояние».

Во всех идеальных метафорах, так же как и в реальных, отсутствует семантический компонент «цель», «направленность». Таким образом, точно так же не возникает инструмента и для объединения, и для направленного развития.

Для наглядности продемонстрируем пары метафор, где первая метафора — это реальная организация, а вторая — идеальная организация. *Река — Идеальная организация; Муравейник — Часы; Улей — Часы; Суматоха — Конвейер; Конвейер — Безупречная компания; Стеклянная пирамидка — Большой небоскреб; Машина — Райский уголок; Робот — Дом; Футбол — Семья.*

Из приведенных данных видно, что реальная компания «эволюционирует» в механизм (часы, конвейер), в более крупную структуру (большой небоскреб, пирамида) или в комфортное место (дом, райский уголок).

Так что же все-таки происходит с идеалом производителей, к чему они стремятся и как преодолевают организационные ограничения низкой продуктивности, неплановой, стохастичной и авральной работы, которая их вводит в стресс, порождает ошибки и вызывает чувство вины?

Основной способ борьбы — это еще большее избегание неопределенности за счет детерминирования работы и сведения ее в работу *механизма* или *структуры*, еще большее избегание напряжения за счет мечты о *комфортном месте*. Производители не применяют к своему идеалу категории «цель» и «результат». Их идеал становится «закрепощенным», жестко структурированным и комфортным (ненапряженным), нединамичным.

Участники исследования реагируют на проблемы контрпродуктивно, то есть не снижают неопределенность, а просто избегают ее, находятся и остаются в рамках собственных метафор и усиливают неагентивность, статичность, детерминированность, процессуальность и бесцельность. Это говорит об их защитном поведении и о том, что они сами программируют себя на уже сложившийся «образ производства». Их поведение противоречит неопределенности и динамичности организационной среды.

Вероятно, в этом и состоит сила метафорического организационного описания и корневой метафоры — выражать и передавать базовые установки по отно-

шению к окружающему миру, ситуации, которые трудно рефлексировать сами носителями и поэтому слабо корректируются. Неслучайно при радикальных организационных преобразованиях руководители компаний активно прибегали к популяризации нового метафорического самоописания [7] и на фоне этого проводили собственно организационные изменения.

Отметим, что метод метафорических самоописаний позволяет выявить принципы организационной идентичности и базовые принципы организационной культуры, ее особенности, которые являются специфичными для определенного вида деятельности отдела (производственного в частности). Эта область малоизучена и представляется, безусловно, интересной для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю.* Психология жизненных ситуаций. М., 1998.
2. *Власов П.К.* Психология формирования стратегии организации на этапе замысла. СПб., 2001.
3. *Власов П.К., Киселева А.А.* Замысел и организационная реальность. Харьков, 2007.
4. *Каммингс С.* Реконструкция стратегии. Харьков, 2011.
5. *Карташев В.А.* Система систем. Очерки общей теории и методологии. М., 1995.
6. *Котик М.А.* Курс инженерной психологии. Таллин, 1978.
7. *Сейдл Д.* Метафорическое самописание // Мюллер А., Кизер А. Организационная коммуникация. Харьков, 2005.
8. *Элвессон М.* Организационная культура. Харьков, 2005.
9. *Cameron K.* Critical Questions in Assessing Organizational Effectiveness // *Organizational Dynamics*. 1980. Autumn.
10. *Korzybski A.* Science and Sanity. The International Non-Aristotelian Library Publishing Company, 1958.
11. *Kreitner R., Kinicki A.* Organizational Behavior. Chicago, 1995.
12. *Luhmann N.* Soziologische aufkldrung 3. Soziales System, Gessellschaft, Organisation. Opladen, 1993a.
13. *Weick K.E.* The social psychology of organizing. MA, 1979.

Metaphors in Self-Descriptions of Organizations

P.K. VLASOV

PhD in Psychology, head of the Institute of Applied Psychology "Humanitarian Centre"

A.A. KISELEVA

*PhD in Philology, deputy head of the Institute of Applied Psychology
"Humanitarian Centre"*

The paper presents results of a study aimed at exploring values and organizational culture of members of an organization through their metaphorical self-descriptions. The study involved 35 heads of several departments (production, financial and sales departments and department of new product development) working in an electrical company. The subjects were asked to describe the real and the ideal organization using metaphors at their choice. These metaphors were then analyzed according to the specially developed criteria. The revealed root metaphor suggests that safety values dominate over self-direction and achievement values in the subjects. Also, the metaphorical self-description method helped to discover the principles of organizational identity and the basic principles of the organizational culture, with its features specific for a certain type of activity.

Keywords: *root metaphor, self-description, organizational culture, identity, semantic component ideal organization.*

REFERENCES

1. Burlachuk L.F., Korzhova E.Yu. Psihologiya zhiznennyh situacii. M., 1998.
2. Vlasov P.K. Psihologiya formirovaniya strategii organizacii na etape zamysla. SPb., 2001.
3. Vlasov P.K., Kiseleva A.A. Zamysel i organizacionnaya real'nost'. Har'kov, 2007.
4. Kammings S. Rekonstrukciya strategii. Har'kov, 2011.
5. Kartashev V.A. Sistema sistem. Oчерki obshei teorii i metodologii. M., 1995.
6. Kotik M.A. Kurs inzhenernoi psihologii. Tallin, 1978.
7. Seidl D. Metaforicheskoe samoopisanie // Myuller A., Kizer A. Organizacionnaya kommunikaciya. Har'kov, 2005.
8. Elvesson M. Organizacionnaya kul'tura. Har'kov, 2005.
9. Cameron K. Critical Questions in Assessing Organizational Effectiveness // Organizational Dynamics. 1980. Autumn.
10. Korzybski A. Science and Sanity. The International Non-Aristotelian Library Publishing Company, 1958.
11. Kreitner R., Kinicki A. Organizational Behavior. Chicago, 1995.
12. Luhmann N. Soziologische aufklдrung 3. Soziales System, Gessellschaft, Organisation. Opladen, 1993a.
13. Weick K.E. The social psychology of organizing. MA, 1979.

Особенности профессионального отношения сотрудников к деятельности и организации (на материале специалистов в банковской сфере)

А.А. АЛДАШЕВА

*доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник
Института психологии РАН*

Н.Г. МЕЛЬНИКОВА

*кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института
горной физиологии Национальной академии наук Кыргызской Республики*

В статье представлены результаты эмпирического исследования личностных детерминант (прежде всего, локуса контроля) в характеристике профессионального отношения к деятельности специалистов банковской сферы. Обнаружено возрастающее значение личных достижений, развития карьеры, инициативы и влияния в деятельности для специалистов с ростом уровня локуса контроля. Даны рекомендации для отбора специалистов банковской сферы деятельности.

Ключевые слова: профессиональное отношение, локус контроля, эффективность деятельности, мотивы и условия деятельности, профессиональный отбор.

Отношение любого специалиста к работе представляет собой сопряжение требований деятельности к человеку и человека к деятельности, которые проявляются, во-первых, в знаниях общих требований деятельности, определяющих поведение специалиста, и частных, учитывающих направление деятельности банковского учреждения. Знания требований специалистов к профессии, таких как степень удовлетворенности материальных и духовных потребностей, возможность самореализации, позволяют понять и оценить профессиональное отношение работника. Все эти знания помогают руководителям в решении ряда задач совместной деятельности и коллектива в целом, в вопросах мотивации

персонала, продвижении специалистов по службе, позволяют определить тип и характер отношений с подчиненными, конкретизируют модель деятельности профессионала [4; 19]. Кроме того, такого рода знания играют важную роль и определяют специфику профессионального отбора, определяя его критерии: вид организации и тип управления, предпочтение определенной категории работников, степень сложности вхождения в команду и другие параметры [24].

Исследование представлений о том, что побуждает людей хорошо и добросовестно трудиться, является в настоящее время одной из трудноразрешимых проблем в социальной психологии труда. Не углубляясь в теоретические проблемы

изучения мотивации как предмета организационной психологии и психологии управления, обратимся к практической стороне проблемы, раскрывающей потребности работника в самореализации как побудительной причины эффективного поведения. Известны различные инструменты изучения отношения персонала к социально-психологическому климату и организации в целом: социологические опросы, мониторинг, аттестация, оценка как форма администрирования персонала. Преимущества оценки персонала (администрирования) как управленческого инструмента в том, что руководитель при решении организационных вопросов обращается к методу прямой и обратной связи с целью диагностики мотивации, ее коррекции и направления работника на достижение целевых требований организации [4; 8; 21]. Концептуальные установки руководителя при оценке банковского работника можно сформулировать в тезисе, что любое решение, принимаемое сотрудником в рамках своих полномочий, должно отражать объективные интересы банка, а глубина понимания этих интересов и трактовка их важности и приоритетов рассматриваются как совокупность мотивационных факторов, детерминирующих поведение работника [21]. Психологический результат эффективного применения оценки проявляется не только в росте управленческой компетентности руководителя, но и в удовлетворенности трудом работников, улучшении взаимоотношений в коллективе, формировании представлений о должном [2; 3]. Взаимодействие в системе «руководитель-подчиненный» на основе прямой и обратной связи позволяет руководителю влиять на формирование социально-психологи-

ческой идентичности работника [9], на социально-психологический климат в организации, тем самым изменять ее организационную культуру [16]. Психологический климат организации как сложная переменная, включающая значимость, компетентность, самодетерминацию и влияние, является «зеркалом» отношения персонала к деятельности и его понимания своих полномочий и ответственности [28].

Значимыми индикаторами отношения к организации являются самостоятельность в деятельности, характеристики лидерства, рабочие группы, включающие взаимодействие, сотрудничество, общее пространство, складывающееся между индивидами и подсистемами организации, формирующееся на основе принципа справедливости и понятной системы наград [27].

Деятельность банковского специалиста предъявляет требования к таким профессионально важным качествам, как исполнительность, через требование к тщательному выполнению алгоритмизированных профессиональных задач в соответствии с имеющимися у специалиста полномочиями и компетентностью. Критичность специалиста позволяет оценивать целесообразность способов действий, решений; тактичность связана с лояльным отношением в профессиональных взаимодействиях с коллегами, клиентами; выбор необходимого эмоционального тона взаимодействия помогает учитывать отклик человека и формировать необходимый в работе эмоциональный опыт; оперативность проявляется во временном показателе актуализации намеченного и готовности к смене готовых форм действий на новые, при непрерывной ответственности профес-

сионала, обеспечивающей необходимую в труде скрупулезность [21].

Представления специалиста о профессиональной деятельности включают ментальную репрезентацию знаний и отношений к различным ее сторонам [12] наряду с целевыми ориентирами Я-концепции, формирующей профессиональное поведение специалиста. Отношение личности к своему профессиональному «Я» играет важную роль в постановке и достижении целей, определяет способы разрешения кризисных ситуаций, в регуляции общения и трудовой деятельности [11], отражает выбор стратегии профессионального поведения как направление самореализации [2].

Одной из важных характеристик личности, определяющей направление самореализации, выступает показатель локуса контроля, влияющий на результаты и эффективность труда и определяющий тип взаимодействия. Известно, что степень эффективности человека в контроле возникшей ситуации и организации адекватной этой ситуации реакции, обеспечивающей достижение стоящих перед ним целей, определяется степенью сбалансированности внешнего и внутреннего локуса контроля. Преобладание внешнего контроля характеризует такое восприятие событий, которое не связывает их с поведением или действиями личности, а конкретное событие при этом расценивается как во многом независимое и неподконтрольное ей. Экстерналы видят большинство событий как результат случайности, контролируемый силами, не подвластными человеку.

Люди с высоким внутренним контролем (интерналы) склонны внимательно анализировать ситуацию, активно использовать различные варианты пове-

денческих компонентов адаптации, разрабатывать программы поведения, осуществлять предвосхищающие действия. Они чувствуют, что только некоторые события находятся вне сферы человеческого влияния. Их поведение направлено на активное противодействие адаптогенному фактору, а сами они характеризуются повышенной устойчивостью к возмущающим факторам и чаще дают оптимистические оценки. Внутренний контроль основан на восприятии позитивных или негативных событий как последствий личных действий и, таким образом, находящихся под личным контролем. Интерналы тратят существенную часть своей умственной энергии на получение информации, что позволяет им влиять на значимые для них события. Они имеют выраженную тенденцию разрабатывать специфические и конкретные планы действий в тех или иных ситуациях. Проявление той или иной стратегии поведения во многом определяется конкретными жизненными ситуациями.

Известно, что люди с интернальным локусом контроля характеризуются уверенностью в себе, благожелательным отношением к другим, в то время как экстерналы более тревожны, конформны, менее популярны. Наличие интернального локуса контроля позволяет занимать активную личностную позицию [23], сохранять профессиональную эффективность в условиях мобильности рынка труда [1]. Так, например, руководители с интернальным локусом контролируют ситуации возможных неудач или достижений, ориентируясь на предотвращение ошибок, что обеспечивает им уверенность в действиях, нацеленность на результат, независимость в суждениях и поступках [5].

Программа эмпирического исследования

В рамках осуществленного нами исследования изучен тип взаимодействия, связанного с оценкой результатов труда специалистов, с точки зрения ее содержания, процедуры осуществления и итогов данной оценки, всегда имеющих определенный резонанс в организации [8]. Поскольку оценка руководителя влияет на изменение социального и профессионального статуса подчиненного [2], в той или иной степени удовлетворяя карьерные ожидания работника, выступает мотиватором деятельности [14], ее результаты субъективно оцениваются как справедливые/несправедливые, формируя отношение специалиста к своей деятельности.

Что касается гипотезы исследования, согласно ей, предполагается, что специфика оценки специалиста руководителем и самооценка субъекта труда связаны с уровневой характеристикой субъективного контроля (УСК), которая проявляется в индивидуально-типическом профессиональном отношении специалиста.

В этой логике цель статьи — показать роль локуса контроля в формировании индивидуально-типического профессионального отношения к деятельности специалистов банковской сферы.

Участниками исследования являются 58 сотрудников из профильных и сервисных подразделений банка, прошедших профессиональный психологический отбор при приеме на работу (возраст от 22 до 50 лет; $M = 29,42$; $SD = 7,6$) и продолжительность работы которых к моменту оценки составляла от 1 года до 3 лет, что рассматривалось в качестве

факта успешной профессиональной адаптации. На основании оценки уровня субъективного контроля (общий показатель Уоб по тесту УСК) [6] выделены 3 группы: с «дефицитом контроля» — 6 человек; «оптимальная» — 39; «интервальная» — 6 человек. Оценка специалистов проводилась непосредственными руководителями (9 менеджеров).

Методика и процедура исследования. Представлены результаты анкетирования специалистов банка (самооценка) и оценки руководителей.

Специалистов просили дать ответы на открытый (характеристика ПВК) и закрытые вопросы о разных сторонах деятельности (удовлетворенность материальным вознаграждением, условиями труда, признание личных достижений) для получения усредненных данных у тех из них, кто имеет опыт работы в банке. Анкеты специалистов нумеровались и не требовали указания имени, фамилии, подразделения.

Цель анкетирования специалистов — изучение удовлетворенности материальными, познавательными, карьерными факторами труда, профессионального общения.

В анкету специалистов было включено наиболее общее представление о труде, позволяющее описать ПВК банковского служащего (открытый вопрос). Кроме того, специалисты выражали суждения о вкладе в деятельность различных психических функций [15], а именно, восприятия, запоминания и преобразования информации (код «71»); развития логических действий и умения анализировать (код «72»); развития практических знаний и навыков (код «73»); совершенствования контроля и самоконтроля за ходом и результатом труда (код

«74»); управления психомоторными действиями и профессиональными движениями (код «75»); роли эмоций (код «76») и коммуникаций в труде (код «77»), суммарный вклад которых равнялся 100 %. Самооценка по данному вопросу выражалась в процентах.

В блоке мотивов труда суждения касались вопросов: удовлетворенности материальным вознаграждением за труд (код «81»), продвижением по службе (код «82»); обретением общественного статуса (код «83») и статуса в неформальной группе (код «84»); интереса к процессу труда (код «91»); познавательной потребности в труде (код «92»), в самосовершенствовании (код «93») и соотношении между физической и моральной нагрузками (код «94»). Помимо этого, давалась субъективная оценка удовлетворенности соотношением между вознаграждением за труд и его результатами (код «101»); инициативой в труде и вознаграждением (код «102»); соотношением собственных усилий в деятельности и коллег (код «103»); ожидаемых и реально сложившихся коммуникаций в деятельности (код «104»). Также оценивался субъективный вклад специалиста в результаты труда, параметр «ЛК-специалист». Специалисты выразили собственное отношение к перечисленным сферам оценкой по 10-балльной шкале.

Оценка эффективности деятельности специалистов банка руководителями производилась с помощью закрытых вопросов по 10-балльной шкале по критериям качества деятельности, количества, стабильности результатов труда, эффективности профессионального общения и инициативы в труде [26]. Руководители также оценивали влияние на результат

труда усилий специалистов, способность контролировать процесс труда. Данная оценка представлена нами как «ЛК-руководитель».

В анализе суждений руководителей реализовались два методических принципа в оценке качеств специалистов банка: с одной стороны, экспертный опрос, с другой – наблюдение [4, с. 87] за период совместной работы со специалистами и уточнения концептуальных оснований отношения к собственной деятельности, которые возникают у руководителя.

Обобщение проведенного исследования позволяет рассматривать его результаты как отношение персонала к организации и собственной деятельности.

Анализ результатов включил (пакет программ SPSS – 16.0): частотный анализ, описательную статистику и определение достоверности различий групп специалистов с разным по уровню субъективного контроля (Cruskall-Wallis – χ^2), факторный анализ с учетом значимо различающихся переменных в данных группах (Варимакс-вращение – КМО = 0,717; специальный коэффициент Бартлетта = 57,56; значимость = .000).

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты частотного анализа позволили выделить в самооценках специалистов три группы характеристик. Большинство специалистов выделили параметры, которые описывают профессиональное отношение к работе (21,7 % суждений от общего числа ответов). Данные суждения раскрывались через требования к «ответственности» и «работоспособности». Интерпретация ответствен-

ного отношения в деятельности формулируется как целостная индивидуальная позиция [7], формирующая положительное отношение и удовлетворенность трудом, включает потребность в самоутверждении, позитивном принятии себя, выступает мотивами-побудителями и мотивами-условиями.

Вторая группа суждений сфокусирована на вопросах о необходимости определенных знаний, навыков, умений и ориентации специалистов на профессиональное развитие через обучение, приобретение опыта и компетентности (по 15,5 % высказываний). Эти оценки преимущественно отражают содержание технологической компетентности, проявляющейся в способах организации профессиональных знаний, умений и опыта [2]. Данные результаты позволяют определить способы решения производственных задач специалистами банковской деятельности.

В третьей группе (по количеству упоминаний группе суждений) основное внимание сосредоточено на аналитических компонентах деятельности (развитые мыслительные качества) и коммуникативных свойствах специалистов (12,4 % высказываний), которые говорят о таком ПВК, как аналитические навыки и умение выстраивать отношения.

Можно предположить, что, во-первых, отношение специалистов через оценку основных требований профессиональной деятельности описывает качественную характеристику поведения субъектов совместной деятельности [23]; что, во-вторых, у специалистов банковской сферы с разным уровнем субъективного контроля реализуется индивидуально-типическое профессиональное отношение к труду.

Сравнительный анализ групп с разным уровнем локуса контроля (результаты представлены в табл. 1) показывает, что для группы с «дефицитом контроля» самооценка собственных усилий при достижении результата более низкая, по сравнению с фактом влияния внешних обстоятельств («ЛК-специалиста», анкета специалиста), относительно самооценок респондентов группы «оптимальной» и группы «интернальной». В группе с «дефицитом контроля», по сравнению с группой «оптимальной», значимо ниже общий показатель Уоб УСК. При этом респонденты первой группы придают большую значимость контролю и самоконтролю в деятельности (психическая функция код «74»). Как видно из табл. 1, специалисты с «дефицитом контроля» оцениваются руководителями как менее инициативные.

Самооценка собственных усилий для достижения результата («ЛК-специалист», анкета специалиста) и влияния внешних обстоятельств в «оптимальной» группе занимает среднее положение между группой с «дефицитом контроля» и группой «интернальной». Представление о факторах, связанных с возможностью «продвижения по службе» (анкета специалиста, код «82»), существенный вклад в которую вносят знания о социальных отношениях, проявляющихся в служебных взаимоотношениях (анкета специалиста, код «104»), у представителей «оптимальной» группы выше по сравнению с респондентами группы с «дефицитом контроля».

Специалисты «интернальной» группы с высоким уровнем локуса контроля имеют более высокую оценку сопряженности между собственными затратами в труде и затратами коллег в сравнении с группой «оптимальной» (анкета специалиста, код «103»).

**Значимые результаты при сравнении показателей (Cruskall-Wallis)
в группах специалистов, различающихся по уровню субъективного контроля
(Uоб, методика УСК, Бажина)***

Группы сравнения	Показатели методик и статистические критерии
Группы с «дефицитом контроля» (n = 6) и «оптимальная» (n = 39)	«Инициативность» (анкета руководителя) $\chi^2 = 5,93$; $p = .01$; значения рангов: группа с «дефицитом контроля» = 6,9 и группа «оптимальная» = 17,22
Группы с «дефицитом контроля» (n = 6) и «оптимальная» (n = 39)	Uоб (методика УСК) $\chi^2 = 15,44$; $p = .00$; значения рангов: группа с «дефицитом контроля» = 3,5 и группа «оптимальная» = 26
Группы с «дефицитом контроля» (n = 6) и «оптимальная» (n = 39)	«ЛК-специалист»: самооценка своих усилий при достижении результата в сравнении с влиянием обстоятельств (анкета специалиста) $\chi^2 = 5,19$; $p = .02$; значения рангов: группа с «дефицитом контроля» = 6,9 и группа «оптимальная» = 17,22
Группы «оптимальная» (n = 39) и «интервальная» (n = 6)	«ЛК-специалист» — тот же показатель $\chi^2 = 10,44$; $p = .00$; значения рангов: группа «оптимальная» = 4,71 и группа «интервальная» = 13,08
Группы с «дефицитом контроля» (n = 6) и «интервальная» (n = 6)	«ЛК-специалист» — тот же показатель $\chi^2 = 10,48$; $p = .00$; значения рангов: группа с «дефицитом контроля» = 3 и группа «интервальная» = 11,5
Группы с «дефицитом контроля» (n = 6) и «оптимальная» (n = 39)	Психическая функция: контроль и самоконтроль деятельности (анкета специалиста код «74») $\chi^2 = 5,11$; $p = .02$; значения рангов: группа с «дефицитом контроля» = 34,08 и группа «оптимальная» = 21,29
Группы с «дефицитом контроля» (n = 6) и «оптимальная» (n = 39)	Продвижение по службе (анкета специалиста код «82») $\chi^2 = 7,44$; $p = .01$; значения рангов: группа с «дефицитом контроля» = 9,58 и группа «оптимальная» = 25,06
Группы с «дефицитом контроля» (n = 6) и «оптимальная» (n = 39)	Соответствие представлений о взаимоотношениях на работе реальным взаимоотношениям (анкета специалиста код «104») $\chi^2 = 4,68$; $p = .02$; значения рангов: группа с «дефицитом контроля» = 11,83 и группа «оптимальная» = 23,65
Группы «оптимальная» (n = 39) и «интервальная» (n = 6)	Сравнение собственных затрат для достижения результата деятельности и затрат коллег (анкета специалиста код «103») $\chi^2 = 3,73$; $p = .04$; значения рангов: группа «оптимальная» = 6,50 и группа «интервальная» = 11,41

* *Примечания:* среднее значение для обследованной группы Uоб = 31,7 ± 4,9; значения Uоб в группах: с «дефицитом контроля» — не превышающие 26; «оптимальной» — изменяются от 27 до 36; «интервальной» — от 37.

Низкая самооценка возможности влиять на достижение результата (группа с «дефицитом контроля», по сравнению с группами «оптимальной» и «интернальной») связана с менее успешным контролем ситуации и более пассивной позицией субъекта. Исследования показывают, что лица с низким УСК характеризуются как люди, избегающие поиска более эффективных способов действия [21; 23], что подтверждается нашими результатами, которые указывают на низкую инициативность в труде представителей с «дефицитом контроля». Полученные результаты показывают, чем выше уровень субъективного контроля, тем более выражена у человека социальная осведомленность, понимание роли собственного вклада в социальное взаимодействие для достижения карьерных устремлений.

Высказанное предположение находит свое подтверждение при анализе суждений о собственных «вложениях в работу и вкладе коллег» (код «103»). Полученные результаты соотносятся с психологическими аспектами вознаграждения за труд [10], когда учитываются такие детерминанты, как организация и работающие в ней профессионалы наряду с факторами рынка труда, типом работы. У специалистов из «интернальной» группы отмечается взаимосоответствие в оценке личных вложений в работу и затрат коллег. Респондентами подчеркивается важность роли внутренней справедливости в оценке труда [25], реализацией которой они в целом удовлетворены. Данную специфику оценок в группах с разным уровнем УСК можно сопоставить с показателем личностных ресурсов [18], в котором «самоэффективность» раскрывается умением фор-

мировать свое поведение, прилагая усилия для решения задач, что рельефно представлено в «интернальной» группе (код «103» и высокая самооценка «ЛК-специалист»).

Описание групп с разным уровнем субъективного контроля позволило выделить наряду с индивидуальными общими ориентиры профессионального поведения и степень вовлеченности сотрудника в совместную деятельность: ответственное отношение к труду как морально-нравственный императив, установка на развитие технологической и надпрофессиональной компетентности. Индивидуально-личностное отношение субъекта труда характеризует способ его реализации, который зависит от уровня субъективного контроля, инициативности, типа социального взаимодействия и некоторых других свойств личности, определяющие стили самореализации. Так, при описании собственной модели поведения специалистами с низким уровнем контроля (группа с «дефицитом контроля») делается акцент на проблемности решения профессиональных вопросов (низкие значения $U_{об}$ и «ЛК-специалист»). В то время как они подчеркивают важность роли контроля в работе, руководителями они характеризуются как работники с низкой инициативой. Можно предположить, что такой тип поведения связан со слабой структурированностью алгоритмов деятельности и, как следствие, избеганием профессионального взаимодействия и проявления инициативы.

Профессиональное поведение специалистов со средним («оптимальная» группа) и высоким («интернальная») уровнем субъективного контроля, напротив, характеризуется инициативностью (оценка руководителей). Они выделяют

и обобщают значимые стороны субъективного восприятия работы, делают акцент на психологических аспектах удовлетворенности трудом и его организации (суждения о личных достижениях в деятельности, включая профессиональное продвижение, код «82», и адекватную оценку характера взаимоотношений на работе, код «104»), они стремятся проявлять объективность в оценках собственного вклада для достижения результата деятельности и коллег (код «103»), объема собственных усилий для достижения результата («ЛК-специалист»).

Результаты исследования позволили на основе анализа индивидуально-типических представлений «я и профессия» показать своеобразие профессионального отношения работников с разным уровнем субъективного контроля. Установлено, что с ростом уровня УСК (от группы с «дефицитом контроля» к группе «оптимальной» и далее к «интернальной») у респондентов возрастает оценка собст-

венных успехов в продвижении по службе, вклада в общее дело по сравнению с коллегами, усилий для достижения целей и результата деятельности, по сравнению с влиянием обстоятельств. Представления о служебных взаимоотношениях конкретизируются и наполняются содержанием, обеспечивая условия для самореализации и удовлетворенности трудом. Обнаружена прямая зависимость между оценками руководителя «инициативности специалистов» и уровнем УСК. Полученные результаты позволяют говорить, что степень выраженности субъективного контроля как социально-психологической установки специалиста, описывающей траекторию профессиональной самореализации, может служить валидным прогностическим критерием при отборе персонала. В частности, при отборе лиц, работа которых предполагает совместную деятельность, прогностически благоприятными являются показатели в диапазоне средних значений УСК (табл. 2).

Таблица 2

Характеристики профессионального отношения в группах с разным уровнем субъективного контроля

Показатели профессионального отношения	Группа с «дефицитом контроля»	Группа «оптимальная»	Группа «интернальная»
1. Уровень субъективного контроля деятельности	Отсутствие инициативы в решении задач	Поиск эффективных способов решений	Независимость в поступках, суждениях
2. Самооценка собственных усилий при достижении результата в сравнении с влиянием обстоятельств	Низкая	Адекватная	Высокая
3. Инициативность (суждения руководителей)	Менее инициативные	Должная инициативность	Повышенная инициативность
4. Значимость контроля и самоконтроля в деятельности: оценка психической функции	Декларативная значимость контроля и самоконтроля	Необходимость контроля и самоконтроля	Необходимость контроля и самоконтроля

5. Отношение к карьерному росту	Не выражено внимание к факторам карьерного роста	Выражено внимание к факторам карьерного роста	Выражено внимание к факторам карьерного роста
Отношение специалистов к профессиональному взаимодействию	Не акцентировано внимание	Акцентировано внимание на факторах взаимодействия	Акцентировано внимание на факторах взаимодействия
Социальная осведомленность: оценка собственных затрат и затрат коллег в достижении результата	Не выражено	Удовлетворены справедливостью оценки вклада специалиста	Выражена удовлетворенность справедливостью оценки вклада специалиста

Согласно В.П. Познякову, социально-психологическое отношение как вид психологического отношения характеризуется рядом существенных признаков, среди которых — содержание и характер совместной деятельности; нормативно-оценочные характеристики, их обусловленность социальными нормами, требованиями, ожиданиями, проявляющимися во мнениях, оценках, суждениях, в поведении, взаимодействии, в преобладании тенденций к объединению, сотрудничеству или разъединению и противоборству [20]. Анализируемые в работе суждения специалистов, включающие все атрибуты социально-психологического отношения, рассматриваемые в конкретной профессии в определенный временной организационный период (профессиональная ситуация), мы позволили себе определить как профессиональное отношение. Под профессиональным отношением понимается самостоятельно задаваемая специалистом обратная связь для себя в труде, определяющая вектор активности субъекта деятельности.

Специфика работы в банковской сфере связана с выполнением нормативных требований, распространяющихся на поведение сотрудников, содержание ин-

формации, которой специалист оперирует, его скрупулезность и критичность, прежде всего, к своим действиям. От специалиста требуется способность переноса новых знаний, умений, навыков из одной сферы труда на другие. Такая способность характеризуется как компетентность [3; 22], так и инициативность специалиста. В этом смысле нормативное ограничение, предопределяющее результат деятельности, согласно В.Д. Шадрикову, трансформируется через систему мотивов и способностей в субъективные цели деятельности и выражается в инициативе [26]. Противоречие между нормативными требованиями и инициативностью разрешается профессиональным отношением субъекта, определяющего способы осуществления целей деятельности с учетом ее специфики, которые свидетельствуют о степени и характере компетентности специалиста.

В целом анализ профессионального отношения как оценочно-нормативной характеристики позволяет описать представление группового субъекта о структуре профессионального отношения:

— морально-нравственного отношения: ответственность и сохранение высокой работоспособности, удовлетворенность трудом;

– требования деятельности к профессиональной компетентности, обеспечивающей выбор способа достижения решений в рамках регламентированной деятельности, существенным аспектом которой является готовность решать проблемы в многообразии профессиональных ситуаций (инициатива);

– профессионально-важные качества как владение аналитическими навыками и умение выстраивания межличностных отношений и оптимальных способов взаимодействия.

Выводы

1. Индивидуально-личностное отношение работников с разным уровнем субъективного контроля (низкий, средний, высокий) определяет индивидуально-типическое своеобразие профессионального отношения, которое является важным для контекста отбора наряду со спецификой организации, управления и

личностными характеристиками, необходимыми для решения организационных вопросов, таких как адаптация в коллективе и распределение профессиональных задач.

2. Степень выраженности субъективного контроля как социально-психологической установки специалиста определяет траекторию профессиональной самореализации и является прогностическим критерием при отборе персонала. Показано, что для совместной работы предпочтительно рекомендовать людей с оптимальным уровнем субъективного контроля.

3. Эмпирически выявлены три группы оценочно-нормативных представлений специалистов банковской сферы: нравственно-ценностное отношение; профессиональная компетентность; профессионально-важные качества.

4. Дается определение профессионального отношения как задаваемая работником обратная связь для себя в труде, определяющая направление субъективной активности специалиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абилите Л.Л., Харламова М.Р., Скуя И.Я.* Изучение связи уровня самоконтроля и социальных установок у медицинских сестер в Латвии // Молодой ученый. 2011. № 6.
2. *Алдашева А.А.* Администрирование как метод управления профессиональным развитием / Социальная психология труда. Теория и практика. Т. 2. М., 2010.
3. *Алдашева А.А.* Профессиональная компетентность: понятие, структура // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2012. Вып. 4.
4. *Алдашева А.А., Медведев В.И., Сарбанов У.К.* Психологические механизмы банковского менеджмента. М., 2002.
5. *Астапенко Е.В.* Субъективные акмеологические детерминанты в условиях эффективности профессиональной деятельности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на Дону, 2011.
6. *Бажин Е.Ф., Гольнкина Е.А., Эткинд А.М.* Метод исследования субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 3.
7. *Бодров В.А.* Современные исследования фундаментальных и прикладных проблем психологии профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Бодрова и А.Л. Журавлева. М., 2008.

8. Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология. Учебник для вузов. СПб., 2001.
9. Ермолаева Е.П. Психологическая специфика исследования социальной реализации человека в профессии // Проблемы фундаментальной и прикладной психологии профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М., 2008.
10. Захарова Л.Н. Психология управления: учебное пособие. М., 2012.
11. Зеленова М.Е. Психическая саморегуляция стресса у специалистов технического профиля // Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М., 2013.
12. Зинченко В.П., Мунипов В.М. Основы эргономики. М., 1980.
13. Ильин В.А. О предмете и основных задачах организационной психологии на современном этапе ее становления и развития // Социальная психология и общество. 2013. № 4.
14. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2008.
15. Климов Е.А. Основы психологии. Учебник. М., 1977.
16. Куни Г., О'Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций: В 2 т. Т. 2. М., 1981.
17. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
18. Мандрикова Е.Ю., Горбунова А.А. Взаимосвязь увлеченности работой, личностных ресурсов и удовлетворенности трудом сотрудников // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 4.
19. Методы практической социальной психологии: Диагностика. Консультирование. Тренинг. М., 2004.
20. Позняков В.П. Развитие теории отношений в современной отечественной социальной психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4.
21. Психология банковской деятельности / Под ред. В.И. Медведева. СПб., 2006.
22. Равен Д. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие, реализация. М., 2002.
23. Реан А.А. Психология и психодиагностика личности. Теория, методы исследования, практикум. СПб., 2006.
24. Роу Р., Ван Ден Берг П. Подбор персонала в Европе: контекст, перспективы и программа исследования // Организационная психология. 2012. Т. 2. № 3.
25. Спиридонов В.Ф., Гулевич О.А., Безменова И.К. Факторы, опосредующие восприятие справедливости организационного взаимодействия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 1.
26. Шадриков В.Д. Мир внутренней жизни человека. М., 2010.
27. James L.A., James L.R. Integrating work environment perceptions: explorations into the measurement of meaning // Journal of applied psychology. 1989. Vol. 74. № 5.
28. Wallace J.C., Johnson P.D., Mathe K., Paul J. Structural and psychological empowerment climates, performance and the moderating role of shared felt accountability: a managerial perspective // Journal of applied psychology. 2011. Vol. 96. № 4.

Features of Bank Employees' Professional Attitude to Activity and Organization

A.A. ALDASHEVA

Doctor in Psychology, leading research fellow at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

N.G. MELNIKOVA

PhD in Psychology, senior research fellow at the Institute of Mountain Physiology, National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic

The paper describes results of an empirical research on personality determinants (first of all, locus of control) of professional attitude to activity in bank employees. The research revealed that the importance of personal achievements, career development, initiative and influence in activity for the subjects increases with the level of their locus of control. Basing on the research outcomes, the paper provides some recommendations concerning employee recruitment.

Keywords: *professional attitude, locus of control, activity effectiveness, motives and conditions of activity, professional selection.*

REFERENCES

1. Abilite L.L., Harlamova M.R., Skuya I.Ya. Izuchenie svyazi urovnya samokontrolya i social'nyh ustanovok u medicinskih sester v Latvii // Molodoi uchenyi. 2011. № 6.
2. Aldasheva A.A. Administrirovanie kak metod upravleniya professional'nym razvitiem / Social'naya psihologiya truda. Teoriya i praktika. T. 2. M., 2010.
3. Aldasheva A.A. Professional'naya kompetentnost': ponyatie, struktura // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pedagogika i psihologiya". 2012. Vyp. 4.
4. Aldasheva A.A., Medvedev V.I., Sarbanov U.K. Psihologicheskie mehanizmy bankovskogo menedzhmenta. M., 2002.
5. Astapenko E.V. Sub'ektivnye akmeologicheskie determinanty v usloviyah effektivnosti professional'noi deyatel'nosti: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk. Rostov-na Donu, 2011.
6. Bazhin E.F., Golyunkina E.A., Etkind A.M. Metod issledovaniya sub'ektivnogo kontrolya // Psihologicheskii zhurnal. 1984. T. 5. № 3.
7. Bodrov V.A. Sovremennye issledovaniya fundamental'nyh i prikladnyh problem psihologii professional'noi deyatel'nosti / Pod red. V.A. Bodrova i A.L. Zhuravleva. M., 2008.
8. Dzhuell L. Industrial'no-organizacionnaya psihologiya. Uchebnik dlya vuzov. SPb., 2001.
9. Ermolaeva E.P. Psihologicheskaya specifika issledovaniya social'noi realizacii cheloveka v professii // Problemy fundamental'noi i prikladnoi psihologii professional'noi deyatel'nosti / Pod red. V.A. Bodrova, A.L. Zhuravleva. M., 2008.
10. Zaharova L.N. Psihologiya upravleniya: uchebnoe posobie. M., 2012.

11. *Zelenova M.E.* Psihicheskaya samoregulyaciya stressa u specialistov tehničeskogo profilya // *Lichnost' professionala v sovremennom mire / Otv. red. L.G. Dikaya, A.L. Zhuravlev. M., 2013.*
12. *Zinchenko V.P., Munipov V.M.* Osnovy ergonomiki. M., 1980.
13. *Il'in V.A.* O predmete i osnovnyh zadachah organizacionnoi psihologii na sovremennom etape ee stanovleniya i razvitiya // *Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2013. № 4.*
14. *Il'in E.P.* Motivaciya i motivy. SPb., 2008.
15. *Klimov E.A.* Osnovy psihologii. Uchebnik. M., 1977.
16. *Kunc G., O'Donnel S.* Upravlenie: sistemnyi i situacionnyi analiz upravlencheskih funkci: V 2 t. T. 2. M., 1981.
17. *Lomov B.F.* Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. M., 1984.
18. *Mandrikova E.Yu., Gorbunova A.A.* Vzaimosvyaz' uvleченности rabotoi, lichnostnyh resursov i udovletvorennosti trudom sotrudnikov // *Organizacionnaya psihologiya. 2012. T. 2. № 4.*
19. *Metody praktičeskoj social'noj psihologii: Diagnostika. Konsul'tirovanie. Trening. M., 2004.*
20. *Poznyakov V.P.* Razvitie teorii otnoshenii v sovremennoj otechestvennoj social'noj psihologii // *Psihologičeskij zhurnal. 2013. T. 34. № 4.*
21. *Psihologiya bankovskoj deyatelnosti / Pod red. V.I. Medvedeva. SPb., 2006.*
22. *Raven D.* Kompetentnost' v sovremennom obshestve: vyyavlenie, razvitie, realizaciya. M., 2002.
23. *Rean A.A.* Psihologiya i psihodiagnostika lichnosti. Teoriya, metody issledovaniya, praktikum. SPb., 2006.
24. *Rou R., Van Den Berg P.* Podbor personala v Evrope: kontekst, perspektivy i programma issledovaniya // *Organizacionnaya psihologiya. 2012. T. 2. № 3.*
25. *Spiridonov V.F., Gulevich O.A., Bezmenova I.K.* Faktory, oposreduyushie vospriyatie spravedlivosti organizacionnogo vzaimodeistviya // *Psihologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki. 2010. T. 7. № 1.*
26. *Shadrikov V.D.* Mir vnutrennei zhizni cheloveka. M., 2010.
27. *James L.A., James L.R.* Integrating work environment perceptions: explorations into the measurement of meaning // *Journal of applied psychology. 1989. Vol. 74. № 5.*
28. *Wallace J.C., Johnson P.D., Mathe K., Paul J.* Structural and psychological empowerment climates, performance and the moderating role of shared felt accountability: a managerial perspective // *Journal of applied psychology. 2011. Vol. 96. № 4.*

Влияние художественной литературы на формирование идеалов современной российской молодежи

А.В. ПУШКИНА

*аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии
Санкт-Петербургского государственного университета*

В статье рассматривается вопрос влияния художественной литературы на процесс формирования идеалов, принципов и ценностей современной российской молодежи. Исследуются основные механизмы этого процесса, анализируются показатели опроса молодых людей в отношении степени и характеристик их интереса к чтению. Определяется взаимозависимость различных факторов, влияющих на формирование круга читательских интересов респондентов.

Ключевые слова: идеалы, художественная литература, ценностные ориентации, молодежь, читательские интересы.

Принимая какие-либо «поведенческие решения», человек, как правило, ориентируется на некие жизненные принципы, ценности и идеалы, усвоенные им в процессе социализации. Отсюда категория «идеал» обладает глубоким социальным значением. Идеалы по сути своей выражают общечеловеческие ценности, организуют жизнедеятельность человека, оказывают влияние на его духовный потенциал и на творческую активность, выступают показателем степени социальной зрелости [2].

Сегодня на формирование идеалов и ценностных ориентаций молодого человека оказывает влияние множество различных факторов. Бытует мнение, что в обществе информационных технологий роль традиционных каналов формирования идеалов, таких как семья, школа, искусство, в том числе художественная литература, постепенно утрачивает свое значение, уступая место каналам массовой коммуникации.

Несмотря на это, художественная культура продолжает оказывать значи-

тельное влияние на внутренний духовный мир человека. Искусство и литература являются важнейшим средством самопознания, определения ценностных ориентиров и предпочтений, в которых формируется мировоззрение молодого человека. Сегодня люди продолжают в искусстве искать ответы на вопросы о добре и зле, справедливости и бесправии, смысле жизни и судьбе.

Молодому человеку в силу его возрастных и психологических особенностей свойственно сопоставлять, сравнивать себя с героями произведений искусства, переносить на себя события, происходящие на сцене, на экране или в книге, погружаться в мир иллюзий, созданный воображением автора произведения [3].

Особый интерес в этом плане представляет художественная литература как особый вид искусства, где художественный образ не статичен, а действует в определенном времени и пространстве, тем самым задает модели поведения в определенных ситуациях. За каждым героем стоит конкретная картина мира [1]. Че-

ловека часто оценивает свои поступки и действия, порой сам не сознавая этого, сравнивая их с теми ценностями, которых придерживается эталонный герой. Отсюда образы, созданные художественной литературой, могут оказывать непосредственное воздействие на жизнь человека в той или иной ситуации.

Таким образом, художественная литература призвана выполнять ряд функций, позволяющих людям познать окружающий мир, пережить определенные эмоции, получить эстетическое удовольствие, уйти от реальности в мир воображения, обогатиться опытом других людей путем сопоставления себя с героями литературных произведений [4]. Однако не все эти функции выполняются в полной мере.

Отсюда возникает проблема несоответствия роли, которую общество отводит художественной литературе как особому виду искусства в процессе формирования нравственных и эстетических идеалов молодого поколения, и реального места художественной литературы в жизни современной молодежи в условиях многообразия каналов трансляции ценностей и идеалов.

Проблема изучения ценностных ориентаций молодежи, а также факторов формирования ценностей и идеалов, на основании которых молодые люди будут строить свое будущее и будущее всей страны, представляет особый исследовательский социально-психологический интерес.

В 2010 году на базе кафедры социологии молодежи и молодежной политики факультета социологии СПбГУ было проведено эмпирическое исследование на тему «Роль художественной литературы в формировании идеалов учащейся молодежи г. Санкт-Петербурга».

Предмет исследования: читательская самооценка учащейся молодежи Санкт-Петербурга, а также факторы, влияющие на мотивацию чтения молодых людей.

Была поставлена цель — выявить механизм формирования идеалов посредством художественной литературы в структуре различных видов искусства и досуга молодежи.

Объектом исследования выступили учащиеся школ и вузов Санкт-Петербурга (257 респондентов). Возрастной интервал представлен тремя группами: 15–17 лет, 18–22 года, 23 года и более. Из них — 103 юноши (40,1 %) и 154 девушки (59,9 %). В опросе принимали участие учащиеся различного профиля — гуманитарный, технический, естественнонаучный.

Полученные в ходе исследования данные позволяют утверждать, что у современной молодежи сохраняется интерес к чтению: 82,1 % опрошенных подтвердили, что любят читать. При этом треть респондентов (29,7 %) читают постоянно, каждый день; более половины ответивших (54,7 %) читают от случая к случаю, не ежедневно; 14,1 % читают очень редко, не чаще чем раз в неделю; лишь 1,6 % не читают вовсе.

В контексте данного исследования наибольший интерес представляет художественная литература с точки зрения ее влияния на формирование идеалов молодежи. Результаты опроса показали, что молодые люди проявляют значительный интерес к произведениям художественной литературы. В системе других видов искусства художественная литература занимает третье место по популярности после музыки и кино.

Среди книг, прочитанных за последние полгода старшекласниками, чаще всего назывались произведения школьного курса: «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова и др. Из произведений, не входящих в программу, было названо большое количество произведений современных зарубежных писателей (Пауло Коэльо, Харуки Мураками, Стефани Майер и т. д.).

Что касается студентов, то они проявляют большой интерес к произведениям русской классической литературы. В списке прочитанных за последние полгода книг представлены произведения из школьной программы по литературе (Л.Н. Толстой «Война и мир», Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание», М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита», М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» и др.), что, возможно, свидетельствует о желании студентов перечитать и переосмыслить некоторые произведения школьного курса с точки зрения своих новых личностных позиций. В то же время респондентами были перечислены внепрограммные произведения программных авторов («Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «В круге первом» А.И. Солженицына, «Дни Турбиных» М.А. Булгакова), что говорит о сохранившемся интересе к произведениям русских классиков.

С другой стороны, студенты проявляют значительный интерес к произведениям зарубежной литературы, как классической, так и современной. Наибольшей популярностью среди студенческой молодежи пользуются следующие произведения: «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера, «Над кукушкиным гнез-

дом» К. Кизи, «Три товарища», «Жизнь взаимы» Э.М. Ремарка и др.

На каждом возрастном этапе в читательском спросе учащихся появляются новые побудительные мотивы к чтению, что объясняется содержанием задач и требований, которые выдвигает перед ними учебно-ролевая и в целом жизненная позиция. Об этом свидетельствуют изменения жанровых предпочтений в зависимости от учебного профиля. Так, например, учащиеся гуманитарного профиля наибольший интерес проявляют к зарубежной классике (54,9 %), к русской классике (52 %) и современной зарубежной литературе (48 %), в то время как учащиеся технических специальностей предпочитают, в первую очередь, фантастику (51,1 %), приключенческую литературу (38,6 %), «фэнтэзи» (34,1 %) и русскую классику (31,8 %). Что касается учащихся естественнонаучного профиля, в отличие от предыдущей категории, русскую классическую литературу они ставят на первое место, а затем уже приключенческую литературу и фантастику.

С возрастом молодой человек в большей степени ощущает свою связь с окружающими людьми, сверстниками и необходимость анализировать свои действия в соответствии с принятыми нормами. Отсюда повышается интерес к художественным произведениям, которые заставляют задуматься над важными нравственными проблемами: 52,9 % учащихся отметили, что обращают внимание на проблемы, затронутые в произведении, для 70 % респондентов очень важно, читая художественную литературу, иметь возможность задуматься над этими проблемами.

Стоит отметить, что молодые люди, уделяющие значительную часть времени чтению художественной литературы, ча-

ще проявляют способности к творческой деятельности в области литературы. В таблице 1 представлены результаты корреляционного анализа, позволяющие утверждать, что существует связь между активным чтением и творческой деятельностью: желанием и способностью писать сочинения, стихи, рассказы, эссе (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,157$, уровень значимости $p = 0,05$).

Однако основной целью настоящего исследования было выявление механизма формирования идеалов молодежи посредством художественной литературы. Было показано, что этот процесс осуществляется не напрямую, через подражание внешнему облику и манере поведения героя, а в скрытой, опосредованной форме, путем сопоставления, идентификации с героями литературных произведений и их действиями в ситуациях, аналогичных собственным жизненным обстоятельствам.

Большинство респондентов (71,5 %) согласились с тем, что «читая художественную литературу, молодой человек сопоставляет себя с героями произведений и тем самым формирует свой собственный идеальный образ». В то же время 28,5 % респондентов считают, что на создание образов и идеалов художествен-

ная литература не оказывает воздействия, так как, по их мнению, молодой человек формирует свой идеальный образ другими средствами.

Для большинства участников опроса (62,6 %) также важны при чтении художественной литературы совпадения жизненных ситуаций, событий, характерных черт героев с их собственными. При этом 41,4 % респондентов отметили, что поведение героя может служить личным примером. Результаты корреляционного анализа, представленные в табл. 2, показывают, что молодые люди, для которых поведение литературных героев может служить примером, нуждаются в положительном герое (выявлена положительная корреляция $r = 0,196$ с уровнем значимости $p = 0,01$). Наличие положительного героя в литературе также значимо при сопоставлении собственного жизненного опыта с опытом героев литературного произведения ($r = 0,158$ с уровнем значимости $p = 0,05$).

Большинству респондентов (84,3 %) свойственно сопоставлять свой личный жизненный опыт с опытом героев литературных произведений, из них 70,8 % обращаются к опыту героев любимых книг, когда ситуация, описанная в литературном

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа по показателям частоты чтения и творческой активности

Творческая активность	Параметры сравнения	Читают постоянно, каждый день	Читают от случая к случаю, не ежедневно	Совсем не читают
Легко дается написание сочинений, стихов, рассказов, эссе	Корреляция Пирсона	,157*	,089	,072
	Знч. (2-сторон)	,012	,164	,262
	N	252	248	247

* корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.);

N – количество использованных пар значений переменных.

Результаты корреляционного анализа по двум показателям

Отношение к положительному литературному герою	Параметры сравнения показателей	Свойственно сопоставлять личный опыт с опытом героев литературы	Поведение героев может служить личным примером
Потребность в наличии положительного героя в литературе	Корреляция Пирсона	,158*	,196**
	Знч. (2-сторон)	,012	,002
	N	252	247

* корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.);

** корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.);

N — количество использованных пар значений переменных.

произведении, идентична их собственной жизненной ситуации. С другой стороны, 30,1 % респондентов считают, что никакое литературное произведение не может помочь в решении личных проблем.

В ходе опроса часть респондентов отметили, что среди прочитанных ими художественных произведений есть такие, которые позволили им сформировать некоторые жизненные принципы, такие как «относись к людям так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе», «человек должен стремиться к лучшему, работать над собой, достигая цели», «плохой опыт — тоже опыт», «отношение к жизни как к великому чуду» и т. д.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод, что у современной молодежи сохраняется интерес к художественной литературе. Кроме того, многие молодые люди испыты-

вают потребность в положительных героях, на которых можно было бы ориентироваться в определенных жизненных ситуациях. К сожалению, как показали результаты исследования, современная отечественная литература не предоставляет молодым людям достаточное число таких персонажей, которые могли бы выступать образцом для подражания. Вопрос развития отечественной литературы, популяризации произведений отечественных авторов, повышения художественного уровня книг, стимулирования выпуска и распространения социально значимой литературы требует внимания со стороны научной среды, средств массовой информации и государственных институтов в целях определения приоритетных направлений по поддержке и развитию чтения в России, в том числе и в Санкт-Петербурге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.
2. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000.
3. Сикевич З.В. Молодежная культура: за и против: заметки социолога. Л., 1990.
4. Художественная литература. Проблемы исторического развития, функционирования и интерпретации текста. Сб. науч. тр. Минск, 2001.

Impact of Fiction on the Development of Ideals in Modern Russian Youth

A. V. PUSHKINA

*PhD student at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology,
Saint Petersburg State University*

The paper addresses the issue of the impact of fiction on the development of ideals, principles and values in young Russians. It explores the main mechanisms underlying this process and analyzes outcomes of a survey on the young people's interest in reading. The paper also outlines interdependence between various factors affecting the range of reading interests in the subjects.

Keywords: *ideals, fiction, value orientations, youth, reading interests.*

REFERENCES

1. *Bahtin M.M.* Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk. SPb., 2000.
2. *Lisoŭskij V.T.* Duhovnyj mir i cennostnye orientacii molodezhi Rossii. SPb., 2000.
3. *Sikevich Z.V.* Molodezhnaja kul'tura: za i protiv: zametki sociologa. L., 1990.
4. Hudozhestvennaja literatura. Problemy istoričeskogo razvitija, funkcionirovanija i interpretacii teksta. Sb. nauch. tr. Minsk, 2001.

**СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
ГАЛИНЫ МИХАЙЛОВНЫ АНДРЕЕВОЙ
13 июня 1924 — 31 мая 2014**

31 мая после тяжелой болезни скончалась Галина Михайловна Андреева, выдающийся ученый и педагог, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Российской академии образования, заслуженный профессор Московского университета, профессор кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и основательница этой кафедры.

Галина Михайловна родилась 13 июня 1924 года в Казани в семье врачей, ее отец был профессором и заведующим

кафедрой психиатрии Казанского медицинского института, а мать врачом-невропатологом городской больницы. После окончания с отличием школы в июне 1941 года Галина Андреева добровольцем ушла на фронт. До июня 1945 года она находилась в действующей армии в составе Брянского, II Прибалтийского и Ленинградского фронтов, пройдя путь от радиста до начальника радиостанции и дежурной фронтового узла связи. Награждена боевыми наградами — орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые

заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

После демобилизации летом 1945 года Г.М. Андреева поступила на философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, и с этого времени вся ее жизнь связана с Московским университетом. По окончании аспирантуры в 1953 году и защиты кандидатской диссертации преподавала на философском факультете МГУ. Галина Михайловна принадлежит к первому поколению российских социологов, которые сформировали облик отечественной социологической науки. В 1965 году Г.М. Андреева защитила докторскую диссертацию, содержание которой отражено в ее первой книге «Современная буржуазная эмпирическая социология» (1965), а в 1969 году организовала на философском факультете кафедру методики конкретных социальных исследований — первую университетскую социологическую кафедру в стране. Учебное пособие «Лекции по методике конкретных социальных исследований», вышедшее под редакцией Г.М. Андреевой в 1972 году, стало настольной книгой студентов, проводивших эмпирические исследования в социологии, а позже и в социальной психологии.

В 1972 году по приглашению основателя и первого декана факультета психологии МГУ А.Н. Леонтьева Галина Михайловна создала на факультете психологии кафедру социальной психологии, которой заведовала до 1989 года. Первые труды кафедры, вышедшие под редакцией Галины Михайловны, — «Теоретические и методологические проблемы социальной психологии» (1977), «Межличностное восприятие в группе» (1981),

«Методы исследования межличностного восприятия» (1984). Из-под ее пера вышли и первые учебники по социальной психологии для студентов: «Современная социальная психология на Западе (теоретические направления)» (в соавторстве с Н.Н. Богомоловой и Л.А. Петровской, 1978) и «Социальная психология» (первое издание — 1980).

Учебник Г.М. Андреевой «Социальная психология» стал первым университетским учебником по социальной психологии, награжден Ломоносовской премией, выдержал пять изданий в нашей стране (1980, 1988, 1994, 1998, 2004, последний на сегодняшний день тираж вышел в 2014 году), выпущен в форме аудиоучебника (2008), а также переведен на многие языки мира (английский, арабский, болгарский, венгерский, испанский, киргизский, китайский, литовский, французский и чешский). Цикл из 15 ее лекций по социальной психологии выпущен на дисках DVD (2008). В 2012 году учебно-методический комплекс «Социальная психология», подготовленный Г.М. Андреевой с коллегами, занял I место на Конкурсе психологических изданий в рамках V съезда Российского психологического общества в номинации «Лучший учебно-методический комплекс».

Третий написанный Г.М. Андреевой учебник — «Психология социального познания» (вышел тремя изданиями — 1997, 2000, 2005) — содержит осмысление нового для отечественной социально-психологической традиции предметного поля.

Всего ею опубликовано более 250 научных работ. Обобщающий том научных работ «Социальное познание: проблемы и перспективы» вышел в серии «Психо-

логи Отечества. Избранные психологические труды» (1999). К 30-летию кафедры социальной психологии Галина Михайловна с коллегами подготовила учебное пособие «Социальная психология в современном мире» (2002). Принципиальные статьи, написанные Г.М. Андреевой в 2000-е годы, собраны в ее книге «Социальная психология сегодня: поиски и размышления» (2009).

Все годы своего существования кафедры социальной психологии, благодаря, прежде всего, усилиям и позиции Галины Михайловны, была интегрирована в мировое научное сообщество. Продукты международного научного сотрудничества — книги под редакцией Г.М. Андреевой и Я. Яноушека «Общение и деятельность» (на чешском языке, Прага, 1981) и «Общение и оптимизация совместной деятельности» (М., 1987), подготовленные коллективами кафедр социальной психологии МГУ и Карлова университета в Праге. Совместные исследовательские проекты и публикации с канадскими психологами (1970-е годы), немецкими психологами (1970-е — 1990-е годы), финскими психологами (с 1990-х годов по настоящее время) осуществлялись под руководством и при лидирующем личном участии Галины Михайловны. Профессор Андреева читала лекции в университетах Англии, Швеции, Германии, Чехии, Венгрии, Финляндии, США и Италии.

Г.М. Андреева — действительный член Российской академии образования (1993). Член Ученого совета МГУ (2001—2014). Удостоена званий «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (1984), «Почетный доктор университета Хельсинки» (2000). Лауреат премии имени М.В. Ломоносова за

научную работу (1984) и за педагогическую работу (2001). Награждена Серебряной медалью имени Пителима Сорокина РАН «За вклад в науку» (2008) и медалью «За вклад в развитие военной психологии» Обществом психологов силовых структур (2008). Член Российского общества социологов и Российского психологического общества. Член Европейской ассоциации социальной психологии. Награждена орденом Дружбы (1999) и орденом Почета (2004).

До настоящего времени Г.М. Андреева была членом Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при МГУ имени М.В. Ломоносова; председателем редакционного совета журнала «Социальная психология и общество», созданного в 2010 году при ее деятельном участии; членом редакционного совета журнала «Вопросы психологии»; членом редколлегий журналов «Вестник Московского университета. Серия XIV. Психология» и «Психологические исследования. Электронный журнал».

Научные заслуги Г.М. Андреевой отмечены званием лауреата XIV Национального психологического конкурса «Золотая Психея» по итогам 2012 года в номинации «Патриарх российской психологии».

За 60 лет плодотворной работы в МГУ имени М.В. Ломоносова Г.М. Андреева создала научную школу в социальной психологии, проводимые в ней исследования отличаются междисциплинарностью, глубиной методологического анализа и анализа социальных проблем.

Галина Михайловна — любимый преподаватель многих поколений студентов факультета психологии. На протяжении

многих лет и до настоящего времени она читала на факультете авторские курсы — общий курс лекций «Социальная психология» и спецкурс «Психология социального познания». В последние годы разработала и читала спецкурс «Психология социального конфликта» для специализации «Психология переговоров и разрешения конфликтов». Под ее руководством были подготовлены и защищены более 100 дипломных работ, 51 кандидатская диссертация, 13 ее учеников стали докторами наук.

Яркие и содержательные лекции и научные доклады Галины Михайловны неизменно вызывали у студентов и аспирантов факультета психологии глубокий и устойчивый интерес к социальной пси-

хологии — науке, становлению которой в нашей стране Г.М. Андреева посвятила многие годы жизни, вкладывая в этот трудный процесс свой блестящий интеллект, силы и душу.

Ученики и коллеги скорбят о горькой утрате. Галина Михайловна покинула этот мир, но оставила нам образцы высокого профессионализма, ответственного отношения к делу, безупречного чувства чести и человеческой порядочности, четкой и последовательной гражданской и профессиональной позиции, человеческого мужества, женской красоты и обаяния.

Скорбим, помним, любим.

Члены редколлегии

In memory of Galina M. Andreeva

К 90-летию А.В. Петровского

14 мая 2014 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Артура Владимировича Петровского [1924–2006] — выдающегося российского психолога, педагога, организатора науки, академика РАО, доктора психологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ. Без преувеличения можно сказать, что сложно найти человека в психологическом сообществе, который не знал бы его лично или по его многочисленным книгам, учебникам, психологическим словарям, публицистическим статьям, научно-популярным изданиям. Он стоял у истоков организации Российской академии образования, будучи назначен ее президентом-организатором Указом Президента РФ, а далее с 1992 по 1997 г. был её президентом.

Будучи крупным организатором российской науки, Артур Владимирович Петровский, прежде всего, известен как видный ученый, основатель и глава научной школы, объединяющей отечественных ученых, специалистов в области социальной психологии и психологии

личности. Безусловным достижением школы является разработка теории деятельности опосредствования межличностных отношений в группах, концепции персонализации, социально-психологических моделей вхождения личности в референтную группу и восхождения личности к своей социальной зрелости, трехфакторной модели «значимого другого».

Другой важнейшей сферой интересов А.В. Петровского являлась история психологии; эта тема в течение всей жизни будет интересоваться его. Исследуя историю развития психологической мысли в России, А.В. Петровский впервые ставит вопрос о необходимости объективной научной оценки педологии, столь популярной в начале нашего века, а также психотехники, рефлексологии, реактологии и трудов В.М. Бехтерева, В.А. Вагнера, П.П. Блонского и др.

В конце 1990-х гг. А.В. Петровский и его ученики разрабатывают также особую область историко-психологического исследования — политическую историю

психологии. Предметом изучения здесь является развитие психологической науки в зависимости от политической конъюнктуры, которая складывалась в тоталитарных государствах.

На протяжении 30 лет исследований под руководством А.В. Петровского защищено около 80 кандидатских и докторских диссертаций.

А.В. Петровский является автором, соавтором и редактором большого числа учебников по общей, социальной, возрастной, педагогической и теоретической психологии для вузов. Первый учебник был написан им в 1956 году в соавторстве с Г.А. Фортунатовым и выдержал три издания. Широко известны также вышедшие под его редакцией учебники общей психологии (первое издание — 1970), возрастной и педагогической психологии (первое издание — 1973), социальной психологии (1987) для педагогических вузов. Кроме того, А.В. Петровский уделял большое внимание работе над словарно-справочными изданиями по психологии, которые выпускаются с 1983 г.

А.В. Петровский — автор многочисленных научно-популярных книг и статей по психологии, являлся и научным консультантом ряда научно-популярных фильмов, из которых наиболее известны «Я и другие», «Семь шагов за горизонт», а также художественного фильма «Чучело».

Научные труды А.В. Петровского переводились во многих странах Европы, Америки и Азии (на английский, немецкий, испанский, финский, датский, японский, китайский и другие языки;

всего — на 17 языков). А.В. Петровский был одним из создателей коллективной монографии ЮНЕСКО «Learning to be» (1972), определяющей стратегию развития образования в мире.

За время своей научной деятельности А.В. Петровский опубликовал свыше 1500 статей, учебников, учебных пособий, монографий, справочных изданий.

Заслуги Артура Владимировича Петровского были отмечены многими отечественными и зарубежными наградами, в том числе орденом «Знак Почета» (1983), орденом Отечественной войны и медалями. В 1997 году он был удостоен премии Правительства РФ (совместно с М.Г. Ярошевским) за научно-практическую разработку «Четырехуровневой системы психологического образования в высших учебных заведениях». В 1999 году указом Президента РФ награжден орденом Почета.

В настоящее время основные идеи А.В. Петровского продолжают своё развитие в трудах его учеников и последователей. Именно научная психологическая школа А.В. Петровского является теоретико-методологическим основанием как образовательной, так и научно-исследовательской деятельности факультета социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, получив новый импульс своего развития и обеспечивая эффективность крупного современного научного коллектива за 15 с лишним лет его существования.

Редколлегия

On the 90th Anniversary of A. V. Petrovsky's Birth

Алдашева Айгуль Абдулхаевна — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института психологии РАН, г. Москва
figulmfmf@mail.ru

Астанина Надежда Борисовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Воронежского филиала Московского гуманитарно-экономического института,
astanina.nadya@yandex.ru

Власов Петр Константинович — кандидат психологических наук, директор Института прикладной психологии «Гуманитарный центр», г. Харьков, Украина
Humanitariancentreiap@gmail.com

Горбатов Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, профессор кафедры менеджмента массовых коммуникаций факультета прикладных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета,
gorbatov.rus@gmail.com

Заиченко Александра Анатольевна — магистрант Инженерно-технологической академии Южного федерального университета, г. Таганрог,
psihissled@mail.ru

Зеленова Марина Евгеньевна — кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН, г. Москва,
zelenmar@rambler.ru

Захаров Александр Витальевич — начальник Центра психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Москва,
z-alex69@yandex.ru

Киселева Анна Аркадиевна — кандидат филологических наук, заместитель директора Института прикладной психологии «Гуманитарный центр», г. Харьков, Украина,
Humanitariancentreiap@gmail.com

Кузнецов Игорь Михайлович — кандидат социологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета, ведущий научный сотрудник отдела этнической социологии Института социологии РАН, г. Москва,
ingvar31@yandex.ru

Мельникова Наталья Георгиевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института горной физиологии Национальной академии наук Кыргызской Республики, г. Бишкек,
ngmelnikova@rambler.ru

Нартова-Бочавер Софья Кимовна — доктор психологических наук, профессор Московского городского психолого-педагогического университета,
s-nartova@yandex.ru

Павлова Ольга Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета,
os_pavlova@mail.ru

Пушкина Алена Владимировна — аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета,
a.v.pushkina@yandex.ru

Смылова Мария Михайловна — младший научный сотрудник Института социологии образования РАО, г. Москва,
smyslovamaria@yandex.ru

Собкин Владимир Самуилович — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор Института социологии образования РАО, г. Москва,
sobkin@mail.ru

Хайт Мария Александровна — аспирантка кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета,
mary1415@mail.ru

Хухлаев Олег Евгеньевич — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой этнопсихологии и проблем поликультурного образования Московского городского психолого-педагогического университета,
huhlaev@mail.ru

Эксакусто Татьяна Валентиновна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и безопасности жизнедеятельности Инженерно-технологической академии Южного федерального университета, г. Таганрог,
etv01@yandex.ru

Aigul A. Aldasheva – Doctor in Psychology, leading research fellow at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
figulmfmf@mail.ru

Nadezhda B. Astanina – PhD in Psychology, associate professor at the Department of Psychology, Voronezh branch of the Moscow Humanitarian-Economic Institute,
astanina.nadya@yandex.ru

Peter K. Vlasov – PhD in Psychology, head of the Institute of Applied Psychology "Humanitarian Centre", Kharkiv, Ukraine,
Humanitariancentreiap@gmail.com

Dmitriy S. Gorbatov – Doctor in Psychology, professor at the Department of Management in Mass Communications, Faculty of Applied Communications, Saint Petersburg State University,
gorbatov.rus@gmail.com

Aleksandra A. Zaichenko – MA student at the Engineering and Technology Academy, Southern Federal University, Taganrog,
psihissled@mail.ru

Marina E. Zelenova – PhD in Psychology, research fellow at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Science, Moscow,
zelenmar@rambler.ru

Alexander V. Zakharov – head of the Center for Psychological Services of the Russian Armed Forces, Moscow,
z-alex69@yandex.ru

Anna A. Kiseleva – PhD in Philology, deputy head of the Institute of Applied Psychology "Humanitarian Centre", Kharkiv, Ukraine,
Humanitariancentreiap@gmail.com

Igor M. Kuznetsov – PhD in Sociology, associate professor at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education; leading researcher at the Department of Ethnic Sociology, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
ingvar31@yandex.ru

Natalia G. Melnikova – PhD in Psychology, senior research fellow at the Institute of Mountain Physiology, National Academy of Sciences of Kyrgyz Republic, Bishkek,
ngmelnikova@rambler.ru

Sofiya K. Nartova-Bochaver – Doctor in Psychology, professor at the Moscow State University of Psychology and Education,
s-nartova@yandex.ru

Olga S. Pavlova – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education,
os_pavlova@mail.ru

Alena V. Pushkina – PhD student at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University,
a.v.pushkina@yandex.ru

Maria M. Smyslova – junior researcher at the Institute of Sociology of Education, the Russian Academy of Education, Moscow,
smyslovamaria@yandex.ru

Vladimir S. Sobkin – Doctor in Psychology, professor, member of the Russian Academy of Education (RAE), director of the Institute of Sociology of Education RAE, Moscow,
sobkin@mail.ru

Maria A. Khayt – PhD student at the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education,
mary1415@mail.ru

Oleg Ye. Khukhlaev – PhD in Psychology, assistant professor, head of the Chair of Ethnopsychology and Psychological Problems in Multicultural Education, Moscow State University of Psychology and Education,
hukhlaev@mail.ru

Tatyana V. Eksakusto – PhD in Psychology, associate professor at the Chair of Psychology and Life Safety, Engineering and Technology Academy, Southern Federal University, Taganrog,
etv01@yandex.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207

Тел.: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

Факс: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409

Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Корректор *К.М. Корепанова*

Переводчик *Е. Виноградова*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

E-mail: *k-409rio@list.ru*

Technical editor *К.М. Корепанова*

Translator *Е. Виноградова*

Maker-up *М.А. Баскакова*